
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324742 6



UNIVERSITY OF TORONTO
LIBRARY

WILLIAM H. DONNER
COLLECTION

purchased from
a gift by

THE DONNER CANADIAN
FOUNDATION

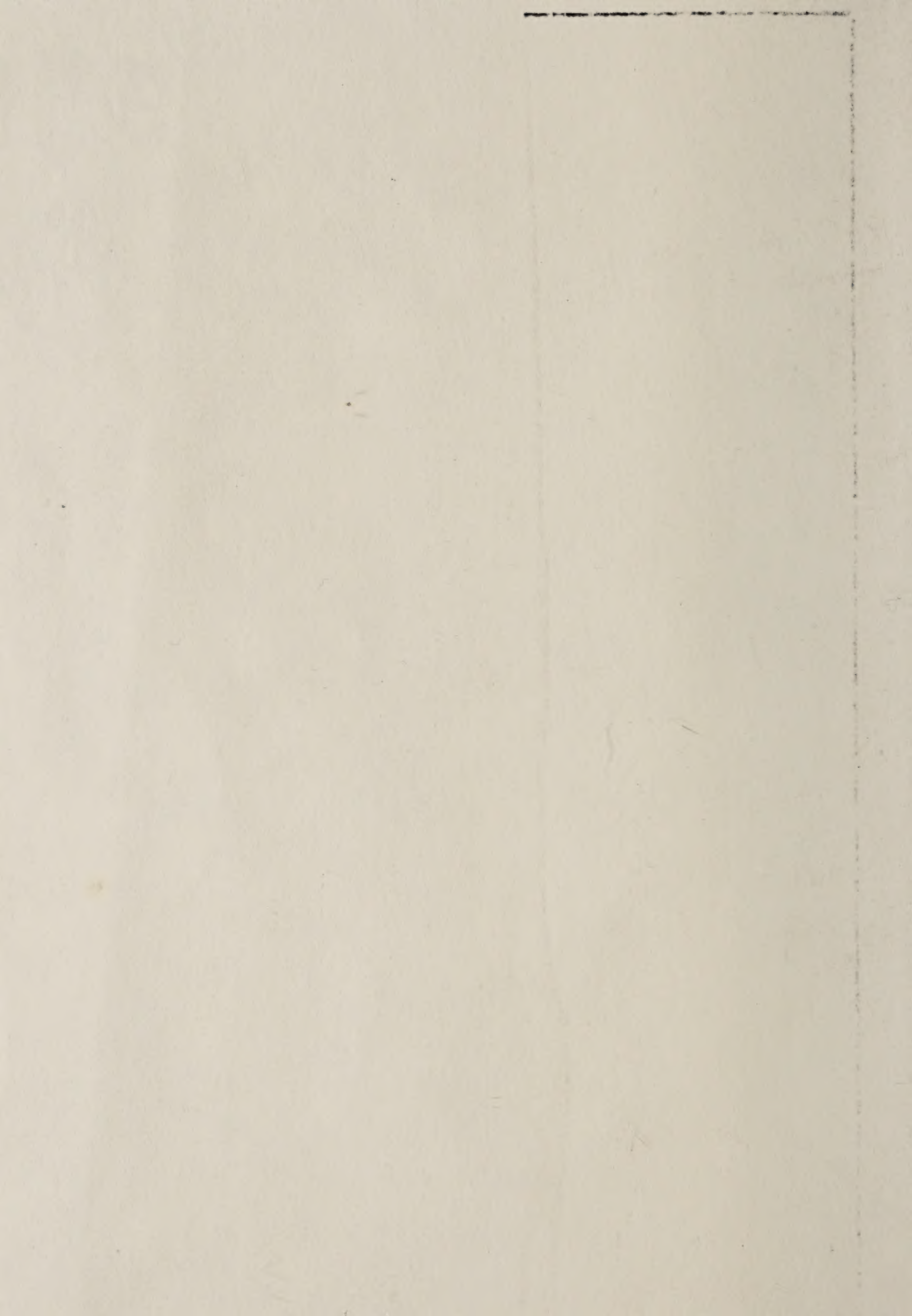
Digitized by the Internet Archive
in 2018 with funding from
University of Toronto

https://archive.org/details/sobraniesochinen04solo

I

72

v.4





LIBRARY
MAR 23 1970
UNIVERSITY OF TORONTO

PG
3470
T4
1909
t.4

1.2)

579551

Собраніе сочиненій

Ѳедора Сологуба

Т. IV-й.



Изд-а

Шиповникъ

С. П. Б.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.

ѲЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

РАЗСКАЗЫ

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ИЗД. «ШИПОВНИКЪ» СПБ.


ИЗД:
ШИПОВНИКЪ

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
57955[illegible]
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1912 L

„Русская Скоропечатня", Спб., Екатерин. кан., 94

ӨЕДОРЪ СОЛОГУБЪ

РАЗСКАЗЫ

КРАСОТА

I.

Въ строгомъ безмолвіи вечерѣющаго дня Елена сидѣла одна, прямая и неподвижная, положивъ на колѣни бѣлыя, тонкія руки. Не наклоняя головы, она плакала; крупныя, медленныя слезы катились по ея лицу, и темные глаза ея слабо мерцали.

Нѣжно-любимую мать схоронила она сегодня, и, такъ какъ шумное горе и грубое участіе людское были ей противны, то она на похоронахъ, и раньше, и потомъ, слушая утѣшенія, воздерживалась отъ плача. Она осталась, наконецъ, одна, въ своемъ бѣломъ покоѣ, гдѣ все дѣвственно-чисто и строго,—и печальныя мысли исторгли изъ ея глазъ тихія слезы.

Еленино платье, строгое и черное, лежало на ней печально,—какъ-будто, облекая Елену въ день скорби, не могла равнодушная одежда не отражать ея омраченной души. Елена вспоминала покойную мать,—и знала, что прежняя жизнь, мирная, ясная и строгая, умерла навсегда. Прежде, чѣмъ начнется иное, Елена, холодными слезами и неподвижною грустью, поминала прошлое.

Ея мать умерла еще не старая. Она была прекрасна,

какъ богиня древняго міра. Медленны и величавы были всѣ ея движенія. Ея лицо было какъ-бы обвѣяно грустными мечтами о чемъ-то, навѣки утраченномъ, или о чемъ-то желанномъ и недостижимомъ. Уже на немъ давно, предвѣщательница смерти, ложилась томная блѣдность. Казалось, что великая усталость клонила къ успокоенію это прекрасное тѣло. Бѣлые волосы между черными все замѣтнѣе становились на ея головѣ,—и странно было Еленѣ думать, что ея мать скоро будетъ старухою...

Елена встала, подошла къ окну, и медленно отодвинула тяжелый занавѣсъ, чтобы разсѣять сумерки, которыхъ она не любила. Но и оттуда, извнѣ, томилъ ея взоры сѣрый и тусклый полусвѣтъ, — и Елена опять сѣла на свое мѣсто, и терпѣливо ждала черной ночи, и плакала медленными и холодными слезами.

И, наконецъ, настала ночь, въ комнату принесли огонь, и Елена снова подошла къ окну. Густая темнота окутывала улицу. Бѣдные и грубые предметы скучной обычности скрывались въ черномъ покровѣ ночи, — и было что-то торжественное въ этой печальной чернотѣ. Противъ окна, у котораго стояла Елена, слабо виднѣлся, на другой сторонѣ улицы, при свѣтѣ рѣдкихъ фонарей, маленькій кирпично-красный домъ кузнеца. Фонари стояли далеко отъ него,—онъ казался чернымъ.

Вдругъ изъ раскрытой кузницы къ воротамъ медленно пронеслась громадная красная искра, и мракъ вокругъ нея словно сгустился, — это кузнецъ пронесъ по улицѣ кусокъ раскаленнаго желѣза. Внезапная зажглась радость въ Елениной душѣ, и заставила Елену тихо засмѣяться, — въ просторѣ безмолвнаго покоя пронесся звонкій и радостный смѣхъ.

И когда прошелъ кузнецъ, и скрылась красная въ черномъ мракѣ искра,—Елена удивилась своей внезапной радости, и удивилась тому, что она все еще, нѣжно и трепетно, играетъ въ ея душѣ. Почему возникаетъ, откуда приходитъ эта радость, исторгающая изъ груди смѣхъ и зажигающая огни въ глазахъ, которые только-что плакали? Не красота-ли радуетъ и волнуетъ? И не всякое ли явленіе красоты радостно?

Мгновенная, пронеслась она во мракѣ, рожденная отъ грубаго вещества, и погасла, какъ и надлежитъ являться и проходить красотѣ, радуя и не насыщая взоровъ своимъ яркимъ и преходящимъ блескомъ.

Елена вышла въ неосвѣщенный залъ, гдѣ слабо пахло жасминомъ и ванилью, и открыла рояль; торжественныя и простыя мелодіи полились изъ-подъ ея пальцевъ, и ея руки медленно двигались по бѣлымъ и чернымъ клавишамъ.

II.

Елена любила быть одна, среди прекрасныхъ вещей въ своихъ комнатахъ, въ убранствѣ которыхъ преобладалъ бѣлый цвѣтъ, въ воздухѣ носились легкія и слабыя благоуханія, и мечталось о красотѣ такъ легко и радостно. Все благоухало здѣсь едва различными ароматами: Еленины одежды пахли розами и фіалками, драпировки—бѣлыми акаціями; цвѣтущіе гіацинты разливали свои сладкіе и томные запахи. Было много книгъ, — Елена читала много, но только избранныя и строгія творенія.

Съ людьми Еленѣ было тягостно, — люди говорятъ неправду, льстятъ, волнуются, выражаютъ свои чувства преувеличеннымъ и непріятнымъ способомъ. Въ людяхъ

много нелѣпаго и смѣшного: они подчиняются модѣ, употребляютъ зачѣмъ-то иностранныя слова, имѣютъ суетныя желанія. Елена была сдержанна съ людьми, и не могла полюбить ни одного изъ тѣхъ, кого встрѣчала. Одна только была, которая стоила любви, мать,— потому что она была спокойная, прекрасная и правдивая. Елена хотѣла-бы, чтобы и всѣ люди стали когда-нибудь такими-же, чтобы они поняли, что одна есть цѣль въ жизни, —красота, и устроили себѣ жизнь достойную и мудрую...

Горѣли лампы,—ихъ свѣтъ разливался неподвижно-ясно и бѣло. Пахло розою и миндалемъ. Елена была одна.

Она замкнула на ключъ дверь, зажгла передъ зеркаломъ свѣчи, и медленно обнажила свое прекрасное тѣло.

Вся бѣлая и спокойная, стояла она передъ зеркаломъ, и смотрѣла на свое отраженіе. Отсвѣты отъ лампъ и отъ свѣчъ пробѣгали по ея кожѣ, и радовали Елену. Нѣжная, какъ едва раскрывшаяся лилія съ мягкими, еще примятыми листочками, стояла она, и безгрѣшная алость разливалась по ея дѣвственному тѣлу. Казалось, что сладкій и горькій миндальный запахъ, вѣющій въ воздухѣ, исходитъ отъ ея нагого тѣла. Сладостное волненіе томило ее, и ни одна нечистая мысль не возмущала ея дѣвственнаго воображенія. И нѣжные грезились ей, и безгрѣшные поцѣлуи, тихіе, какъ прикосновенія полуденнаго вѣтра, и радостные, какъ мечты о блаженствѣ.

Радостна была для Елены обнаженная красота ея нѣжнаго тѣла,—Елена смѣялась, и тихій смѣхъ ея звучалъ въ торжественной тишинѣ ея невозмутимаго покоя

Елена легла грудью на коверъ, и вдыхала слабый за-

пахъ резеды. Здѣсь, внизу, откуда странно было смотрѣть на нижнія части предметовъ, ей стало еще веселѣе и радостнѣе. Какъ маленькая дѣвочка, смѣялась она, перекатываясь по мягкому ковру.

III.

Много дней подъ-рядъ, каждый вечеръ, любовалась Елена передъ зеркаломъ своею красотою,—и это не утомляло ея. Все было бѣло въ ея горницѣ,—и среди этой бѣлизны мерцали алые и желтые тоны ея тѣла, напоминая нѣжнѣйшіе оттѣнки перламутра и жемчуга.

Елена поднимала руки надъ головою и, приподнимаясь, вытягивалась, изгибалась и колебалась на напряженныхъ ногахъ. Нѣжная гибкость ея тѣла веселила ее. Ей радостно было смотрѣть, какъ упруго напрягались подъ нѣжною кожею сильные мускулы прекрасныхъ ногъ.

Она двигалась по комнатѣ, нагая, и стояла, и лежала, и всѣ ея положенія, и всѣ медленныя движенія ея были прекрасны. И она радовалась своей красотѣ, и проводила, обнаженная, долгіе часы,—то мечтая и любуясь собою, то прочитывая страницы прекрасныхъ и строгихъ поэтовъ...

Въ чеканной серебряной амфорѣ бѣлѣла благоуханная жидкость: Елена соединила въ амфорѣ ароматы и молоко. Елена медленно подняла чашу и наклонила ее надъ своею высокою грудью. Бѣлыя, пахучія капли тихо падали на алую, вздрагивающую отъ ихъ прикосновенія, кожу. Запахло сладостно ландышами и яблоками. Благоуханія обняли Елену легкимъ и нѣжнымъ облакомъ...

Елена распустила длинные, черные волосы, и осы-

пала ихъ красными маками. Потомъ бѣлая вязь цвѣтовъ поясомъ охватила ея гибкій станъ и ласкала ея кожу. И прекрасны были благоуханные эти цвѣты на обнаженной красотѣ ея благоуханнаго тѣла.

Потомъ она сняла съ себя цвѣты, и опять собрала волосы высокимъ узломъ, облекла свое тѣло тонкою одеждою, и застегнула ее на лѣвомъ плечѣ золотою пряжкою.

Сама она сдѣлала для себя эту одежду изъ тонкаго полотна, такъ что никто еще не видѣлъ ея.

Елена легла на низкое ложе, и сладостныя мечтанія проносились въ ея головѣ,—мечтанія о безгрѣшныхъ ласкахъ, о невинныхъ поцѣлуяхъ, о нестыдливыхъ хороводахъ на орошенныхъ сладостною росою лугахъ, подъ ясными небесами, гдѣ сіяетъ кроткое и благостное свѣтило.

Она глядѣла на свои обнаженныя ноги,—волнистыя линіи голеней и бедеръ мягко выбѣгали изъ-подъ складокъ короткаго платья. Желтоватые и алые нѣжные тоны на кожѣ рядомъ съ однообразною желтоватою бѣлизною полотна радовали ея взоры. Выдающіеся края косточекъ на колѣняхъ и стопахъ, и ямочки рядомъ съ ними,—все осматривала Елена любовно и радостно, и осязала руками,—и это доставляло ей новое наслажденіе.

IV.

Однажды вечеромъ Елена забыла запереть дверь передъ тѣмъ, какъ раздѣться. Обнаженная, стояла она передъ зеркаломъ, поднявъ руки надъ головою.

Вдругъ пріотворилась дверь. Въ узкомъ отверстіи показалась голова,—это заглянула горничная Макрина, смазливая дѣвица съ услужливо-лукавымъ выраженіемъ на

румяномъ лицѣ. Елена увидѣла ее въ зеркалѣ. Это было такъ неожиданно, — Елена не сообразила, что ей сдѣлать или сказать, и стояла неподвижно. Макрина скрылась сейчасъ-же, такъ-же безшумно, какъ и появилась. Можно было подумать, что она и не подходила къ двери, что это только такъ привидѣлось.

Еленѣ стало досадно и стыдно. Хотя она едва только успѣла бросить взглядъ на Макрину, но уже ей казалось, что она видѣла промелькнувшую на Макрининомъ лицѣ нечистую улыбку. Елена поспѣшно подошла къ двери, и заперла ее на ключъ. Потомъ она легла на низкомъ и мягкомъ ложѣ, и думала печально и смутно...

Досадныя подозрѣнія раскрывались въ ней...

Что скажетъ о ней Макрина? Теперь она, конечно, пошла въ людскую, и тамъ разсказываетъ кухаркѣ, шопотомъ, съ гадкимъ смѣхомъ. Волна стыдливаго ужаса пробѣжала по Еленѣ. Ей вспомнилась кухарка Маланья,— румяная, молодая бабенка, веселая, съ лукавымъ смѣшкомъ...

Что-же теперь говоритъ Макрина? Еленѣ казалось, что кто-то шепчетъ ей въ уши Макринины слова:

— И вижу это я скрозь щелку,—стоитъ барышня передъ зеркаломъ въ чемъ мать родила,—вся какъ есть совсѣмъ выпялимшись.

— Да что ты!—восклицаетъ Маланья.

— Вотъ ей-Богу!—говоритъ Макрина,—вся голая, и фигуряетъ, — и фигуряетъ, — и этакъ-то повернется, и такъ-то...

Макрина топчется на мѣстѣ, представляя барышню, и обѣ хохочутъ. Циничныя, грубыя слова звучали съ безпощадно-гнусною ясностью; отъ этихъ словъ и отъ

грубаго смѣха горничной и кухарки Еленино лицо покрылось жгучимъ румянцемъ стыда и обиды.

Она чувствовала стыдъ во всемъ тѣлѣ, — онъ разливался пламенемъ, какъ снѣдающая тѣло болѣзнь. Долго Елена лежала неподвижная, въ какомъ-то странномъ и тупомъ недоумѣніи,—потомъ стала медленно одѣваться, хмуря брови, какъ-бы стараясь рѣшить какой-то трудный вопросъ, и внимательно разсматривая себя въ зеркалѣ.

V.

Въ слѣдующіе за тѣмъ дни Макрина держала себя такъ, какъ будто она тогда и не видѣла ничего, и даже не проходила,—и это ея притворство раздражало Елену. И потому уже все въ Макринѣ, что было и раньше, но чего Елена не замѣчала, теперь стало ей противно. Непріятно было одѣваться и раздѣваться при Макринѣ, принимать ея услуги, слушать ея льстивыя слова, которыя прежде терялись въ лепечущихъ звукахъ водяныхъ струекъ, плещущихъ объ Еленино тѣло, а теперь поражали слухъ.

И въ первый-же разъ, когда Макрина заговорила попрежнему, Елена вслушалась въ ея слова, и дала волю своему раздраженію.

Утромъ, когда Елена входила въ ванну, Макрина, поддерживая ее подъ локоть, сказала со льстивою улыбкою:

— Въ такую милочку, какъ вы, кто не влюбится! Развѣ у кого глазъ нѣтъ, тотъ только не замѣтитъ. Что за ручки, что за ножки!

Елена покраснѣла.

— Пожалуйста, перестаньте,—рѣзко сказала она.

Макрина взглянула на нее съ удивленіемъ, опустила глаза, и потомъ,—или это только показалось Еленѣ?—легонько усмѣхнулась. И эта усмѣшка еще болѣе раздражила Елену,—но уже она овладѣла собою, и промолчала...

Упрямо, безъ прежняго радованія, съ какими-то злыми думами и опасеніями, Елена продолжала каждый день обнажать свое прекрасное тѣло и смотрѣть на себя въ зеркало. Она дѣлала это даже чаще, чѣмъ прежде, не только вечеромъ, при свѣтѣ лампъ, но и днемъ, опустивъ занавѣси. Теперь она уже не забывала опускать портьеры, чтобы не подсматривали и не подслушивали ее снаружи, и при этомъ стыдъ дѣлалъ всѣ ея движенія неловкими.

Уже и не такимъ, какъ прежде, прекраснымъ казалось теперь Еленѣ ея тѣло. Она въ этомъ тѣлѣ находила недостатки,—старательно отыскивала ихъ. Чудилось въ немъ нѣчто отвратительное,—зло, разъѣдающее и позорящее красоту, какъ-бы налетъ какой-то, паутина или слизь, которая противна, и которую никакъ не стряхнуть.

Еленѣ часто казалось, что на ея обнаженномъ тѣлѣ тяжко лежатъ чьи-то чужіе и страшные взоры. Хотя никто не смотрѣлъ на нее, но ей казалось, что вся комната на нее смотритъ, и отъ этого дѣлалось стыдно и жутко.

Было-ли это днемъ,—Еленѣ казалось, что свѣтъ безстыденъ, и заглядываетъ въ щели изъ-за занавѣса острыми лучами, и смѣется. Вечеромъ — безокія тѣни изъ угловъ смотрѣли на нее, и зыбко двигались, и эти ихъ движенія, которыя производились трепетавшимъ свѣтомъ свѣчъ, казались Еленѣ беззвучнымъ смѣхомъ надъ нею.

Страшно было думать объ этомъ беззвучномъ смѣхѣ, и напрасно убѣждала себя Елена, что это обыкновенныя, неживыя и незначительныя тѣни, — ихъ вздрагиванье намекало на чуждую, недолжную, издѣвающуюся жизнь.

Иногда внезапно возникало въ воображеніи чье-то лицо, обрюзглое, жирное, съ гнилыми зубами, — и это лицо похотливо смотрѣло на нее маленькими, отвратительными глазами.

И на своемъ лицѣ Елена порою видѣла въ зеркалѣ что-то нечистое и противное, и не могла понять, что это.

Долго думала она объ этомъ и чувствовала, что это не показалось ей, что это въ ней родилось что-то скверное, въ тайникахъ ея опечаленной души, межъ тѣмъ какъ въ тѣлѣ ея, обнаженномъ и бѣломъ, подымалась все выше горячая волна трепетныхъ и страстныхъ волненій.

Ужасъ и отвращеніе томили ее.

И поняла Елена, что невозможно ей жить со всѣмъ этимъ темнымъ на душѣ. Она думала:

„Можно-ли жить, когда есть грубыя и грязныя мысли? Пусть онѣ и не мои, не во мнѣ зародились, — но развѣ не моими стали эти мысли, какъ только я узнала ихъ? И не все-ли на свѣтѣ мое, и не все-ли связано неразрывными связями?“

VI.

Въ гостиной у Елены сидѣлъ Ресницынъ, молодой человѣкъ, по-модному одѣтый, нѣсколько вялый, но совершенно влюбленный въ себя и увѣренный въ своихъ достоинствахъ. Его любезности сегодня не имѣли никакого успѣха у Елены, какъ и раньше, впрочемъ. Но прежде она выслушивала его съ тою общею и безлич-

ною благосклонностью, которая привычна для людей такъ называемаго „хорошаго общества". Теперь-же она была холодна и молчалива.

Ресницынъ чувствовалъ себя выбитымъ изъ колеи, а потому сердился и нервно игралъ моноклемъ. Онъ не прочь былъ бы назвать Елену невѣстою, и ея холодность казалась ему грубостью. А Елену болѣе, чѣмъ когда-либо прежде, утомляло въ его разговорѣ легкомысленное порханіе съ предмета на предметъ. Она сама говорила всегда сжато и точно, и всякое многорѣчіе людское было ей тягостно. Но люди почти всѣ таковы,— распущенные, безпорядочные.

Елена спокойно и внимательно смотрѣла на Ресницына, какъ бы находя въ немъ какое-то печальное соотвѣтствіе своимъ горькимъ мыслямъ. Неожиданно для него она спросила:

— Вы любите людей?

Ресницынъ усмѣхнулся небрежно, съ видомъ умственнаго превосходства, и сказалъ:

— Я самъ—человѣкъ.

— Да себя-то вы любите?—опять спросила Елена.

Онъ пожалъ своими узенькими плечами, саркастически усмѣхнулся, и сказалъ притворно-вѣжливымъ тономъ:

— Люди вамъ не угодили? Чѣмъ, позвольте спросить?

Видно было, что онъ чувствуетъ себя оскорбленнымъ за людей тѣмъ, что Елена допускаетъ возможность и не любить ихъ.

— Развѣ можно любить людей?—спросила Елена.

— Почему-же нельзя?—изумленно переспросилъ онъ.

— Они сами себя не любятъ,— холодно говорила Елена,— да и не за что. Они не понимаютъ того, что

одно достойно любви,—не понимаютъ красоты. О красотѣ у нихъ пошлыя мысли, такія пошлыя, что становится стыдно, что родилась на этой землѣ. Не хочется жить здѣсь.

— Однако-же вы живете здѣсь!—сказалъ Ресницынъ.

— Гдѣ-же мнѣ жить!—холодно промолвила Елена.

— Гдѣ-же люди лучше?—спросилъ Ресницынъ.

— Да они вездѣ одинаковы,—отвѣтила Елена, и легкая презрительная усмѣшка мелькнула на ея губахъ.

Ресницынъ не понималъ. Разговоръ этотъ стѣснялъ его, казался ему неприличнымъ и страннымъ. Онъ поспѣшилъ распрощаться и уйти.

VII.

Вечерѣло. Елена была одна.

Въ тихомъ воздухѣ ея покоя ванильный запахъ геліотропа не смѣшивался съ медовымъ ароматомъ черемухи и со сладкими благоуханіями розъ, и побѣждалъ ихъ.

„Построить жизнь по идеаламъ добра и красоты! Съ этими людьми и съ этимъ тѣломъ!—горько думала Елена.—Невозможно! Какъ замкнуться отъ людской пошлости, какъ уберечься отъ людей! Мы всѣ вмѣстѣ живемъ, и какъ-бы одна душа томится во всемъ многоликомъ человѣчествѣ. Міръ весь во мнѣ. Но страшно, что онъ таковъ, каковъ онъ есть,—и какъ только его поймешь, такъ и увидишь, что онъ не долженъ быть, потому-что онъ лежитъ въ порокѣ и во злѣ. Надо обречь его на казнь,—и себя съ нимъ“.

Тоскующіе Еленины глаза остановились на блестящемъ предметѣ, красивой игрушкѣ, брошенной на столѣ.

„Какъ это просто! — подумала она.— Вотъ, довольно хоть-бы этого ножа".

Тонкій позолоченный кинжалъ, изъ тѣхъ, которые иногда употребляются для разрѣзыванія книгъ, съ украшенною искусною рѣзьбою рукоятью и съ обоюдоострымъ лезвеемъ, лежалъ на ея письменномъ столѣ. Елена взяла его въ руки и долго любовалась имъ. Она купила его недавно, не потому, что онъ былъ ей нуженъ, — нѣтъ, ея взоры привлекъ странный, запутанный узоръ рѣзьбы на рукояти.

„Прекрасное орудіе смерти",—подумала она, и улыбнулась. Улыбка ея была спокойная и радостная, и мысли въ головѣ у ней проходили ясныя и холодныя.

Она встала,—и кинжалъ блестѣлъ въ ея опущенной обнаженной рукѣ, на складкахъ ея зеленовато-желтаго платья. Она ушла въ свою опочивальню, и на подушкахъ, лезвеемъ къ изголовью, положила кинжалъ. Потомъ надѣла она бѣлое платье, отъ котораго томно и сладостно пахло розами, опять взяла кинжалъ, и легла съ нимъ на постель, поверхъ бѣлаго одѣяла. Ея бѣлые башмаки упирались въ подножіе кровати. Она полежала нѣсколько минуть неподвижно, съ закрытыми глазами, прислушиваясь къ тихому голосу своихъ мыслей. Все въ ней было ясно и спокойно, и только темное томило ее презрѣніе къ міру и къ здѣшней жизни.

И вотъ,—какъ-будто кто-то повелительно сказалъ ей, что насталъ ея часъ. Медленно и сильно вонзила она въ грудь, прямо противъ ровно бившагося сердца, кинжалъ до самой рукояти,—и тихо умерла. Блѣдная рука разжалась и упала на грудь, рядомъ съ рукоятью кинжала.

УТѢШЕНІЕ

I.

Въ ясный осенній день по шумной и людной улицѣ возвращались домой два школьника. Одинъ, Дмитрій Дармостукъ, былъ удрученъ тѣмъ, что въ его дневникѣ единица. Тоска и страхъ ясно отражались на его худощавомъ лицѣ съ большимъ носомъ и тонкими, по привычкѣ улыбающимися, губами.

Дармостукъ—кухаркинъ сынъ, но одѣтъ чистенько, и самъ чистый да бѣлый. Онъ довольно высокъ для своихъ тринадцати лѣтъ.

Другой, Назаровъ, видно, сорви-голова,—растрепанный, оборванный, въ стоптаныхъ и нечищеныхъ сапогахъ, въ выгорѣвшей на солнцѣ фуражкѣ; весь онъ нескладный,—длинный, тощій, испитой. Его блѣдное и сухое лицо часто подергивается судорожными гримасами, а въ минуту возбужденія онъ весь сотрясается, моргаетъ и заикается.

— Недаромъ у меня утромъ правый глазъ чесался,—сказалъ Дармостукъ, пожимаясь тонкими плечами, словно отъ холода,—такъ я и зналъ, что что-нибудь выйдетъ.

— Дуракъ, примѣтамъ вѣришь,—отвѣтилъ Назаровъ,

заикаясь на звукѣ „р.“—Ты знаешь что, ты дневникъ расшей.

— Ну, и что-же?—съ робкимъ любопытствомъ спросилъ Дармостукъ.

— Ну вотъ,—оживленно говорилъ Назаровъ, начиная усиленно гримасничать и безтолково разводя руками,—вынешь листъ съ единицей, ну и вставишь чистый,—понимаешь, изъ другого дневника,—дома покажешь, а потомъ опять расшей, старый вставь.

Назаровъ засмѣялся, поднялъ колѣно, и хлопнулъ по нему ладонью.

— А чистый-то листъ откуда мнѣ взять?—нерѣшительно спросилъ Митя.

— Я тебѣ продамъ изъ своего дневника,—зашепталъ Назаровъ, оглядываясь по сторонамъ,—а самъ скажу, что потерялъ,—понимаешь?—и куплю другой дневникъ.

— Да вѣдь будетъ видно, если расшить,—возражалъ Митя.

— Можно и не расшивавши вынуть,—сказалъ Назаровъ съ увѣренной усмѣшкою знающаго человѣка.

— Ну?—недовѣрчиво спросилъ Митя.

Улыбка отдаленной надежды мелькнула на его блѣдныхъ губахъ.

— Вотъ ей-Богу,—убѣдительно говорилъ Назаровъ,—только надорвать вверху и внизу,—да вотъ я тебѣ покажу,—давай,—вотъ только войдемъ подъ ворота.

— Боюсь,—нерѣшительно сказалъ Митя, щурясь отъ набѣгавшаго вѣтра, который поднималъ съ мостовой столбы сора и пыли.

А Назаровъ уже вытащилъ изъ сумки дневникъ,—тетрадочку, разграфленную на весь годъ для записи уроковъ, отмѣтокъ и замѣчаній. Товарищи вошли въ

ворота большого проходного дома, и тамъ остановились: Дармостуку надо было итти черезъ этотъ дворъ, а Назаровъ не отставалъ, и убѣждалъ Митю купить листъ изъ дневника. Голоса ихъ гулко раздавались подъ кирпичными сводами, и это пугало Митю.

— Ну, давай пятиалтынный,—говорилъ Назаровъ.— Вѣдь дневникъ двадцать копѣекъ стоитъ, а куда онъ порченый? Для того только уступаю, что можетъ потомъ и мнѣ пригодится, на всякій случай,—понимаешь?

— Дорого,—сказалъ Дармостукъ, завистливо поглядывая на дневникъ.

— Дорого? Дуракъ! Найди дешевле,—съ досадою крикнулъ Назаровъ, и показалъ Митѣ языкъ, длинный и тонкій.

— Да мнѣ и не надо.

Митя отвернулся, стараясь подавить незаконное желаніе.

— Ну, давай гривенникъ,—быстро заговорилъ Назаровъ, становясь опять ласковымъ.—Ну, пятачокъ? Соглашайся скорѣе, завтра двугривенный заломлю.

Назаровъ хваталъ Дармостука за руки холодными и цѣпкими пальцами, и отчаянно гримасничалъ.

— Грѣшно,—пробормоталъ Митя, и покраснѣлъ.

— Ничего не грѣшно,—запальчиво возразилъ Назаровъ,—а имъ не грѣшно колы лѣпить ни за что, ни про что?

По Митину лицу было видно, что онъ недолго устоитъ противъ искушенія. Но уже Назаровъ разсердился, и сдѣлалъ гримасу, выражавшую горчайшее презрѣніе.

— Чортъ съ тобой!—выкрикнулъ онъ, трепеща отъ досады, передернулся, какъ картонный паяцъ на ни-

точкѣ, быстро всунулъ дневникъ въ сумку, и побѣжалъ прочь.

Митя вошелъ во дворъ, и въ раздумьи тихо подвигался впередъ. Дворъ тянулся длинный, неширокій, мощеный неровнымъ булыжникомъ. Посреди задняго флигеля мрачно зіяли ворота на другую улицу. Вдоль двора лежалъ узенькій, въ одну плиту, неровный тротуаръ. По сторонамъ подымались четырехъэтажные флигели, съ грязно-желтыми стѣнами, съ бурыми деревянными, крупно-продыравленными для воздуха, ящиками въ кухонныхъ окнахъ. Проходили женщины въ платкахъ, мастеровые. Мусоръ валялся неприбранный. Стояла поломанная бочка. Грязныя дѣти играли возлѣ нея, и весело и звонко кричали. Пахло непріятно и грубо.

Хорошо бы, если бы дневникъ показывать только матери! Но его надо показать еще и барынѣ... Барыня вспоминалась надоѣдливая, говорливая, важная, шумящая шелковымъ платьемъ и сильно пахнущая духами, — и всѣмъ этимъ наводила на Митю оторопь и страхъ.

И мать вспоминалась. Митя зналъ, что она будетъ бранить его и плакать. Она—угрюмая и бѣдная. Она работаетъ,—и Митя понималъ, что долженъ выучиться чему-нибудь, чтобъ ей подъ старость былъ пріютъ.

Съ улицы доносились грохочущіе звуки,—проѣзжали экипажи, далеко сотрясая мостовую. Митя чувствовалъ, какъ-бы въ самыхъ своихъ костяхъ, какъ легонько вздрагивали камни,—и это дрожаніе страшило его, какъ и отзвуки отъ уличныхъ гуловъ.

Вдругъ, гдѣ-то высоко, услышалъ Митя тонкій смѣхъ и звонко-лепечущій голосъ. Митя поднялъ глаза. Въ окнѣ задняго флигеля, въ четвертомъ этажѣ, увидѣлъ

онъ дѣвочку, лѣтъ четырехъ,—и дѣвочка понравилась ему. Освѣщенная солнцемъ, она лежала на подоконникѣ, ухватившись пухлыми ручонками за желѣзный красный листъ подъ окномъ, и смотрѣла ясными глазами внизъ, на играющихъ маленькихъ дѣвочекъ, которыя бѣгали и визгливо хохотали. Дѣвочку наверху радовало ихъ веселье. Она нагибалась къ нимъ, смѣялась и кричала что-то, чего не слушали онѣ.

Митино сердце тоскливо замерло. Въ первую минуту онъ не зналъ, что его страшитъ. Потомъ онъ подумалъ, что дѣвочка можетъ упасть, что она упадетъ, вотъ-вотъ сейчасъ. Митя поблѣднѣлъ и замеръ на мѣстѣ. Привычная головная боль схватила его за виски.

Такъ высоко,—а дѣвочка наклоняется, кричитъ и смѣется. Такъ высоко,—и только узкая желѣзная полоска, покатая внизъ, отдѣляетъ дѣвочку отъ страшной пропасти. Голова у дѣвочки,—думалъ Митя,—должна закружиться. Ей не удержаться,—думалъ онъ съ отчаяніемъ и страхомъ, и ему показалось, что она уже не смѣется, что она тоже испугалась.

Злая мысль на мгновеніе овладѣла Митею, и заставила его задрожать: онъ почувствовалъ нетерпѣливое желаніе, чтобы дѣвочка упала поскорѣе, лишь-бы не томиться ему здѣсь этимъ страхомъ. Но едва только онъ понялъ въ себѣ это желаніе, онъ спохватился и,—словно чувствуя, какъ она колеблется и скользитъ на узкомъ желѣзѣ, теряя равновѣсіе и цѣпляясь задрожавшими ручонками,—побѣжалъ къ дѣвочкѣ, протягивая руки. Но въ эту самую минуту дѣвочка взвизгнула, перевернулась въ воздухѣ, и упала, мелькнувши передъ окнами, какъ сброшенный съ чердака узелъ съ бѣльемъ.

Митя не добѣжалъ. Онъ остановился, и руки его

безсильно повисли. Дѣвочка ударилась о камни затылкомъ. Митя ясно услышалъ легкій трескъ ея черепа, похожій на звукъ отъ разбиваемой яичной скорлупы. Потомъ, съ мягкимъ стукомъ, она опрокинулась на спину и, какъ-то неловко изогнувшись и раскинувъ руки, легла ногами къ Митѣ; глаза ея были полузакрыты, и губы жалобно искривились.

Два мальчика, не видѣвшіе паденія, все еще бѣгали и смѣялись,—и голоса ихъ звучали странно и неумѣстно. Дѣвочки, перепуганныя, стояли молча, дрожали и таращили глаза на ребенка, который неожиданно свалился къ ихъ ногамъ. Было такъ свѣтло, на всемъ дворѣ лежали ясные и блѣдные отблески солнечныхъ лучей отъ верхнихъ оконъ,—кровь текла медленно изъ подъ золотистыхъ дѣвочкиныхъ волосъ, яркою струйкою, и смѣшивалась съ пылью и соромъ.

Вдругъ одна изъ дѣвочекъ, слабенькая и хрупкая на взглядъ, высоко вскинула руки, всплеснула маленькими ладошками, и пронзительно закричала, безъ словъ. Ея лицо покраснѣло и перекосилось, изъ прищурившихся глазъ брызнули мелкія и частыя слезинки,—и разлились по всему крошечному лицу. Не переводя голоса, протягивая руки и шатаясь, она метнулась въ сторону, гонимая ужасомъ, наткнулась на Митю руками, отскочила и побѣжала дальше, крича и плача.

Запищалъ кто-то, робко и плаксиво. Мальчики, только-что игравшіе, стали рядомъ съ Митею, и смотрѣли на упавшую дѣвочку съ тупымъ и безсмысленнымъ любопытствомъ. Въ одномъ изъ оконъ показалась толстая женщина въ бѣломъ передникѣ, и заговорила что-то, взволнованно и быстро. И изъ другихъ оконъ стали выглядывать на дворъ. Неспѣшно и равнодушно прибли-

зился дворникъ, бѣлолицый парень въ красной вязаной курткѣ, посмотрѣлъ на дѣвочку крупными и пустыми глазами и, оперпись о метлу руками, сталъ глазѣть по окнамъ. Когда онъ, постепенно подымая голову, дошелъ до верхнихъ оконъ, какія-то неясныя чувства тускло отразились на его пухломъ лицѣ.

Вокругъ дѣвочки собирались, зашумѣли. Мастеровой въ опоркахъ, съ ремешкомъ на лбу, замахалъ руками и крикнулъ:

— Городового!

— Ахъ, грѣхъ какой!—заахала маленькая старушонка, выглядывая изъ-за его плеча.

— Мать не досмотрѣла, — сказала сердитая баба въ сѣромъ платкѣ.

Подошелъ старшій дворникъ, въ черномъ пиджакѣ, чернобородый, съ поблѣднѣвшимъ отъ неожиданности лицомъ.

— Бѣги, бѣги,—говорилъ онъ подручному.

Бѣлолицый парень медленно пошелъ къ воротамъ.

— Въ участокъ пошли! — зашепталъ кто-то сзади Мити.

— Чего ужъ, окапутилась! — отвѣтилъ положительный мужской голосъ.

Митя удивился, какъ чему-то невозможному, что дѣвочка лежитъ уже мертвая.

Вдругъ откуда-то сверху донесся вой, растущій и приближающійся. Съ угловой лѣстницы, дико воня, вынеслась, неистовымъ порывомъ, растрепанная и поблѣднѣвшая женщина; она протягивала дрожащія руки, и стремительно упала на дѣвочку.

— Раечка, Раечка!—закричала она, и трясущимися губами принялась дуть на дѣвочкины ручонки. Потомъ,

вздрогнувъ отъ ихъ холода, она схватила Расчку за плечики, и приподняла ее. Расчкина голова запрокинулась назадъ. Мать отчаянно взвыла и покраснѣла, какъ та маленькая дѣвочка, и такъ же облилась слезами.

— Мать-то—окарачь!—послышался за Митею сокрушенный старушечій шопотъ.

Мостовая задрожала, —съ улицы донесся грохотъ и лязгъ отъ желѣза. Митѣ стало страшно. Онъ бросился бѣжать.

II.

Тяжело дыша отъ долгаго бѣга, Митя пріостановился на площадкѣ, на узкой и грязной лѣстницѣ, въ третьемъ этажѣ. Изъ отворенной двери кухонный чадъ обдалъ его. Онъ слышалъ сердитый материнъ голосъ. Робко вошелъ Митя въ кухню, гдѣ пахло масломъ, лукомъ, дымомъ,—и остановился у дверей, охваченный привычными ощущеніями, —неловкостью и безпріютностью въ этой квартирѣ, которая и чужая ему, и все-же служитъ его домомъ.

Его мать, кухарка Аксинья, растрепанная, жаркая, съ засученными рукавами на толстыхъ красныхъ рукахъ, въ затасканномъ и прожженномъ передникѣ, суетилась у плиты, поджаривая что-то, шипѣвшее и брызгавшее масломъ на сковородѣ. Пламенные язычки, красные, какъ струйки Расчкиной крови, мелькали за неплотно-затворенною печною дверцею. Сквозило,—дверь и окно стояли настежь. Аксинья бранила барыню, и свою жизнь, и жаркое, и дрова.

Митя чувствовалъ въ себѣ какое-то неясное, отвѣтное раздраженіе: онъ зналъ, что свою досаду мать сорветъ на немъ.

— Ну, чего торчишь на порогѣ!—закричала Аксинья, повертывая къ Митѣ красное озлобленное лицо со слезящимися глазами, надъ которыми метались рѣденькими космами сѣдѣющіе волосы. — Принесла нелегкая, безъ тебя тошно!

Митя прошелъ за перегородку, въ каморку при кухнѣ, гдѣ они съ матерью жили. Изъ кухни, сквозь шипящіе звуки на сковородѣ и въ печкѣ, слышалось сердитое Аксиньино ворчанье.

— Жаришься весь вѣкъ свой у печки, какъ окаянная,—прости, Господи, мое великое согрѣшеніе!—а сынъ выраститъ, о матери и не подумаетъ. Сыновнимъ-то хлѣбомъ не разъѣшься. Пока мать поитъ-кормитъ, пота мать и нужна!

Митя сердито нахмурился, усѣлся въ углу на зеленый сундучокъ, пригорюнился, и погрузился въ печальныя мысли и воспоминанія. Раечка вспоминалась ему— на камняхъ съ разбитою головою...

Прошло нѣсколько минутъ. Аксинья заглянула въ каморку, пріоткрывъ дверь.

— Митя, поди-ка сюда!—съ неловкостью въ голосѣ, полушопотомъ, позвала она.

Уже она смотрѣла на сына ласково, и это не шло къ ея грубому, некрасивому лицу. Митя подошелъ.

— На, съѣшь пока! — сказала Аксинья, сунула ему сладкій блинъ, только-что испеченный и еще горячій, и опять скрылась въ кухню.

Внезапное сердечное размягченіе вызвало на Митины глаза легкія слезинки. Когда онъ ѣлъ блинъ, скулы его двигались неловко, съ какою-то особою болью отъ подступающаго къ горлу плача. Острая жалость къ матери,

вызванная жалобами ея, и ея неуклюжею нѣжностью, сплелась тончайшими нитями съ жалостью къ Расчкѣ...

Аксинья любила сына озлобленною любовью, которая такъ обычна у бѣдныхъ людей, и которая терзаетъ обѣ стороны. Скудная, необезпеченная жизнь запугивала ее и подсказывала, что вотъ Митька выраститъ, запьянствуетъ, самъ пропадетъ и ее на старости броситъ. Но какъ отвратить бѣду, что дѣлать съ Митькою, чтобы онъ вышелъ человѣкомъ, она не знала, и только смутно чувствовала, что въ кухнѣ трудно возрастать. Она угрюмо хмурилась, всего боялась, часто вздыхала и охала.

Митя дожевалъ блинъ, и подошелъ къ окну, вытирая пальцы объ исподъ куртки. Изъ окна все казалось блѣднымъ и скучнымъ. Виднѣлись кухни, гдѣ стряпали, крыши, дымъ изъ трубъ, и блеклое небо. Митя легъ на подоконникъ, и смотрѣлъ на мощеный булыжникомъ дворъ. Раечка представилась ему, и то высокое окно,—онъ подумалъ:

„Этакъ и каждый можетъ упасть".

Первый разъ, полусознательно, но уже со страхомъ, отнесъ онъ къ себѣ мысль о смерти. Это была невозможная и ужасная мысль,—еще страшнѣе, чѣмъ думать, что Раечка упала и умерла, такъ просто, какъ разбивается ламповое стекло, если его бросить на камни.

Митя, дрожа, соскочилъ съ подоконника. Онъ чувствовалъ боль въ вискахъ и въ темени. Какъ-то нелѣпо замахалъ онъ руками, и пошелъ въ кухню. Тамъ Аксинья стояла у плиты, подперши рукою щеку, и уныло глядѣла на огонь. Митя сказалъ:

— Мама, а что я видѣлъ-то на проходномъ дворѣ!

— Ну? — сурово спросила мать, не поворачивая къ нему головы.

— Какъ дѣвчонка шмякнулась съ четвертаго этажа и голову разбила.

— Да что-ты!—вскрикнула Аксинья.

Отъ испуганнаго ея голоса Митѣ стало и страшно, и смѣшно. Ухмыляясь, иногда хихикая, онъ подробно разсказалъ, какъ Раечка упала. Аксинья ахала, испуганно и жалостливо, и смотрѣла на сына неподвижными, округлившимися глазами. Когда Митя разсказывалъ, какъ Раечка вскрикнула, онъ взвизгнулъ, какъ она, тонкимъ голосомъ, поблѣднѣлъ и слегка присѣлъ.

— Такихъ-бы матерей...—со злобою начала Аксинья, не кончила, и всхлипнула. — Анделъчикъ! — жалостно сказала она, вытирая слезы грязнымъ передникомъ, — Богъ прибралъ, ей тамъ лучше будетъ.

— Какъ она хряснулась!—задумчиво сказалъ Митя.

Мать опустила передникъ. Ея смоченное слезами и неподвижное лицо поразило мальчика. Онъ заплакалъ. Крупныя слезы быстро текли по его блѣднымъ щекамъ. Но ему стыдно стало плакать. Онъ отвернулся и, понурившись, побрелъ въ свою каморку, сѣлъ въ уголъ на зеленый сундучокъ, и долго и горько плакалъ, закрываясь руками.

Вечерѣло, и обычнымъ порядкомъ все шло, какъ всегда. Въ Митиныхъ настроеніяхъ была смута. Мелочи лѣзли въ глаза, и больно царапали душу, раньше почти не замѣчавшую ихъ. Хотѣлось еще разсказывать о Раечкѣ, еще разжалобить кого-то. Когда пришла въ кухню горничная Дарья, франтоватая дѣвица съ лукавымъ лицомъ и гладко причесанными волосами, онъ и ей разсказалъ подробно. Но съ тупымъ равнодушіемъ слуша-

ла его Дарья, приглаживая передъ Аксиньинымъ зеркальцемъ, висѣвшимъ въ каморкѣ на стѣнѣ, свои волосы тараканьяго цвѣта, отъ которыхъ пахло помадою.

— Тебѣ развѣ не жалко?—спросилъ Митя.

— А что она мнѣ, родная, что-ли?—съ глупымъ смѣхомъ отвѣтила Дарья.—Жалѣльщикъ выискался, подика!

— Чего жалѣть!—сказала мать,—всѣхъ-бы васъ туда, и слава Богу. Вотъ ты, что вырастешь? Пьяный мастеровщина будешь!

„А если-бы Раечка выросла? — подумалъ Митя. — Была-бы горничная, какъ Дарья, помадилась-бы и косила-бы хитрые глаза“...

Митя пошелъ къ барынѣ, дневникъ за недѣлю показать. Это барыня считала добрымъ дѣломъ,—заботиться о мальчикѣ, кухаркиномъ сынѣ.

Пріятные, но странные, какъ ладанъ, запахи въ комнатахъ оторвали Митю отъ мыслей о Раечкѣ. Онъ боязливо подошелъ къ барынѣ, которая сидѣла въ гостиной на диванѣ и раскладывала пасьянсъ.

Урутина была полная, бѣлая отъ притираній и пудры. Барынины дѣти,—сынъ гимназистъ, Отя, — Іосифъ,—и дочь Лидія, вертѣлись тутъ-же, и Отя дѣлалъ Митѣ гримасы. У Оти выпуклые глаза и красное лицо. Лидія похожа на него, немного постарше. Волосы на лбу подстрижены. Аксинья и Дарья, въ своихъ разговорахъ, называютъ это челкою.

Барыня увидѣла въ Митиномъ дневникѣ единицу, и сдѣлала Митѣ выговоръ. Митя поцѣловалъ барынину руку,—такъ заведено.

Въ комнатахъ было нарядно и красиво. Мягкіе ковры дѣлали шаги неслышными, занавѣсы и портьеры висѣли

тяжелыми и строгими складками, мебель стояла удобная, бронза—дорогая, картины въ золоченыхъ рамахъ. Прежде Митѣ нравилось здѣсь, — онъ входилъ сюда съ уваженіемъ и робостью, когда его звали, или когда господъ не было дома, и можно было любоваться всѣмъ этимъ.

Сегодня красивость комнатъ въ первый разъ возмутила Митю. Онъ подумалъ:

„Расчка, бѣдная, поди, ни разу въ такихъ хоромахъ не поиграла.“

„Да и настоящая-ли здѣсь красота?“—подумалъ Митя.

И пока Урутина, долго и скучно, объясняла ему, какъ стыдно лѣниться, и какъ онъ долженъ дорожить тѣмъ, что о немъ заботится сама барыня,—Митя думалъ, что гдѣ-то есть чертоги,—можетъ быть, у одного только царя,—и тамъ настоящая красота, и неисчерпаемая роскошь, и пахнетъ, какъ у царя Соломона, невѣдомыми благовоніями, смирною и ливаномъ. Въ такихъ-бы чертогахъ поиграть Расчкѣ.

Когда уже Митя хотѣлъ уходить, барыня сказала:

— Дарья мнѣ говорила, что ты какую-то дѣвочку видѣлъ, какъ она упала изъ окна. Разскажи.

Митя, какъ всегда, испугался барынина повелительнаго и строгаго тона, и тотчасъ-же принялся разсказывать. Отъ застѣнчивости онъ пожималъ плечами, но разсказывалъ такъ-же подробно и съ жестами, и мало-помалу воодушевлялся. И опять онъ взвизгнулъ, какъ Расчка, и при этомъ присѣлъ и поблѣднѣлъ. Все это забавило и растрогало барыню и барчатъ.

— Какъ онъ мило разсказываетъ!—воскликнула Лидія, подражая одной знакомой взрослой барышнѣ и такъ же взмахивая руками.—Бѣдная дѣвочка! И она совсѣмъ, до смерти ушиблась?

— До смерти,—сказалъ Митя.

Барыня дала ему конфетку, сладкую и липкую, въ плоской бумажкѣ. Митя любилъ сладкое, и обрадовался.

III.

Митя сидѣлъ въ своей каморкѣ у окна, за деревяннымъ некрашеннымъ столомъ съ расколовшеюся доскою, спиною къ матери, которая угрюмо вязала чулокъ. Наклоняя къ учебнику блѣдное лицо съ трепетными губами и большимъ носомъ, который придавалъ ему какъ бы насмѣшливое выраженіе, Митя съ усиліемъ заставлялъ себя запоминать заданное. Но грустно и жалостно вспоминалась Раечка. Глупая у нея мать,—не доглядѣла!

Голова болѣла,—и Митя думалъ, что это отъ кухоннаго чада и отъ прѣлаго запаха, который былъ особенно замѣтенъ и обиденъ послѣ благоуханія барскихъ покоевъ...

Митѣ вдругъ захотѣлось представить себѣ, какого роста Раечка: пожалуй, она достала-бы головою до его пояса.

Всѣ мѣшали читать: пришла Дарья и говорила съ Аксиньею о своемъ миломъ... Но надо учиться, чтобы опять не схватить единицы... Хлопнула выходная дверь, Дарья убѣжала.

— О, чертова кукла!—крикнула Аксинья.

Митя не слышалъ, изъ-за чего онѣ поссорились; онъ посмотрѣлъ на мать. Аксинья вязала чулокъ, и сердито сжимала губы.

„Чертова кукла! — повторилъ Митя про себя, улыбаясь.— Должно быть,— подумалъ онъ,— это большая кукла, какъ человѣкъ, и ею по ночамъ играютъ черти. А днемъ? Ну днемъ она живетъ, какъ всѣ. Можетъ

быть, и не знаетъ, кто придетъ за нею. Поглядѣть-бы,— думалъ Митя, — какъ чертъ играетъ Дарьею. Можетъ быть, онъ дѣлаетъ ее кошкою, выноситъ на крышу, и заставляетъ бѣгать и мяукать..."

Эти мечты смѣшили и развлекали Митю. Онъ не замѣтилъ, какъ и мать ушла. Вдругъ среди тишины скрипнула дверь изъ коридора.

Митя оглянулся. На порогѣ стоялъ Отя съ выраженіемъ напряженнаго любопытства въ выпуклыхъ глазахъ. Онъ на цыпочкахъ, смѣшно махая руками, подошелъ къ Митѣ и спросилъ:

— Одинъ?

— Одинъ,—сказалъ Митя.

Отя вышелъ тихонько, и вернулся черезъ минуту вмѣстѣ съ Лидіею. Барышня улыбалась и казалась встревоженною.

— Послушай,—зашепталъ Отя,—разскажи намъ еще про ту дѣвочку, про падучую.

Лидія захихикала,—отъ смѣшного слова,—она знала, что Отя придумалъ его нарочно,—и отъ ожиданія любопытнаго разсказа.

— Хорошо,—сказалъ Митя, и всталъ.

Лидія сѣла на его стулъ, сложила руки на колѣняхъ и, не отрываясь, смотрѣла на Митю. Отя помѣстился на зеленомъ сундучкѣ, поколачивалъ кулаками по колѣнямъ, и дѣлалъ сестрѣ гримасы. Митя повторялъ разсказъ, какъ и прежде,—а въ концѣ, вспомнивъ, какъ взвыла мать надъ Раечкою, засмѣялся. Барышня при этомъ вздрогнула.

— Какой ты безчувственный,—съ неудовольствіемъ сказала она,—подумай, вѣдь дѣвочкѣ больно было! А ты вдругъ смѣешься!

— Да,—наставительно сказалъ Отя,—ты, братъ, не отличаешься тонкими чувствами. Надъ падучими дѣвочками не надо смѣяться.

Митя вспомнилъ опять, какъ раскинулись Расчкины руки, и хрустнулъ ея черепъ, и кровь тонкою струйкою медленно поползла въ сѣрый соръ. Митя заплакалъ. Дѣти поглядѣли на него, переглянулись, захихикали. Имъ стало неловко. Они не знали, что говорить, и какъ уйти. Выручила барыня.

Она замѣтила, что дѣтей нѣтъ въ комнатахъ, и отправилась на поиски.

Она услышала голоса, постояла въ темномъ коридорѣ, потомъ распахнула дверь, и появилась на порогѣ. Выпрямившись, закинувъ голову и высоко подымая густыя черныя брови, отъ которыхъ теперь было такъ близко до гладко-причесанныхъ волосъ, что это придавало ей глупый и смѣшной видъ, постояла она съ минуту,—и подъ ея сверкающими взорами всѣ трое застыли на мѣстахъ. Отя и Лидія пугливо смотрѣли на нее, однообразно держали руки на колѣняхъ, и натянуто улыбались. Митя исподлобья глядѣлъ на барыню, а крупныя свѣтлыя слезы медленно катились по худощавымъ щекамъ, и падали на полинялую домашнюю блузу.

— Дѣти, идите въ комнаты,—сказала наконецъ барыня,—вамъ здѣсь нечего дѣлать. Что за мѣсто, что за компанія!

Дѣти поднялись. Пропустивъ ихъ впередъ, барыня пошла за ними.

Митя слышалъ удаляющіеся звуки ея негодующаго голоса.

„Неприличное мѣсто!“—обидчиво подумалъ онъ, и оглянулъ голыя стѣны каморки, досчатую перегородку,

убогія вещи, сундуки,—большой буро-красный, съ жестяною оковою, и маленькій зеленый,—окно, изъ котораго видны крыши, трубы и блеклое небо. Все бѣдно, грубо и жалко.

„Подкралась какъ! — подумалъ Митя про барыню:— отъ нея не утаишься, точно вѣдьма!“

Со двора, изъ открытаго окна чьей-то квартиры, доносилось томительно-нѣжное пѣніе флейты,—какъ Раечкинъ плачъ.

IV.

Митя раздѣлся и улегся на своей постели, которую мать разстилала ему на большомъ сундукѣ; сама же она спала на кровати, втиснутой въ уголъ между перегородкою и дверью въ коридоръ и закрытой ситцевою пестрою занавѣскою. Теперь Аксинья сидѣла въ кухнѣ,—еще будетъ ужинъ барынинымъ гостямъ. Изъ-за досчатой перегородки на потолкѣ и на полу виднѣлись свѣтовыя полоски, а здѣсь, у Мити, тьма страшила. Митя закуталъ голову въ одѣяло.

Прежде любилъ онъ, лежа, помечтать о невозможномъ: о подвигахъ, о славѣ, и о чемъ-нибудь нѣжномъ и тихомъ. Сегодня мечты стремились къ Раечкѣ. Что теперь съ нею? Страшно, впотьмахъ, представлять ее мертвою. Страшно думать о томъ, что Раечку будутъ отпѣвать, зажгутъ желтыя свѣчки, распустятъ въ воздухѣ синій ладанъ,—и потомъ ее зароютъ,—но не могъ Митя не думать объ этомъ.

„Тамъ ей будетъ лучше,—вспомнилъ онъ материны слова.—Какъ лучше?—съ недоумѣніемъ подумалъ онъ, и вдругъ радостно догадался:—Да, она воскреснетъ и будетъ съ ангелами“.

Все отчетливѣе становился въ Митиномъ воображеніи Раечкинъ образъ. Какъ-будто кто-то дорисовывалъ его медленно и тщательно тусклымъ свинцовымъ карандашомъ,—и каждая новая черта внушала Митѣ смѣшанныя чувства страха, восхищенія, жалости.

Въ кухнѣ Аксинья точила ножъ о край плиты. Непріятный лязгъ мѣшалъ заснуть. Митя высвободилъ голову изъ-подъ одѣяла, и тихонько позвалъ:

— Мама, а мама!

— Ну, чего тебѣ?—откликнулась мать.

— А Раечкина мать не помретъ?—спросилъ Митя.

— Кака така мать?

— А вотъ, что дѣвочка-то расшиблась.

— Ну? — отозвалась мать суровымъ и досадливымъ голосомъ.

— Такъ вотъ ея мать, говорю, не помретъ?

— Съ чего ей помирать-то?

— А съ горя по Раечкѣ, — тихо сказалъ Митя, и слезы покатились изъ глазъ, моча ему щеки и подушку.

— Спи, дуракъ, спи, когда легъ,— съ досадою сказала Аксинья.—Всѣ-бы съ такого горя помирали, такъ и людей бы въ Рассеи не осталось.

— Такъ что-жъ такое?—отчаяннымъ голосомъ спросилъ Митя, всхлипывая.

— А то, что спи,—безъ тебя тошно.

Митя замолчалъ. Точно слезы утомили его, — онъ началъ дремать. Въ утомленномъ ухѣ мучительно-тонко запѣла нѣжная свирѣль, потомъ загудѣлъ тихій колоколъ, все закружилось и пропало. Только высоко, въ окнѣ, ясная, веселая, смѣялась Раечка.

„Она воскресла!"—радостно подумалъ Митя,—и что то воскресно-свѣтлое лепетала ему Раечка.

V.

Митя участвовалъ въ школьномъ хорѣ, который пѣлъ въ одной изъ приходскихъ церквей. Въ хорѣ Митею дорожили за вѣрный слухъ и за отличный голосъ,— чистый, сильный альтъ. Онъ и самъ любилъ пѣть. Особенно ему нравились свадьбы и отпѣванія. Вѣнчальныя пѣсни веселили, надгробныя — возбуждали пріятно-печальныя настроенія.

Утромъ въ воскресенье Митя пришелъ къ обѣднѣ. Сбирались прихожане. Колокольный звонъ торжественно плылъ въ тихомъ осеннемъ воздухѣ. Мальчики пѣвчіе толкались, шумѣли и шалили въ церковной оградѣ и на паперти. Бѣленькій, маленькій Душицынъ свѣжимъ и нѣжнымъ голосомъ говорилъ ругательныя слова, сохраняя на лицѣ невинное и кроткое выраженіе. Пришелъ и регентъ, учитель Галой, коротенькій, чахленькій, съ неподвижнымъ румянцемъ кирпичнаго цвѣта на щекахъ и съ длинною жиденькою бородкою, которая казалась приклеенною. Появился онъ внезапно, словно выросъ на улицѣ и вынырнулъ изъ воротъ въ оградѣ. Мальчики побѣжали къ паперти, кланяясь учителю, кто съ преувеличенною почтительностью, кто съ небрежнымъ и недовольнымъ видомъ. Митя снялъ шапку неловко, точно сомнѣвался, надо-ли это дѣлать, помазалъ ею себя по щекѣ, посмотрѣлъ на учителя, щурясь, какъ отъ солнца, опять надѣлъ шапку, и слегка сдвинулъ ее на затылокъ. Галой остановился на паперти. Митя подошелъ къ нему.

— Чего тебѣ?—покашливая, спросилъ учитель дребезжащимъ и тонкимъ голосомъ.

— Позвольте домой, Димитрій Дементьевичъ,—тихонько и робко попросился Митя.

— Здравствуйте! — воскликнулъ Галой, таращa на Митю маленькіе глазки. — Всѣ уйдутъ, а я съ кѣмъ останусь?

— Голова болитъ, Димитрій Дементьевичъ,—жалобно объяснялъ Митя, морщась и хмурясь.

Его блѣдное лицо и посинѣлыя губы доказывали учителю, что онъ не обманываетъ.

— Отчего же у тебя голова болитъ?—спросилъ Галой, неодобрительно потряхивая бородкою.

— Не знаю,—робко отвѣтилъ Митя.

— Да я тебя о чемъ спрашиваю?—пискливо крикнулъ Галой.

Митя въ недоумѣніи молчалъ.

— Ты, милостивый государь, болванъ, и все. Я тебя о чемъ спрашиваю?

— Отчего болитъ голова,—повторилъ Митя.

— Ну да, а вовсе не о томъ, знаешь ты это или не знаешь. Отчего болитъ голова? Говори, и все.

Митя не зналъ, что сказать, и смущенно улыбался.

— Дрова носомъ рубилъ,—сказалъ краснощекій Каргановъ, хмурясь, чтобы не засмѣяться.

Школьники, столпившіеся вокругъ, захохотали. Михѣевъ, большеголовый, большеглазый малышъ, подсказалъ шопотомъ:

— Отъ неизвѣстной причины.

— Ну?—настаивалъ Галой,—говори.

— Отъ неизвѣстной причины,—сказалъ Митя.

— Ну вотъ. Отправляйся, и все.

Митя поклонился и вышелъ изъ ограды. Но онъ не пошелъ домой. Постоянное послушаніе стало ему, какъ

прѣсная вода, и онъ, въ первый еще разъ, рѣшился прогулять. Когда его отпустили, ему стало радостно и легко. Но грустныя предчувствія и неотступная боль въ головѣ скоро стали затмевать его радость.

Митя пошелъ къ заставѣ, подальше отъ шумныхъ, закованныхъ въ камни, улицъ. Холодный вѣтеръ набѣгалъ порывами. Безоблачное небо висѣло ясное и печальное, словно утомленное. Деревья стояли пыльныя и скучныя. По вѣтру поднималась пыль. Она мѣшала итти и видѣть...

На кладбищѣ, въ дальнемъ участкѣ, гдѣ мѣста дешевыя, Митя отыскалъ отцову могилу,—и долго сидѣлъ на ней, прижавшись къ бѣлому кресту, думая о Раечкѣ и о себѣ. Безконечныя тянулись могилы, и сосны, и кресты,—и тишина стояла невозмутимая. Только изрѣдка ворона закаркаетъ, пролетая, да вѣтеръ набѣжитъ и зашелеститъ листьями.

Раечка вспоминалась Митѣ отчетливо и подробно. Митѣ хотѣлось представить ее какъ можно яснѣе, и онъ закрылъ глаза... Свѣтлыя Раечкины кудри,—видѣлось ему,—падаютъ до плечъ. На Раечкѣ блекло-желтое платьице, запыленные башмачки. Она стоитъ блѣдная. На щекѣ алая струйка. Раечкѣ не больно,—она-же сразу умерла, и теперь воскресла. Но зачѣмъ она неподвижная?

Митя напрягалъ воображеніе,—ему хотѣлось, чтобъ Раечка хоть глазки открыла. Какіе у нея глазки?

И вотъ ему привидѣлось, что она открыла глаза,—синіе, покойные, какъ ясное небо,—и въ Митиной душѣ стало ясно и торжественно. Ему казалось, что Раечка тихо идетъ, едва переступая по камнямъ,—и желтая юбочка ея чуть-чуть колеблется.

Митя открылъ глаза,—и милое видѣніе исчезло, и опять глазамъ предстало земное и смертное. Митя побрелъ тихонько съ кладбища, грустно понурясь, печально думая о Раечкѣ. Онъ вышелъ черезъ другія ворота, къ полю. За кладбищенскою оградою, на пустынной и пыльной дорогѣ, онъ запѣлъ:

„Молитву пролію ко Господу, и тому возвѣщу печали моя, яко золъ душа моя исполнися“...

Высокій альтъ его звенѣлъ. Деревья слушали, трава шелестѣла подъ ногами. Непонятное обѣтованіе какой-то дивной радости сіяло въ ясномъ днѣ и въ солнцѣ...

VI.

Въ училищѣ Митѣ скучно. Уроки неинтересные, и все надо бояться, какъ бы не спросили чего-нибудь труднаго и не поставили единицы. На перемѣнахъ ему не весело.

Ученики изъ разныхъ классовъ собрались, какъ всегда на перемѣнѣ, въ залѣ, и принялись шалить и возиться. Иные усѣлись на лавкахъ вдоль стѣнъ, и тамъ толкались и жали другъ друга. Залъ былъ небольшой и несвѣтлый: онъ помѣщался внизу, и свѣтъ затѣняли деревья въ саду, да близкая стѣна сосѣдняго высокаго дома, кирпичная, голая, безъ оконъ и безъ жизни. Въ углу въ залѣ темнѣлъ тяжелый кіотъ, и за нимъ сгущалась тьма.

Школьники казались скученными, какъ стадо. Они возились, роняли одинъ другого на полъ, бѣгали, играючи въ пятнашки, наталкивались другъ на друга. Иные поглощали завтраки,—принесенный изъ дому хлѣбъ, купленную у сторожа булку. Отъ пыли воздухъ мглился,

и саднило въ груди. Надъ неподвижно-ровнымъ крикомъ и шумомъ иногда подымался вдругъ чей-нибудь визгъ.

Митя сидѣлъ на скамьѣ. Между мальчиками, гдѣ ихъ кучка сбилась поплотнѣй, гдѣ вздымались пыль и мгла и мелькали руки и лица, померещилась ему Раечка. На солнцѣ тускло блеснули ея свѣтлые волосы, радостныя радужныя линіи пробѣжали вокругъ нея, чистый голосокъ ея прозвенѣлъ,—пылью разсыпалась она, и скрылась.

Кого-то повалили, разбили стекло въ окнѣ, закричали—„ура!“—и подняли неистовый вой. Завылъ и Митя, протяжно, тихо.

Въ учительскую донеслись крики и вой. Дежурный учитель, Ардальонъ Сергѣевичъ Коробицынъ, блѣдный, бритый, длинный и тонкій, лѣниво отправился въ залъ. При его появленіи шумъ немного затихъ. Отъ разбитаго стекла разбѣжались. Но нашлись добровольные доносчики. Виновные были найдены.

Чумакинъ, мальчикъ съ вѣчно-озабоченнымъ выраженіемъ на веснушчатомъ лицѣ, подбѣжалъ къ Митѣ и зашепталъ:

— Давай дразнить Ардальошку!

— А какъ?—спросилъ Митя, радуясь развлеченію.

— Зашипимъ!

Едва Коробицынъ вышелъ изъ залы въ корридоръ, гдѣ уже толпились школьники, какъ въ залѣ зашипѣлъ сперва Чумакинъ, а за нимъ и другіе. Коробицинъ вернулся и остановился въ дверяхъ. Чумакинъ, въ сторонѣ отъ его взора, продолжалъ шипѣть.

— Шипи, не увидитъ!—шепнулъ онъ Митѣ, самъ прячась за него.

Митя зашипѣлъ. Коробицынъ не зналъ, уйти-ли, унимать-ли шалуновъ. Ему было все равно. Но онъ вошелъ въ залу, на самую середину, сталъ присматриваться, прислушиваться, и почувствовалъ, что трудно открыть шалуновъ: они мирно разговаривали, когда онъ на нихъ смотрѣлъ, и начинали шипѣть, едва онъ отведетъ глаза въ другую сторону, къ толпѣ другихъ сорванцовъ. Коробицынъ внезапно разсердился, и покраснѣлъ.

А Митя, между тѣмъ, выдвинулся на средину, улыбался и тихонько шипѣлъ, не думая о томъ, что дѣлаетъ,—и Коробицынъ почти натолкнулся на него.

— Давай дневникъ!—сердито крикнулъ Митѣ Коробицынъ.

Тягостное недоумѣніе охватило Митю.

— Да я ничего не дѣлалъ!—оправдывался онъ.

— Давай дневникъ,—упрямо повторилъ Коробицынъ, стискивая зубы.

— Да за что-же, спросите другихъ, я не шипѣлъ,—съ внезапною досадою говорилъ Митя.

— Дневникъ!—яростно крикнулъ Коробицынъ.

Его высокій голосъ съ некрасивою рѣзкостью пронесся подъ низкимъ потолкомъ. Митя медленно прошелъ въ классъ за дневникомъ, и заворчалъ:

— Ни за что, зря записываютъ.

Коробицынъ услышалъ, и задрожалъ отъ злости.

— Ахъ ты, оселъ ты этакій!—закричалъ онъ вслѣдъ Митѣ,—хорошо-же. Неси свой дневникъ въ учительскую.

И онъ отправился въ учительскую, уже не глядя на мальчишекъ, которые продолжали шипѣть за его спиною. Ему опять стало все равно.

VII.

Митя сказалъ матери, что ему надо на спѣвку. Такимъ образомъ, время отъ четырехъ до восьми часовъ стало у него свободно. Онъ ушелъ. Но было не весело. Звонили къ вечернѣ,—и звонъ наводилъ тоску. Небо, полиняло-голубого цвѣта, словно ветхое, висѣло надъ кровлями низко; тускло-сѣрыя тучи медленно двигались по его блеклой синевѣ.

У Мити томительно-тупо болѣла голова. Раечка вспоминалась такъ ясно,—и Митя думалъ, что она не такая, какъ всѣ. Волосы ея разсыпались по спинѣ ниже плечъ. Все проходило сзади ея призрачнаго тѣла, и она оставалась, не заслоняя міра, не смѣшиваясь съ нимъ, совсѣмъ особая. Иногда Митѣ казалось, что она подходитъ близко, чуть не касаясь головою его груди.

Онъ долго и быстро ходилъ по улицамъ громаднаго и суроваго города, погруженный въ мимовольныя мечтанія,—и не чувствовалъ усталости. Пыльные вихри, дымовые столбы и облака слагались для него въ Раечкинъ образъ. Но разсыпалась пыль, развѣивался дымъ, убѣгали облака,—безобразная обычность снова представала и томила Митю.

Прозрачный и легчайшій Раечкинъ образъ опять придвигался къ нему, и Митѣ опять казалось, что Раечка проходила, въ бѣломъ платьѣ и въ бѣлыхъ башмакахъ, опоясанная бѣлою лентою, украшенная бѣлыми цвѣтами на груди. Она проходила, ясная, и не звала Митю, но какъ-будто жалѣла,—и Митя шелъ за нею...

Митя забрелъ на одну изъ дальнихъ улицъ. Тамъ онъ увидѣлъ издали учителя Коробицына, который шелъ быстрою походкой, длинный, тонкій, блѣдный и злой.

Митя испугался и бросился въ ближайшія ворота. Подъ сводами, расписанными въ клѣтку блеклыми узорами, было темно и гулко. Митя прижался къ стѣнѣ. Онъ хотѣлъ переждать, пока пройдетъ Коробицынъ. Но что, если учитель увидѣлъ его и сейчасъ завернетъ подъ ворота, схватитъ Митю, и закричитъ на него?

Митя не могъ устоять на мѣстѣ, и вошелъ во дворъ. Ему показалось, что Коробицынъ уже подъ воротами. Митя проворно перебѣжалъ дворъ, и укрылся на лѣстницѣ въ заднемъ флигелѣ.

Но едва только онъ остановился тамъ, какъ во дворѣ, на камняхъ послышались шаги. Митя побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ. Шаги позади него раздавались по каменнымъ ступенямъ тяжело и мѣрно,—и Митя подымался все выше. У него ноги подкашивались отъ усталости и страха.

Вотъ наконецъ чердакъ. Дверь не замкнута. Митя отворилъ ее, и вошелъ въ темный коридоръ. Шаги, преслѣдовавшіе его, остановились на послѣдней площадкѣ. Послышался стукъ,—отворилась и затворилась за вошедшимъ дверь. Мгновенная радость безопасности охватила Митю. Онъ понялъ, что то былъ не Коробицынъ, а какой-то здѣшній жилецъ. Митя выглянулъ изъ двери, увидѣлъ, что на лѣстницѣ никого нѣтъ, и уже хотѣлъ уходить. Вдругъ близкіе и тихіе звуки привлекли его вниманіе. Кто-то читалъ вслухъ, здѣсь гдѣ-то, близко. Митя осмотрѣлся. Вотъ еще дверь, на самый чердакъ, полуоткрытая. Изъ нея сѣрая свѣтовая полоса падала въ коридоръ, и черезъ нее-же слышался голосъ, ясный, тихій и быстрый.

Митя постоялъ у двери, потянулъ ее къ себѣ, и вошелъ на чердакъ. Пришлось нагнуться,—близки стропила.

У окна на чердакѣ сидѣли двое, старуха и дѣвочка, по виду лѣтъ пятнадцати. Старуха вязала чулокъ, дѣвочка читала толстую книгу. Онѣ сидѣли одна къ другой лицомъ, старуха на сундучкѣ, дѣвочка на складномъ тонкомъ стулѣ. Свѣтъ изъ окна падалъ между ними, на ихъ колѣни. Спицы тихонько звякали и тускло сверкали въ быстрыхъ старухиныхъ рукахъ.

Митя перешагнулъ черезъ высокую балку. Видно было, что здѣсь живутъ,—прибрано и подметено.

Блѣдная и некрасивая дѣвочка подняла глаза отъ книги, и смотрѣла на Митю спокойно и кротко. Митя разсматривалъ ее, и дивился. Она была вся такъ тонка и блѣдна, что въ полумглѣ, за свѣтомъ, падавшимъ на книгу, казалась почти безтѣлесною. Тонкія косточки спереди на шеѣ выдавались подъ кожею: дѣвочка была въ сарафанѣ и рубашкѣ, открывавшей руки и плечи. Сарафанъ—ситцевый, блѣдно-зеленый съ крапинками, полинялый, уже короткій для дѣвочки. Руки и ноги желтоватыя, словно вылѣпленныя изъ воска. Щеки у дѣвочки худыя, ротъ большой, глаза сѣрые. Волосы свѣтлые, гладкіе, въ косичкѣ; косичка тонкая, до пояса. Дѣвочка сидѣла спокойная, тихо дыша, — почти не дыша, — какъ не живая, — но милая. И сердце Митино влеклось къ ней.

— Садись, мальчикъ, отдохни; ты, я вижу, притомился, — сказала она явственно-тихо и неторопливо, и отложила книгу.

Митя сѣлъ на балку, близъ дѣвочки. Все ему было здѣсь странно,—и отъ того, что близка крыша, представлялось, что они всѣ сидятъ необычайно высоко.

— Ты откуда такой взялся? —спросила старуха.

— Да я гулялъ, — разсказалъ Митя, — а нашъ учи-

тель увидѣлъ, — я въ городскомъ учусь, — такъ я отъ него убѣжалъ, да сюда и попалъ, — а то-бы онъ присталъ отчитывать.

— Шалунишка,—молвила старуха.

Она продолжала вязать, и сидѣла спокойная, словно дремала, или ужъ устала очень. Лицо у нея было неподвижное, темное, морщинистое. Обѣ говорили тихо,— какъ будто издали доносились ихъ голоса.

— Пусть отдохнетъ, что намъ,— сказала дѣвочка.— Меня Дуней звать, а тебя?

— Митя. А фамилія—Дармостукъ.

— Дармостукъ, — повторила дѣвочка, и не улыбнулась.—А мы Власовы.

— Ну? Власовы?—съ радостнымъ удивленіемъ переспросилъ Митя:—у меня учитель былъ Власовъ, добрый такой, — только онъ померъ. А васъ какъ надо звать?—обратился онъ къ старухѣ.

— Знакомецъ выискался, знакомится, — съ легкою усмѣшкою сказала старуха.

Дуня отвѣтила за нее:

— Катерина Васильевна.

— А вы что-же здѣсь?—спрашивалъ Митя.

— Мы съ мамочкой здѣсь живемъ,—объяснила Дуня,—потому-что мамочка теперь безъ мѣста. Наша знакомая, одна кухарка здѣшняя, пустила насъ сюда,— только ея барыня не знаетъ.

— А какъ-же вы, когда бѣлье вѣшали?

— А мы кочевали на другіе чердаки,—отвѣчала дѣвочка спокойно.

— А гдѣ-же вы спите?

— Когда на кухнѣ, если можно, а то чаще здѣсь.

Если здѣсь, то надо рано ложиться: огня жечь нельзя,— пожаръ сдѣлаешь.

— И лампадки не затеплишь,—сказала мать.

Въ углу висѣлъ образъ, но безъ лампады. Странно было видѣть, что онъ такъ низко.

— Что-жъ такое, — сказала Дуня, — ночью звѣзды свѣтятъ. Каждая звѣзда, какъ лампадка хрустальная.

Она перевела спокойные, ясные глаза на окно, и протянула къ нему тонкую руку. Митя, повинуясь ея указанію, подошелъ къ окну, и увидѣлъ близкое, ясное небо. Митино сердце дрогнуло отъ радости.

— Какъ близко небо-то!—тихо сказалъ онъ, и оглянулся на Дуню.

Дѣвочка положила руки на колѣни, и сидѣла тихо, какъ не живая. Митя опять приникъ къ окну.

Пустынное близкое небо... Желѣзная крыша,—и дальше крыши да трубы... И такъ тихо, какъ-будто и нѣтъ никого около Мити, и не дышитъ никто. Тихо!

Митя отвернулся отъ окна. Обѣ сидѣли смирно. Спицы звенѣли, какъ муха жужжитъ. Жутко стало Митѣ. И старуха, и дѣвочка молча смотрѣли на него.

— Какъ у васъ тутъ тихо!—сказалъ Митя.

Онѣ молчали. У Мити кружилась голова. Онъ думалъ, что ночью здѣсь страшно. Въ углахъ лежала мгла. Крыша часто шелестѣла, какъ-будто кто-то легкій пробѣгалъ по ней. Съ лѣстницы доносились порою глухіе отзвуки отъ шаговъ, голосовъ, хлопанья дверьми.

— А вамъ не страшно?—спросилъ Митя.

— Кого, глупый мальчикъ?—ласково спросила Дуня.

Митя застѣнчиво улыбнулся и сказалъ:

— Домового.

— Домовой не тронетъ,—съ легкою усмѣшкою отвѣ-

чала Дуня.—Вотъ намъ дворниковъ приходится бояться, какъ бы не согнали, и хозяина домоваго. Отъ нихъ не отчураешься, коли захотятъ выгнать.

— Въ ночлежномъ-то по пятаку припасай съ носа, гривенникъ за ночь, легко сказать!—заговорила старуха, и въ ея голосѣ послышался испугъ.

— Вотъ вы скоро мѣсто найдете,— сказалъ Митя,— тогда отсюда съѣдете.

— Дай-то Богъ, дай-то Богъ,—сказала старая, вздыхая.

Митя помолчалъ, думая, чѣмъ-бы еще утѣшить Дуню и Дунину мать.

„Не разсказать-ли имъ про Раечку?“—подумалъ онъ.

VIII.

— Вотъ какое дѣло я на дняхъ видѣлъ,—подумавъ немного, сказалъ Митя.

И онъ разсказалъ о Раечкѣ. Дуня дрожала и смотрѣла на Митю испуганными глазами. Когда Митя кончилъ, она, съ тихимъ ужасомъ въ глазахъ и въ голосѣ, промолвила:

— Бѣдная женщина, вотъ ей горе-то!

— Это вы про мать?—съ удивленіемъ спросилъ Митя.

Дуня молча наклонила голову.

— Вѣдь она сама не доглядѣла, она и виновата,— возразилъ Митя. — А вотъ дѣвочка-то бѣдная, — какъ страшно!

Онъ вздрогнулъ. Тупая боль въ затылкѣ мучила его.

— Что дѣвочка,—сказала Дуня,—Богъ прибралъ, отъ грѣха спасъ, умерла смѣючись да играючи. А матери гдѣ-жъ было углядѣть,—человѣкъ рабочій!...

— Горбомъ-то немного достанешь,—подхватила ста-

руха,—тоже, нянекъ не нанимаешься. Нашихъ ребятъ Богъ бережетъ. А взялъ,—Его святая воля. Что наша жизнь? Не живемъ, только маемся.

Митя закрылъ глаза,—Раечка вспомнилась,—она прошла улыбаясь, протягивая къ Митѣ бѣлыя руки. На ея лицѣ сіяло счастье. Она была блѣдная и въ крови,—но ей не больно было; радостно пахли ладономъ ея свѣтлыя кудри.

— Какъ во снѣ живемъ,—медленно говорила Дуня, глядя на близкое и блѣдное небо,—и ничего не знаемъ, что къ чему. И о себѣ ничего не знаемъ, и есть-ли мы, или нѣтъ. Ангелы сны видятъ страшные,—вотъ и вся жизнь наша.

Митя глядѣлъ на Дуню, улыбаясь — и радостно, и покорно. Онъ чувствовалъ теперь, что не больно умирать: только покоряйся тому, что будетъ.

— А мнѣ она померещилась сегодня,—тихо сказалъ онъ.

Дуня вздохнула, и Митя радостно подумалъ:—„Это—Раечка дышитъ“,—но сейчасъ-же спохватился и понялъ, что это—Дуня.

— Ты молись,—посовѣтовала она.

— За Раечку?—спросилъ Митя.

— За себя, Раечкѣ и такъ хорошо,—сказала Дуня, и лицо ея озарилось печальною и свѣтлою улыбкою.

Митя помолчалъ и потомъ началъ разсказывать про учителей, какъ онъ ихъ боится, и какъ они кричатъ.

— И откуда они, учителя, иной разъ берутся! Идешь себѣ по улицѣ, ничего не думаешь, а вдругъ онъ, да какъ крикнетъ!

Митя развелъ руками съ видомъ недоумѣнія, и какъ-то глупо разсмѣялся. Онъ началъ говорить, какъ и онѣ,

такъ-же тихо, но онѣ слышали, — привыкли къ тихому.

— Я тоже училась, въ прогимназіи,— сказала Дуня.— Теперь не хожу. Вотъ, Богъ дастъ, еще шесть мѣсяцевъ туда похожу, сдамъ экзаменъ на сельскую учительницу. Получу мѣсто,—поѣдемъ съ мамочкой въ деревню.

— Все несправки наши; обносились совсѣмъ, — угрюмо сказала мать. — Скареды наши хоть-бы юбчонкой помогли.

— Безъ нихъ обойдемся, мамочка,—спокойно возразила Дуня.—Это мамочка про нашу родственницу одну,—объяснила она Митѣ.—У нея мужъ на хорошемъ мѣстѣ. Только имъ самимъ много надо, — у нихъ дѣти.

— Я имъ помогала, — съ раздраженіемъ говорила мать.—Какъ они нуждались, нашего съ Дунечкой не мало имъ пошло. Себя обрывала, потому-что я къ чужому горю очень воспріимчива. Вдругъ она теперь все забыла. Вотъ это меня и возмущаетъ. Помилуй скажи! Заработка такая хорошая, и сейчасъ человѣкъ о себѣ зазнается.

— А вы у нихъ бываете?—спросилъ Митя.

— Пошли съ Дунькой на-дняхъ,—отвѣтила старуха, досадливо усмѣхаясь своимъ воспоминаніямъ.—Приняли, хаять нечего, по хорошему,—разсказывала она,—и сейчасъ это закуска. Чего-чего не наставили на столѣ! А пошли домой, хоть-бы тебѣ, скажи, рваную тряпчонку дали!

— Мамочка!—съ тихимъ укоромъ сказала Дуня.

— Зная свою родную сестру въ такой нищетѣ, въ бѣдности,—продолжала не слушая мать,—и онѣ не могутъ какой-нибудь пятеркой, десяткой, чтобъ пере-

вернуться! Закусокъ рублей на десять, а мы съ голоду помираемъ.

— Мамочка!—опять сказала Дуня погромче и рѣшительнѣе.

Но старуха быстро бормотала свои жалобы, и все вязала, наклоняясь къ спицамъ, словно дремля.

— Буквально все позаложили, попродали! Положеніе!—говорила она.—Прямо не везетъ въ жизни людямъ. Зовутъ: приходи, говорятъ, мы вамъ съ Дуняшей завсегда очень рады, потому какъ мы васъ любимъ и очень обожаемъ,—это они-то намъ говорятъ. Помилуй скажи! Если ты меня такъ любишь, такъ докажи, сдѣлай твое одолженіе. Нѣтъ, это не есть любовь, это—лесть одна.

Смутныя воспоминанія пронеслись въ Митиномъ сознаніи,—онъ подумалъ: „Не жаловался-ли кто-то когда-то раньше этими-же словами?"

Дуня сидѣла прямая, неподвижная, положа руки на колѣни, полузакрывъ глаза,—казалось, что она дремлетъ. Въ послѣднихъ солнечныхъ лучахъ спокойное лицо ея напоминало Митѣ покой на лицѣ у Раечки.

— А если вы не найдете мѣста?—спросилъ Митя.

— Какъ не найти! Не дай Богъ!—съ тревогою въ голосѣ отвѣтила старуха.

— Богъ устроитъ,—спокойно сказала Дуня,—а захочетъ, приберетъ. Это мы думаемъ, дѣться некуда,—а дверь-то рядомъ.

Тонкою и блѣдною рукою она показала на вечерѣющее небо. Митя поглядѣлъ по направленію ея руки, въ окно. Старуха продолжала бормотать свои жалобы. Дуня смотрѣла на нее свѣтло и строго. Она сказала:

— Мамочка, не ропщи! Богъ съ ними, намъ ихняго не надо.

— А ты мать не учи,—сердито сказала старуха, возвышая голосъ.—Косы я тебѣ давно не чесала.

— Такъ ты, мамочка, на мнѣ и облегчи сердце, а ихъ не брани,—спокойно отвѣтила Дуня.

Мать сразу успокоилась, и сказала ворчливо, но уже мирно:

— Кого чѣмъ Богъ накажетъ. У богатыхъ характерныя дѣти, бьются съ ними родители, а моя-то голубка кроткая, и сорвать сердца не на комъ.

Дуня улыбнулась, и вдругъ отъ этой улыбки вся засіяла и зарадовалась. Митя думалъ:

„Такъ только Раечкѣ улыбаться!“

И радостно стало ему.

— Хочешь, Митя, я тебѣ свои картинки покажу?—спросила Дуня.

— Покажи,—сказалъ Митя.

Дуня встала,—она была немного выше Мити,—пошла, сгибаясь подъ крышею, въ уголъ, порылась тамъ въ сундукѣ, и черезъ минуту вернулась съ папкою, завязанною по краямъ тесемочкою. Папка уже была истертая, съ обломанными краями, и тесемочки отрепанныя,—но по тому, какъ Дуня держала папку въ рукахъ и какъ на нее смотрѣла, Митя догадался, что здѣсь ея самыя дорогія и любимыя вещи. Дуня сѣла на балку рядомъ съ Митею, положила папку на колѣни, нетороплнво развязала тесемку, улыбаясь радостно и свѣтло, и раскрыла папку. Тамъ лежали пожелтѣлые отъ времени, иные порванные, рисунки изъ старыхъ иллюстрацій. Дуня осторожно перебирала ихъ тонкими и блѣдными пальцами. Она выбрала одинъ, самый жел-

тый и растрепанный, снимокъ съ какой-то старой картины, и передала его Митѣ.

— Это—хорошія картинки!—съ убѣжденіемъ сказала она.—Онѣ у меня вмѣсто куколъ. Я ихъ люблю.

Митя взглянулъ на дѣвочку. Она застѣнчиво потупилась, и щеки ея слабо зарумянились. Митя опустилъ глаза на рисунокъ. Рисунокъ туманился и расплывался. Жалость томила Митино сердце. Что-то горькое и щекочущее подступало къ горлу. Митя выпустилъ рисунокъ изъ рукъ, закрылъ лицо ладонями, и заплакалъ, самъ не зная, о чемъ.

— Что ты, милый?—спросила Дуня, наклоняясь къ нему.

— Раечка,—шепталъ Митя, и плакалъ, плакалъ.

Дуня положила руку на Митины плечи,—Митя прильнулъ къ ней, обнялъ ее и, горько плача, чувствовалъ на своихъ щекахъ Дунины тихія слезы.

— Митя, утѣшься,—тихо сказала Дуня,—хочешь, я тебѣ пѣсенку спою?

— Спой,—сквозь слезы сказалъ Митя.

И Дуня утѣшала его тихими пѣсенками...

IX.

Онъ ушелъ отъ Власовыхъ, когда уже свечерѣло. Наверху еще были свѣтлыя сумерки, тишина и ясныя рѣчи,—а внизу быстро темнѣло, зажигались фонари.

Все было призрачно и мимолетно.

Молча горѣли газовые рожки въ фонаряхъ; съ грохотомъ проносились экипажи по жесткой мостовой; окна въ магазинахъ свѣтились огнями; шли, стуча сапогами по каменнымъ плитамъ, случайные, ненужные и безо-

бразные люди, и не останавливались,—и Митя торопился. Звонки конокъ и крики извозчиковъ иногда пробуждали его изъ міра зыбкихъ иллюзій, которыя вновь создавали ему молчаливые предметы при невѣрномъ, переходящемъ освѣщеніи.

Люди были непохожи на людей: шли русалки съ манящими глазами, странно-бѣлыми лицами и тихо журчащимъ смѣхомъ,—или какіе-то, въ черномъ, злые и нечистые, словно извергнутые адомъ,—домовые подстерегали у воротъ,—и еще какіе-то предметы, длинные, стоячіе, были какъ оборотни.

Митѣ хотѣлось иногда представить себѣ Дуню, но ея образъ въ его памяти смѣшивался съ Раечкинымъ, хотя Митя и зналъ, что у Дуни совсѣмъ другое лицо. И вдругъ онъ подумалъ: „Да ужъ не померещилась-ли Дуня?

„Нѣтъ,—сейчасъ-же подумалъ онъ,—она живая: вѣдь у нея тоже есть мать. Но какое лицо у старой?"

Митѣ припоминались отдѣльныя черты,—морщины, сѣдѣющіе волосы подъ платкомъ, худыя щеки, большой ротъ, морщинистыя, быстрыя руки,—но общаго образа не складывалось.

Когда Митя уже подымался по своей лѣстницѣ домой, въ сумракѣ онъ увидѣлъ Раечку. Быстро прошла она по площадкѣ, и тихонько улыбнулась ему. Она была вся прозрачная, и все при ней оставалось попрежнему. Исчезла она, и Митя не могъ понять,—видѣлъ-ли ее, или только подумалъ о ней.

X.

На слѣдующій день Митя вышелъ изъ дому на полчаса раньше обыкновеннаго. Свѣжее утро веселило его.

Солнце сіяло неяркое, и еле замѣтная мглистая дымка лежала на узкихъ городскихъ даляхъ. Озабоченные люди быстро проходили, и уже ранніе школьники начали показываться на улицахъ. Митя, едва завернувъ за первый уголъ, отправился не къ своему училищу, а въ другую сторону. Онъ торопился, чтобы не встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь изъ товарищей или учителей.

Вчера онъ не замѣчалъ дороги,—она механически запомнилась. Скоро Митя попалъ на тѣ улицы, по которымъ вчера возвращался. Онъ чувствовалъ, что идетъ, куда надо, и думалъ о Дунѣ и о Дуниной матери.

„Бѣдныя онѣ!—думалъ онъ,—должно быть, онѣ уже давно безъ мѣста, и долго живутъ на чердакѣ впроголодь. Оттого онѣ стали такія блѣдныя, Дуня пожелтѣла, старуха все нагибается надъ чулкомъ и словно дремлетъ, и обѣ такъ тихо говорятъ, какъ-будто бредятъ и начинаютъ засыпать".

Утреннія улицы, и дома, и камни, и мглистыя дали,—все дремало. Казалось, что всѣ эти предметы хотятъ стряхнуть съ себя дремоту, и не могутъ, и что-то ихъ клонитъ книзу. Только дымъ да облака, дремля и пробуждаясь, подымались высоко.

Среди колеснаго треска и смутнаго людского говора иногда слышался вдругъ Раечкинъ голосъ,—прозвучитъ и смолкнетъ. Раечкино дыханіе иногда проносилось близко къ Митѣ, какъ легкій утренній вѣтеръ. Сама Раечка припоминалась, прекрасная и свѣтлая. Туманный и легкій Раечкинъ образъ носился въ неяркихъ солнечныхъ лучахъ, въ лиловомъ утреннемъ озареніи...

Митя вбѣжалъ на чердакъ, такъ поспѣшно, что ударился головою о стропила. Боль заставила его по-

блѣднѣть. Но онъ улыбнулся и подошелъ къ Власовымъ.

Дуня у окна заплетала русые волосы въ крутую косичку. Какъ и вчера, Дуня и мать сидѣли одна противъ другой. Мать вязала, и спицы жужжали въ ея быстрыхъ рукахъ. Она посмотрѣла на Митю внимательно и сказала:

— Заявился, другъ вчерашній, ни свѣтъ, ни заря.

— Тутъ надо осторожнѣе, Митя, — сказала Дуня.— Въ школу идешь? Присядь, отдохни, коли есть время.

— Хоромы у насъ, — бормотала старуха,—съ непривычки-то и мы головами стукались.

Солнечные лучи сбоку падали въ окно. Пыльный столбъ свѣтился на солнцѣ. На пылинкахъ мелькали радужныя блестки. Въ углахъ было сумрачно. Митя сидѣлъ на балкѣ, и смотрѣлъ на прекрасныя, тонкія Дунины руки. Ея лицо казалось утомленнымъ, и сѣрые глаза глядѣли какъ-бы нехотя. Она говорила тихо и неторопливо,—Митя слушалъ, радуясь ея голосу и забывая ея слова. Вдругъ старуха сказала:

— Что, другъ сердечный, таракань запечный, не пора ли въ школу?

Митя покраснѣлъ и пробормоталъ:

— Я лучше у васъ посижу, не хочется въ училище.

— Мало чего не хочется, да коли надо, — спокойно возразила старуха.

— И то, Митя, бѣги скорѣе, — сказала Дуня, — еще опоздаешь: солнце, смотри-ка, какъ высоко.

Митя не подумалъ раньше о томъ, что его здѣсь не оставятъ. Онъ смущенно попрощался и вышелъ. Въ темномъ корридорѣ онъ пошарилъ на полу, отыскалъ скважину между досками, и сунулъ туда книги.

На улицѣ онъ почувствовалъ, что все ему не нужно, предстоящее передъ нимъ, въ этомъ громадномъ и суровомъ городѣ,—длинныя улицы съ большими домами, и люди, и камни, и воздухъ, и шумъ отъ уличнаго движенія. Скучно, и надо такъ ходить, чтобы не встрѣтить учителей или товарищей...

„Не хочетъ Дуня, чтобы я прогуливалъ уроки!—дивясь, думалъ Митя.—Странная! Вотъ Раечкѣ все равно, какой Митя: лжетъ-ли онъ людямъ, или нѣтъ. И если есть тоска, то не Раечкина, а по Раечкѣ".

Легкій дождь пронесся надъ городомъ, какъ плачъ по Раечкѣ. Но уже черезъ полчаса отъ него и слѣда не осталось...

Митя забрелъ на городскую окраину. Базарная площадь, — большой пустырь. Булыжники громадны. Посрединѣ, по длинному поперечнику площади, торчатъ черные фонарные столбы. По краямъ площади—амбары изъ бураго кирпича, заборы, каменные и деревянные домишки. На углу—небольшой двухъэтажный домъ съ широкими простѣнками и маленькими окошками. Онъ вымазанъ желтою краскою. Крыша красная, желѣзная. На площадь—крыльцо безъ верха, съ тремя известняковыми ступеньками. Надъ крыльцомъ вывѣска, чернымъ по бѣлому: 2-й городской ночлежный домъ.

Митя стоялъ на площади, и внимательно разсматривалъ эту безобразную постройку.

„Вотъ въ этомъ домѣ и Раечкѣ, можетъ быть, придется ночевать съ матерью по пятаку за ночь",—думалъ онъ, какъ-то странно смѣшивая Раечку съ Дунею. И тяжелыя мечтанія томили его.

И кто тамъ спитъ, за этими грубыми простѣнками, на грязныхъ и липкихъ нарахъ, въ-повалку, по ночамъ,

когда пахнетъ потомъ и грязью? Пьяные оборванцы, вотъ какъ этотъ, что стоитъ въ дверяхъ у кабака, избитый, отрепанный, и мучительно соображаетъ что-то, пяля безмысленные глаза съ воспаленными бѣлками. И съ такими-то быть Раечкѣ!

Митя отвелъ глаза отъ пьяницы, и опять глядѣлъ на грязно-желтую стѣну. Ему грезилось: за нею нары. Пусто. Одна Раечка лежитъ на голыхъ доскахъ, свернувшись калачикомъ, подложивъ подъ голову кулачки, и ея русыя кудри на доскахъ, и она кривитъ свой маленькій ротъ капризною и жалующеюся гримаскою. Раечкѣ жестко на нарахъ...

XI.

Митя сидѣлъ въ яликѣ. Ему захотѣлось перебраться на ту сторону рѣки и назадъ вернуться по плашкоутному мосту. Широкая рѣка Сновъ слегка покачивала краснобокій яликъ, — дулъ легкій вѣтеръ, и воду рябило. Противъ солнца по Снову лежала широкая блестящая полоса; на нее больно было смотрѣть,—она вся сверкала, колыхалась и радовалась. Съ Митею ѣхало еще четверо: двѣ молодыя мѣщанки въ пестрыхъ платочкахъ, толстыя, румяныя, крикливыя и смѣшливыя,—угрюмый пожилой мужчина, — и молодой человѣкъ въ котелкѣ, бѣлобрысый, все заигрывавшій съ мѣщанками, но презлой, съ косыми глазами и тонкими губами. Дюжій, чернобородый яличникъ въ розовой рубашкѣ гребъ молча и лѣниво. Сновали пароходы, которые возили пассажировъ отъ города до прирѣчныхъ дачныхъ мѣстъ и обратно. Изрѣдка протащится черный буксирный пароходъ съ неуклюжими барками. Когда лодка опускалась съ гребня

широкой и длинной волны, поднятой пароходомъ, Митино сердце замирало, и это жуткое ощущеніе было пріятно.

Митя ждалъ. Въ торжественномъ сіяніи солнца и во всемъ величаво-ясномъ днѣ чудилось ему какое-то нелживое обѣтованіе, — и онъ ждалъ, и душа его была готова къ благоговѣйному воспріятію чуда.

Кто-то легонько прикоснулся къ его локтю. Какая радость!.. Но нѣтъ, это не Раечка,—молодая мѣщанка, смѣясь, лущила сѣмячки, и бросала шелуху въ воду.

Митя опять смотрѣлъ на яркую полосу по рѣкѣ. Раечка подходила къ ялику. Развѣ она живая?—подумалъ Митя. Да,—припомнилъ онъ,—вѣдь она воскресла. Что изъ того, что ее схоронили, зарыли, забыли! Вотъ она подходитъ въ торжественномъ сіяніи, бѣлая, строгая,—и ничего нѣтъ, кромѣ нея. На ней бѣлое платье, какъ на невѣстѣ, бѣлая фата, бѣлые цвѣты съ зелеными листьями. Волосы ея разсыпаются до пояса, ясенъ взоръ ея, вся она туманная и легкая.

— Раечка,—шепчетъ Митя, и радостно улыбается.

Раечка смѣется, и говоритъ:

— Я уже не Раечка, я—большая. Меня зовутъ Рая, потому что я живу въ раю.

Голосъ ея звенѣлъ, какъ-будто вѣтеръ и вода колыхали серебряныя струны, — но Митя не могъ понять, слышалъ-ли онъ слова, которыя говорила Раечка, или она говорила что-то свое, а ему это слышалось. Она удалялась, кивая головою, улыбаясь, ясная, многоцвѣтная, въ лучахъ яркаго солнца. Потомъ она загорѣлась, обратилась въ золотой сверкающій шаръ, видомъ подобный солнцу, но превосходящій его радостною взорамъ красотою. Этотъ шаръ все уменьшал-

ся,—и вотъ отъ него осталась яркая точка,—вотъ и онѣ погасла. Все стало мглистымъ и темнымъ, и солнце потускнѣло.

XII.

Митя поднялся тихонько по лѣстницѣ, разыскалъ свои книжки, и явился на чердакъ, словно изъ школы. Дуня и мать сидѣли по вчерашнему, только теперь онѣ обѣ вязали, и спицы жужжали въ ихъ проворныхъ рукахъ.

— Здравствуй, Рая,—сказалъ Митя.

Дуня посмотрѣла на него ясными, какъ у Раи, глазами, и отвѣтила:

— Я—Дуня.

Митя покраснѣлъ и сказалъ застѣнчиво:

— Я ошибся. Ты, Дуня, похожа на Раечку.

Дуня медленно покачала головою. Она встала, положила чулокъ на стулъ, подошла къ окну, и позвала тихонько:

— Митя!

Митя подошелъ къ ней. Она положила руку на его плечо, и сказала:

— Вотъ, одно только небо и видно. Хорошо!

Митя радостно чувствовалъ прикосновеніе тонкой Дуниной руки. Онъ подумалъ: Рая прежде была маленькая, но она-же растетъ.

— Что хорошаго!—ворчала старуха.—Мало, скажемъ, хорошаго. Галдило-то приходилъ, кричалъ, кричалъ, оглушилъ.

Дуня вернулась къ чулку.

— Старшій дворникъ приходилъ,—спокойно объяснила она Митѣ.

— Ну?—спросилъ Митя съ опасливымъ удивленіемъ

— Пришелъ, гаркнулъ, гаркнулъ: убирайтесь!— тихо говорила старуха.—Куда уберешься-то, скажите на милость! Куда итти, коли некуда, положительно некуда!

Она заплакала, и вся покраснѣла и сморщилась, такъ-же, какъ и Раечкина мать. Дуня спокойно смотрѣла на нее, прямая и блѣдная, и спицы жужжали въ ея быстрыхъ рукахъ. Митя зналъ, что сердце ея томительно болитъ за мать. Но жалости не было въ Митѣ,— и онъ одинаково равнодушно чувствовалъ и острую боль въ вискахъ, и Дунино безмолвное горе.

— Ужъ, Господи! Ужъ видятъ, что бѣдность заставляетъ,—говорила старуха, плача и дрожащими руками ударяя спицу о спицу.

Митя посидѣлъ немного, молча, и пошелъ домой.

XIII.

Митя опять рѣшился прогулять уроки. Еще для прошлаго раза купилъ онъ у Назарова листъ изъ дневника. Осталось только поддѣлать барынину подпись: „не былъ въ училищѣ по болѣзни“ (Аксинья была неграмотна, и въ Митиномъ дневникѣ подписывалась барыня). Назаровъ взялся отнести этотъ листъ, и съ Митинымъ дневникомъ, къ своему пріятелю, искусному въ поддѣлываніи почерковъ, а завтра вернуть его готовымъ и вложеннымъ въ дневникъ.

Митя такъ распредѣлилъ день: утромъ погуляетъ, потомъ домой—обѣдать, а тамъ скажетъ, что надо на спѣвку, и опять отправится къ Дунѣ. Съ утра онъ пошелъ на кладбище.

Въ кладбищенской церкви—покойники, трупный запахъ. Митя стоитъ близъ алтаря, и молится, склоняя колѣна на каменныя плиты. Дымъ отъ ладона клубится по церкви, синѣетъ и подымается вверхъ. У алтаря ходитъ Рая, полупрозрачная, легкая. Она радостно сіяетъ. Одежда у нея бѣлая, руки обнаженныя, волосы падаютъ ниже пояса широкими свѣтлыми прядями. На шеѣ у нея жемчуга, и легкій кокошникъ низанъ жемчугами. Вся она бѣлая, какъ никто изъ живыхъ, и прекрасная.

Она смотритъ на Митю отрадно-темными и строгими глазами, и къ смерти клонитъ его. Не сама-ли она смерть? Прекрасная смерть! И зачѣмъ тогда жизнь?

Раинъ голосъ звучитъ, чистый и ясный. Что сказала она, не слышалъ Митя. Онъ вслушивается, внутри себя, въ слѣдъ ея словъ,—и надъ мукою головной боли тихо вѣютъ кроткія слова:

— Не бойся!

Радостно, что будетъ все темно, какъ въ Раиныхъ глазахъ, и успокоится все,—муки, томленія, страхъ. Надо умереть, какъ Рая, и быть, какъ она.

Сладостно уничтожаться въ молитвѣ и созерцаніи алтаря, кадильнаго дыма и Раи, и забывать себя, и камни, всѣ страшные призраки изъ обманчивой жизни.

Рая близко.

— Отчего ты бѣлая?—тихонько спрашиваетъ Митя.

Тихо отвѣчаетъ Рая:

— Только мы—бѣлые. Вы всѣ—красные.

— Почему-же?

— У васъ кровь.

Тихо звучитъ ясный Раинъ голосъ, какъ цѣпь у кадила передъ алтаремъ,—Рая подымается въ синемъ

дыму, вся прозрачная и голубая, къ церковнымъ сводамъ. Мглою одѣвается все, и синѣетъ въ Митиныхъ глазахъ. За стѣнами тоска и страхъ, темныя нежити стерегутъ,—и не уйти отъ нихъ.

XIV.

На Дунинномъ чердакѣ лампады не было, но пахло елеемъ и кипарисомъ. Молитва и миръ осѣняли душу.

Опять на тѣхъ-же мѣстахъ сидѣли Дуня и мать, и Дуня читала,—Жерминаль, въ концѣ. Она коротко разсказала Митѣ содержаніе. Потомъ дочитала, отъ разсказа о несчастіи въ шахтахъ. Она отчетливо выговаривала, и съ чувствомъ, нѣсколько преувеличивая его выраженіе.

Митя закрылъ глаза. Ему чудилось, что въ углу, передъ иконою, теплится ясная лампада, и отъ нея бѣлый свѣтъ падаетъ на Дуню... Кто-то слушаетъ вмѣстѣ съ ними... Ихъ много,—колѣнопреклоненные и свѣтлые... Митя благоговѣйно молчалъ и наклонялъ голову.

Дуня кончила. Она опустила руки на колѣни, и сидѣла неподвижно. Старуха плакала, всхлипывая и сморкаясь. Митя улыбался, а по щекамъ его текли слезы, чистыя и крупныя.

Дуня говорила:

— Вотъ какая она несчастная. Зачѣмъ-бы ей жить? Хорошо, что умерла. Хорошо, что есть смерть.

И вдругъ Дуня заплакала. Она сидѣла прямо и неподвижно, блѣдныя руки лежали на колѣняхъ, лицо не искажалось и было спокойно и свѣтло, а слезы ручьями текли изъ потемнѣвшихъ глазъ по худощавымъ щекамъ и падали на обнаженныя руки.

— Что-же ты плачешь? — спросилъ Митя, и грустнымъ недоумѣніемъ томилось его сердце.

— Она была прекрасная,—тихо, едва двигая губами, словно въ бреду, говорила Дуня,—и душа у нея, какъ у ангела. Ее запихали въ нору, такъ она тамъ и погибла, ровно крыса въ мышеловкѣ. Какіе люди! Пожалѣешь о томъ, что родился на этой землѣ!

— Что-же есть хорошаго на землѣ?—спросилъ Митя.

Дуня помолчала, и слезы ея изсякли, — потомъ она поднялась съ мѣста, и сказала:

— Помолимся, Митя, вмѣстѣ.

Въ углу, передъ образомъ, они стали рядомъ на колѣни, на пыльный и сорный полъ. Дуня читала вслухъ молитвы, Митя шепотомъ повторялъ иныя слова, не связывая съ ними никакого смысла, и тупо улыбался. Его худое лицо съ длиннымъ носомъ казалось насмѣшливымъ. Дуня умиленно плакала, и Митя, сквозь муки своей головной боли, не могъ понять, о чемъ эти слезы, и дивился.

Ему чудилось, что тамъ, на стулѣ у окна, позади молящихся дѣтей, сидѣла Рая, и бѣлыя руки ея двигались неспѣшно, и мотали длинныя и тонкія нити. Два прозрачныя облачка трепетали надъ ея плечами. Она спрашивала старуху:

— О чемъ-же ты плачешь?

— Подохнешь съ голоду,—да хоть-бы я одна,—Дуньку жалко,—отвѣчала старая, плача.

Рая свѣтло улыбалась, и неспѣшно мотала длинныя нити.

XV.

Митя сидѣлъ въ классѣ. Былъ урокъ исторіи, и учитель Конопатинъ спрашивалъ заданное.

Конопатинъ былъ толстый, короткій, быстрый да бранчивый, съ пробритымъ подбородкомъ и длинными сѣдыми баками. У него было какъ-бы два лица: сладко-хитрое для сослуживцевъ, и суровое для учениковъ. Митя боялся его больше прочихъ учителей, особенно съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался инспекторомъ училища.

Теперь Митѣ было и страшно,—какъ бы не спросили,—и скучно, что надо сидѣть, молчать и слушать неинтересное. Это утомляло, усыпляло, и уже какъ будто-бы совсѣмъ не оставалось своей воли. Мечты роились,—и ничѣмъ ихъ было не отогнать.

Что-то бойко разсказываетъ маленькій, рыженькій Захаровъ. Громко сыплетъ слова, нижнюю губу выставляетъ впередъ, какъ загородочку, чтобы слова черезъ нее прыгали, а правую руку за поясъ засунулъ. Смѣшной...

Полупрозрачная, легкая, видится Рая. Томный взоръ ея спокоенъ. Митя улыбнулся ей,—и лицо у него становится неожиданно-радостнымъ...

Потомъ смуглый, длинный Водокрасовъ вышелъ говорить, — и плохо знаетъ, а хочетъ припомнить. Ему подсказываютъ и стараются, чтобы учитель не замѣтилъ этого.

Митя улыбается Раѣ, и шепчетъ:

— Отчего ты далекая? Приди поближе.

Конопатинъ услышалъ подсказываніе, и увидѣлъ, что Митины губы шевелятся. Онъ подумалъ, что подсказываетъ Митя.

— Дармостукъ, ты подсказывать! — закричалъ онъ гнѣвно,—давай дневникъ.

Митя вздрогнулъ, схватилъ свой дневникъ, и понесъ его учителю. Но уже когда дневникъ былъ въ учителе-

выхъ рукахъ, Митя вспомнилъ, что оставилъ тамъ, вмѣстѣ съ поддѣланнымъ листомъ, и листъ своего дневника за ту-же недѣлю. Митя испугался и схватился-было опять за дневникъ,—но уже было поздно. По испуганному Митиному движенію и по его виноватому лицу Конопатинъ понялъ, что дѣло не ладно, и принялся разсматривать дневникъ. Два листа на одну недѣлю, и одинъ изъ нихъ не вшитый,—и ослабленныя нитки,—и разрывы въ каждомъ листѣ для удобства при вкладываніи,—все сразу бросилось въ глаза.

— Те-те-те! — протяжно заговорилъ Конопатинъ, — духи малиновые! Это что такое? Ахъ ты, животное! Дневникъ поддѣлывать!

И потокъ бранныхъ словъ обрушился на Митю.

XVI.

О Митиномъ проступкѣ послали матери письмо. Оно пришло на другое утро, еще пока Митя былъ въ школѣ.

Митя вернулся, — мать встрѣтила его бранью и колотушками. Барыня, заслышавъ отчаянные Аксиньины крики, налетѣла коршуномъ въ кухню.

— Да какъ ты смѣлъ? — кричала она, подступая къ оторопѣлому Митѣ и тряся его за плечо.—Нѣтъ, говори, какъ ты смѣлъ прогуливать! Говори, говори сейчасъ!

Митя не зналъ, что сказать, и дрожалъ отъ страха.

— Неслухъ негодный!—вопила Аксинья,—ты вовсе палецъ о палецъ не хочешь дѣлать, а мать изъ-за тебя изъ жилъ тянется. Ты вѣдь видишь, ты очень хорошо видишь!

— Надо-же стараться, вѣдь ты не маленькій,—говорила и Дарья.—Вѣдь ты хуже всякаго животнаго!

Такъ онѣ стояли трое противъ одного, бранили и стыдили его. Лица у нихъ были злыя, и казались Митѣ ужасными и отвратительными.

— Выгонять тебя, мерзавца!—голосила мать,—что я съ тобою дѣлать буду, съ негодяемъ этакимъ? Куда ты дѣнешься, образина твоя носастая?

„Умру, какъ Рая“,—подумалъ Митя. Онъ молчалъ и плакалъ, пожимаясь плечами, какъ отъ холода. Изъ дверей выглядывали, толкаясь, Отя и Лидія, пересмѣивались, дѣлали Митѣ гримасы, — онъ не замѣчалъ ихъ. Отя дразнилъ его громкимъ шепотомъ:

— Гуляка-фонарщикъ! Гуль-гуль-гуль! Гулька! Гульфикъ! Гуливеръ! Проходимецъ!

Урутина услышала, и самодовольно усмѣхнулась: она гордилась Отинымъ остроуміемъ.

— Я сама поѣду завтра въ училище,—торжественно объявила она, и важно ушла изъ кухни.

Барынины эти слова произвели большое впечатлѣніе. Аксинья, подавленная барынинымъ великодушіемъ и сыновнимъ негодяйствомъ, тяжко вздыхала. Дарья говорила съ негодованіемъ и укоризною:

— Сама барыня! Изъ-за этакаго, съ позволенія сказать, ошмётья!

Митя сидѣлъ передъ учебниками, и горько плакалъ.

„Не сонъ-ли это,—думалъ онъ,—и школа, и барыня, и вся эта грубая жизнь?“

Онъ вспомнилъ, что надо сдѣлать, чтобы проснуться, и съ отчаяніемъ ожесточенно принялся щипать себѣ ноги. Рѣзкое ощущеніе боли не разбудило его. Онъ понялъ, что все это, ужасное, надо пережить. Голова такъ сильно болѣла весь день,—хоть бы на мигъ полегче!

Рая утѣшила. Уже когда свечерѣло, но еще не зажи-

гали огня, въ невѣрномъ и таинственномъ озареніи отъ послѣднихъ лучей, она пришла, поступью легкою и воздушною, незримая ни для кого, кромѣ одного только Мити. Полупрозрачная, мерцая, она едва застѣняла предметы, какъ застѣняютъ ихъ легкія слезы, сквозь которыя трепещетъ и колеблется міръ. Какъ юная царевна, въ одеждѣ бѣлой и торжественной, низанной жемчугами, и въ жемчужномъ кокошникѣ, съ жемчужными подвѣсками, которыя качались подъ ея ушами и шелестѣли на плечахъ о жемчугъ на ожерельи,—она стояла передъ Митею, и глубокимъ и строгимъ взоромъ утѣшала его. Тусклымъ блескомъ свѣтились жемчуги и, блѣдножелтые, розовѣли, какъ бѣлыя тучи въ небесной высотѣ при послѣднемъ догораніи заката.

„Жемчугъ—слезы",—робко думалъ Митя.

— Слезы мои сладкія,—беззвучно отвѣтила Рая.

— Дай мнѣ, Рая, поцѣловать твою бѣлую руку,—шепнулъ Митя.

— Теперь нельзя, мы разные,—нѣжнымъ голосомъ сказала Рая, качая головою.

Закачались, зашелестѣли жемчужныя подвѣски, закачались жемчужныя вязи подъ кокошникомъ, и Рая отошла. Митя увидѣлъ, что она не такая, какъ онъ. Она—свѣтлая и сильная, онъ—темный и слабый; онъ словно заключенъ въ трупѣ, она—вся живая, и вся переливается огнями и свѣтами, и красота ея несказанная смиряетъ несмолкаемую боль въ его бѣдной головѣ.

— Останься со мною, не уходи, Рая! — шепталъ Митя.

— Не бойся,—нѣжно отвѣчала Рая,—я буду съ тобою, я приду, когда настанетъ время. И тогда иди за мною.

— Страшно!

— Не бойся,—утѣшала Рая.—Подумай,—ничего этого не будетъ. Какъ легко! И новое небо откроется.

— А Дуня? А мама?—робко спрашивалъ Митя.

Рая радостно смѣялась и озарялась, и жемчуга ея тускло блестѣли и шелестѣли. Глубокій взоръ ея говорилъ Митѣ, что надо вѣрить и не бояться, и ждать, что будетъ, и послушно итти за нею, по этой длинной лѣстницѣ.

Лѣстница бѣлая и широкая. Ступени покрыты багрянымъ ковромъ, на площадкахъ зеркала и пальмы. Рая идетъ, все выше, и не оглядывается. Бѣлые башмаки ея неторопливо касаются красныхъ ступеней. Вотъ окно, и за нимъ свѣтлая дорога, огни, звѣзды. У Мити крылья, онъ летитъ, и тонетъ въ воздухѣ, и погружается въ сладостное забвеніе.

Вдругъ раздался грубый матерниъ голосъ.

— Дрыхни, сокровище!—кричитъ она,—дрыхни больше: нагулялся за день.

Толчки, пробужденіе, испугъ и тоска. Желтыя стѣны, тусклый свѣтъ отъ лампы, ситцевая занавѣска, сундуки, самоваръ. Митино сердце отяжелѣло.

XVII.

Печально ясный длился день. Митя вернулся изъ училища. Мать молчала, и угрюмо возилась у печки. Дарья, съ таинственнымъ и злымъ видомъ, ушла зачѣмъ-то. Скоро она вернулась. За нею въ кухню вдвинулся угрюмый дворникъ Дементій, рыжій, съ неподвижными глазами и широкими сросшимися бровями. Онъ сталъ у входной двери, точно приросъ. Барыня прошла къ не-

му изъ коридора мимо Митиной каморки, не взглянувъ на Митю. Дементій поклонился.

— Здравствуй, голубчикъ Дементій,—сказала барыня томнымъ голосомъ.—А гдѣ Димитрій?—спросила она, обращаясь къ Аксиньѣ и Дарьѣ, которыя стояли рядомъ, словно ожидая чего-то.—Позовите Димитрія! —приказала барыня.

Митя самъ вышелъ изъ-за перегородки. Всѣ посмотрѣли на него враждебно, и отъ этого ему стало страшно.

— Вотъ, голубчикъ Дементій,— сказала барыня, показывая на Митю,—возьми ты этого негодяя...

— Слушаю,—съ готовностью сказалъ Дементій, и двинулся къ Митѣ.

— Отведи ты его въ дворницкую, — продолжала барыня.

— Слушаю, сударыня,—повторилъ Дементій.

— И накажи его тамъ розгами, да хорошенько. Здѣсь, при мнѣ, я не могу слышать, у меня нервы, ты самъ понимаешь, я—барыня.

Барыня обнаружила признаки волненія и раздраженія.

— Слушаю, сударыня, не извольте безпокоиться,— почтительно говорилъ Дементій.

— Я тебѣ дамъ на чай, — сказала барыня, и вздохнула.

— Покорнѣйше благодарю! — радостно воскликнулъ Дементій, — не извольте безпокоиться, то есть, въ лучшемъ видѣ.

Онъ взялъ Митю за локоть. Митя стоялъ блѣдный, дрожалъ, и не ясно понималъ, что дѣлается. Ужасъ вдругъ охватилъ его,—словно готовилось что-то невозможное.

— Ну, пойдемъ, молодчикъ,—сказалъ Дементій.

Митя бросился къ барынѣ.

— Барыня, голубушка, миленькая, ради Христа, не надо,—лепеталъ онъ, сгибаясь и подымая къ барынѣ полные слезами глаза.

— Иди, иди! — отмахиваясь отъ него, сказала барыня,—я не могу, у меня нервы. Я барыня, о тебѣ забочусь, а ты что? Нельзя, иди!

Аксинья стояла, пригорюнившись, вздыхала часто и шумно, и въ ея глазахъ было такое выраженіе, какъ у человѣка, навѣки лишеннаго счастья и надежды. Дарья искоса посматривала на Митю, и слегка улыбалась, лукаво и радостно. Митя порывисто сталъ на колѣни, кланялся барынѣ въ ноги, цѣловалъ ея башмаки, отъ которыхъ, какъ и отъ всей барыни, пахло нѣжно и сладко, и повторялъ отчаянныя, несвязныя слова.

— Возьмите его, я не могу! — воскликнула барыня, не уходя, однако, изъ кухни и не отымая своихъ ногъ.

Она не помнила, чтобы ей такъ поклонялись; хоть это былъ только жалкій мальчишка, а все же ей было пріятно.

Аксинья и Дементій съ ожесточеніемъ бросились оттаскивать Митю отъ барыни. Митя, рыдая и умоляя барыню, упирался и хватался за подоконники, за двери, но Дементій быстро вытолкнулъ его на лѣстницу.

Митя почувствовалъ, что стыдно плакать и сопротивляться: увидятъ, услышатъ чужіе. Онъ сказалъ Дементію:

— Ты хоть не говори, Дементій, никому.

— Ладно, чего мнѣ говорить, — съ усмѣшкою отвѣчалъ Дементій. — Ты только не барахтайся, — самъ зна-

ешь, надо, — такъ у меня чтобъ безъ скандала, благороднымъ манеромъ.

Митя старался удержать слезы и принять равнодушный видъ. Дементій придерживалъ его за локоть.

— Голубчикъ Дементій, — шепталъ Митя,—иди отдѣльно хоть сзади, я самъ приду.

— Убѣжишь?—спросилъ Дементій.

— Куда бѣжать-то? Въ воду, что-ли? — съ досадою сказалъ Митя.

Дементій участливо посмотрѣлъ на него, и покачалъ головою.

— Эхъ ты, малый, — сказалъ онъ,—раньше надо было думать.

Онъ немного отсталъ, однако не спускалъ съ Мити глазъ. Когда Митя шелъ по двору, Аксинья и Дарья смотрѣли на него изъ кухни въ окно. Митя поднялъ глаза, и встрѣтилъ ихъ неподвижные, враждебные взоры. Онъ пошелъ поскорѣе. Хорошо, что близко, — смутно думалъ онъ; отъ угловой лѣстницы надо было пройти нѣсколько шаговъ вдоль передняго флигеля, по плитяной дорожкѣ, и подъ ворота...

Входъ въ дворницкую былъ изъ-подъ воротъ. Передъ узкою лѣстницею внизъ, въ дворницкую, на Митю напалъ внезапный ужасъ. Тамъ, за этою дверью,— неужели онъ самъ пойдетъ туда?

Онъ метнулся назадъ, но тотчасъ попался Дементію.

— Куда?—крикнулъ Дементій.

Его глаза чаровали Митю,—неподвижные, изъ-подъ рыжихъ, сросшихся, прямыхъ бровей. Дементій захватилъ Митю въ охапку, да такъ и снесъ, по нѣсколькимъ ступенькамъ, въ дворницкую.

Тамъ охватилъ Митю кислый запахъ отъ овчины и

отъ щей изъ громадной русской печки. Было тѣсно и грязно. Большая гармоника красовалась на видномъ мѣстѣ. Молодой, недавно нанятый изъ деревни дворникъ Василій стоялъ у окна, и снималъ кафтанъ. Его красная рубаха, дюжія руки, румяныя щеки, широкія скулы, глупые глаза,—все казалось Митѣ страшнымъ, какъ у палача. Баба, Дементьева жена, уныло возилась у печки, держа на рукахъ крохотнаго ребенка, смирнаго и желтаго, какъ восковая кукла, съ неподвижными, какъ у отца, синими глазами. Дементій поставилъ Митю на полъ. Митя дышалъ тяжело и боязливо озирался. Подвалъ, съ низкимъ потолкомъ, кирпичнымъ поломъ, небольшими окнами, громадною печью и грубыми запахами, казался Митѣ норою, гдѣ живутъ домовые. Баба невесело поглядѣла на мужа.

— Барыня изъ пятаго номера мальчонку велѣла выдрать,—сказалъ Дементій.

Василій словно обрадовался, и оскалилъ бѣлые, крѣпкіе зубы.

— Что ты? Вотъ этого? Носастаго?—спросилъ онъ.

— Этого,—подтвердилъ Дементій.

— Ай нашкодилъ?—крикнула любопытная баба.

Она сдѣлалась веселою и зарумянилась. Глаза у нея заблестѣли. Вплотную подошла она къ Митѣ, и весело спросила, обдавая его жаркимъ дыханіемъ:

— Да за что это тебя, парень, а?

Митя молчалъ. Жалость къ себѣ ужалила его.

— Надо быть, не даромъ,—угрюмо отвѣтилъ за него Дементій.

— Что-жъ, разуважимъ парнишку,—со смѣхомъ говорилъ Василій.

— Посиди пока, паренекъ, на лавочкѣ,—сказалъ Дементій Митѣ,—подожди.

Митя растерянно сѣлъ на лавку. Стало невыносимо стыдно. Что-то говорили, двигали какія-то метлы,—прутья шелестѣли. Дворничиха присѣла рядомъ, и посмѣивалась, заглядывая Митѣ въ лицо. Митя низко наклонялъ голову, и перебиралъ дрожащими пальцами пуговки у своей блузы. Онъ чувствовалъ, что лицо у него красное, и отъ этого жжетъ въ глазахъ, красный туманъ застилаетъ глаза, и не даетъ ничего видѣть, и жилы на шеѣ мучительно бьются.

Дементій подошелъ къ Митѣ...

XVIII.

Дома Аксинья встрѣтила Митю грубымъ смѣхомъ и бранью.

— Имѣю честь проздравить,—злобно сказала она,—съ новой баней, съ легкимъ паромъ. Ахъ ты, скотина долгоносая! Весь-то ты въ отца твоего въ пьянаго. Мало я съ однимъ маялась, другое мнѣ на шею сокровище навязалося.

Злое лицо было у нея и страшное. Пришла и Дарья, смѣяться и дразнить.

— Проздравляю вашу милость. Удостоились, нечего сказать. Дурачокъ, чего ты стоишь? Ай боишься голову на полу потерять,—матери-то чего-жъ не кланяешься, говорю?

У Мити опять заболѣла голова, въ глазахъ темнѣло и кружило.

— Кланяйся, идолъ,—неистово закричала Аксинья, наскакивая на сына съ кулаками.

Митя посп҃шно поклонился матери въ ноги и, припавъ лбомъ къ полу, тихонько завылъ отъ боли.

Потомъ повели Митю къ барынѣ. Она сидѣла въ гостиной на диванѣ, и раскладывала пасьянсъ. Заставили кланяться въ ноги и ей, но она сказала, что не надо, и сдѣлала ему длинный выговоръ.

Прибѣжали барчата, веселые и румяные. Они знали, что сдѣлали съ Митею. Барышня думала, что Митѣ ни почемъ. Но, увидя, что онъ плачетъ, и что вообще онъ жалкій, словно затравленный, она перестала улыбаться и поглядывала на него сострадательно,— ей стало жаль его.

— Такъ ему и надо,—строго сказалъ Отя,—хамчикъ простеганный!

Лидія разсердилась.

— Ты—злой дуракъ!—сказала она брату.

Онъ показалъ ей сразу два кулака, и принялся шептать, дразня Митю:

— Насѣкомый! Березайка! Драпь! Сѣчка!

Такъ какъ барышня пожалѣла Митю, то Аксинья заставила его и барышнѣ цѣловать ручки. Барышня была довольна и чувствовала себя очень доброю: вотъ, молъ, я какая,—даже сквернаго кухаркина сына пожалѣла!..

„Проклятыя, проклятыя! — повторялъ Митя про себя. — Никогда не буду съ вами, ничего не сдѣлаю по вашему“.

XIX.

Вечерѣло. Митя сидѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ у окна, глядѣлъ въ раскрытый учебникъ, и не видѣлъ его. Голова страшно болѣла и кружилась. Предметы

какъ призраки, то являлись, то снова потухали. Чудилось, что все шатается, все неустойчиво,—и когда красная ситцевая занавѣска передъ материною кроватью колыхалась, то Митя ждалъ, что вотъ сейчасъ все обрушится и погибнетъ. Безликія чудища носились надъ Митею, издѣвались, и голоса ихъ гудѣли. Митя заливался горькими слезами.

Вдругъ услышалъ онъ тихій зовъ:

— Митя!

Онъ поднялъ глаза,—Рая стояла передъ нимъ, бѣлая, свѣтлая и торжественная. Алмазы въ ея вѣнцѣ сверкали дивными огнями, багряница была длинная, смарагды и лалы горѣли на бармахъ. Яркій лучъ сіялъ въ Раиной рукѣ. Блѣдное лицо было торжественно-спокойно и свѣтло. Нѣжное Раино дыханіе колыхало воздухъ сладостною отрадою. Близко стояла Рая, едва не касаясь Митиныхъ колѣнъ. Удивительныя слова нѣжно звучали на ея блѣдныхъ губахъ. Она говорила о новыхъ небесахъ,—тамъ, за этими истлѣвающими, страшными.

Митя всталъ и коснулся губами ея лба, — надъ глазами, повыше бровей.

Рая отошла. Митя сдѣлалъ-было шагъ за нею, но наткнулся на сундукъ, и ушибъ ногу.

Какъ здѣсь тѣсно! Какая бѣдная жизнь!..

И понялъ Митя, что Раи съ нимъ нѣтъ,—и никогда не будетъ...

XX.

На другой день былъ праздникъ. Митя пѣлъ.

Толкались пѣвчіе, ходилъ угрюмый дьяконъ, синій дымъ отъ горящаго ладона плылъ. Рая проходила по со-

леѣ, и глаза ея горѣли. Образа глядѣли строго. Утренній свѣтъ изъ широкихъ и высокихъ оконъ лился томительно ярко. О каменныя плиты на церковномъ полу стучали каблуки, шаркали подошвы.

Рая вся пламенѣла тлѣющимъ, бѣлымъ пламенемъ. Вечернимъ свѣтомъ озаряла она предметы, и нездѣшнимъ,—грубые солнечные лучи не смѣли спорить съ ея кроткимъ сіяніемъ. За ея пламенѣющими ризами исчезали предметы.

Головная боль усиливалась и томила Митю.

Раины ризы развѣвались, колеблемыя неземными вѣяніями. Легкія, прозрачныя крылья трепетали за ея плечами. Она была вся ясная, какъ заря на закатѣ. Ея волосы, сложенные на головѣ, свѣтлы и пламенны. Нѣжно говорила она:

— Теперь уже скоро.

Она распростерла крылья, и тихо приближалась къ Митѣ. Митя ждалъ ее,—и вотъ, она проникла и вошла въ него. Сердце его горѣло...

Церковныя пѣсни звали изъ ненужнаго, и тѣснаго, и страшнаго міра. Митя пѣлъ, и, какъ чужой, звучалъ ему его голосъ. Звуки уносились къ церковнымъ сводамъ, и тамъ откликались и звали.

Какъ призраки, двигались люди по каменнымъ плитамъ. Барыня стояла близъ клироса. Она пришла въ церковь поздно,—нарочно пришла въ эту церковь, послѣдить, чтобы Митя не прогуливалъ послѣ обѣдни. Она стояла важная и гордая тѣмъ, что такъ великодушно заботится объ этомъ мальчикѣ,—и все время не спускала съ Мити строгихъ и тупыхъ глазъ. Митя подумалъ, что вотъ и сегодня опять нельзя итти къ Дунѣ. Ему стало страшно: можетъ быть, въ это время Дуню прогонятъ

съ чердака, или вовсе погубятъ, и онъ никогда ея не увидитъ.

„Какая злая барыня!—думалъ онъ.—Всѣ злые!"

Всѣ предметы хмурились и грозили...

Отъ алтаря, какъ горній вѣстникъ, приближалась Рая, трепеща и сіяя дивными крыльями,—яркіе, горѣли ея взоры,—и снова почудилось Митѣ, что она приникла и вошла въ него,—и пламенѣло его сердце.

Бряцала кадильная цѣпь, и дымъ подымался, пахучій и синій...

XXI.

На большой перемѣнѣ Митя грустно стоялъ въ залѣ у дверей. На солнце набѣгали тучи, день хмурился. Все утро Митю томила головная боль. Отъ многолюдства и толкотни она грозно возрастала.

Краснощекій Каргановъ подошелъ къ Митѣ, и хлопнулъ его по плечу, какъ большой, хотя самъ не доросъ до Мити на полголовы.

— Что, братъ, невеселъ, голову повѣсилъ? — спросилъ онъ, улыбаясь, причемъ углы у его губъ некрасиво оттягивались внизъ, и зубы жадно обнаружились,—выстегали, небось? Не бѣда, заживетъ до свадьбы! Мнѣ тоже на-дняхъ славную баню отецъ задалъ, да мнѣ ни по чемъ.

Митя внимательно посмотрѣлъ на Карганова: казалось, что на его красныхъ щекахъ еще слабо синѣютъ полоски, слѣды отъ отцовыхъ пощечинъ. Эти красныя щеки, угловатыя, полныя губы и дерзкіе, но безпокойные, словно запуганные, глаза наводили почему-то Митю на мысли о томъ, какъ долженъ быть вопить и рыдать

Каргановъ, когда отецъ его билъ. Митѣ жаль стало Карганова, и захотѣлось утѣшить.

— Что я тебѣ разскажу, — ты не разболтаешь?—тихонько спросилъ Митя.

Каргановъ такъ и воткнулъ въ него жадные взоры, и принялся увѣрять:

— Вотъ, чего мнѣ болтать! Не бойся, разсказывай.

Они сѣли рядомъ на скамьѣ. Митя шепотомъ разсказалъ, какъ его наказывали. Каргановъ слушалъ съ участіемъ.

— Ишь вѣдь какъ, въ дворницкой,—важно,—сказалъ онъ потомъ, и засмѣялся.

Онъ отошелъ, и Митѣ вдругъ досадно стало на себя: зачѣмъ проговорился? Онъ вспомнилъ, что Каргановъ не можетъ не разсказать по всему училищу, и догадывался, что станутъ дразнить.

Такъ и случилось. Каргановъ подходилъ то къ одному, то къ другому, и съ радостнымъ хохотомъ сообщалъ:

— Дармостука-то третьяго дня въ дворницкой пороли.

— Что ты? — съ веселымъ оживленіемъ спрашивали его.

— Ей-Богу, онъ самъ разсказалъ, — подтверждалъ Каргановъ.

Мальчишки радовались, лица у всѣхъ оживились,— и маленькіе, и большіе говорили тѣмъ, кто еще не зналъ:

— Слышалъ, Дармостука въ дворницкой пороли!

Новость разнеслась быстро между школьниками. Мальчишки бодро оправляли пояса, и кричали:

— Пойдемъ дразнить Дармостука!

Они бѣжали къ Митѣ радостные, оживленные, съ торжествомъ и гамомъ, и толпились вокругъ него. Бѣленькій Душицынъ засматривалъ снизу въ Митины глаза

ласковыми сѣрыми глазками, упираясь руками въ колѣни, кротко улыбался, и нѣжнымъ голосомъ говорилъ грубыя и неприличныя слова, все разныя, словно онъ зналъ неистощимое множество непристойныхъ реченій, относящихся къ розгамъ.

Румяныя лица, оживленныя искреннимъ весельемъ, тѣснились къ Митѣ, а безпощадные глаза жадно всматривались въ него. Иные изъ школьниковъ плясали отъ радости; иные схватывались по-двое руками, бѣгали вокругъ толпы, окружившей Митю, и кричали:

— Въ дворницкой! Потѣха!

Митя порывисто кидался то въ одну сторону, то въ другую, молча, опустивъ глаза и виновато улыбаясь. Но маленькіе негодяи плотно сгрудились. Увидѣвъ, что изъ этого тѣснаго кольца не выбраться, Митя пересталъ метаться, и стоялъ, блѣдный и растерявшійся, съ потупленными глазами; онъ казался преступникомъ, отданнымъ на поруганіе черни. Наконецъ, уже восторгъ дошелъ до такого напряженія, что кто-то крикнулъ:

— Дармостукъ, ура!

И всѣ мальчишки, звонкими и громкими голосами, закричали:—Ура! ура! ура!—а—а—а!

По всему училищному дому и на улицу понеслись отголоски звонкаго дѣтскаго веселья. Изъ учительской выскочилъ на шумъ Конопатинъ. Навстрѣчу ему побѣжали нѣсколько школьниковъ, и радостно докладывали на-перебой:

— Дармостука въ дворницкой пороли. Тамъ его дразнятъ, а онъ стоитъ, какъ филинъ, глазами хлопаетъ.

Жирное учителево лицо засіяло блаженствомъ, широкая улыбка расползлась на его чувственныхъ губахъ.

— Духи малиновые!—воскликнулъ онъ смѣющимся голосомъ,—гдѣ-же онъ, покажите, покажите мнѣ его.

Школьники повели Конопатина къ толпѣ, которая разступилась передъ нимъ. Блаженно улыбаясь, Конопатинъ взялъ Митю за плечо, и повелъ въ учительскую. Мальчишки толпою бѣжали сзади. Они уже не смѣли кричать такъ громко, и дразнили Митю вполголоса,—веселые, румяные.

Учителя обрадовались почти такъ-же, какъ и школьники,—и тоже издѣвались...

XXII.

На другой день Митя ушелъ съ книгами въ обычное время и весь день бродилъ по улицамъ, медленно и вяло. Все казалось ему тусклымъ и страшнымъ. Въ тягостное самозабвеніе погружала его все возраставшая головная боль.

Позже обыкновеннаго, незадолго до заката, пришелъ онъ къ Власовымъ. Только взобравшись наверхъ и перелѣзая черезъ высокую балку, замѣтилъ онъ, какъ ноютъ отъ усталости ноги, и какъ томительно хочется поскорѣе сѣсть.

Власовы радостно суетились, сбирая свои жалкіе пожитки: старуха нашла наконецъ мѣсто. Отъ радости руки у обѣихъ дрожали, и улыбки были робкія, словно онѣ еще не совсѣмъ смѣли вѣрить своему счастію.

Митино сердце похолодѣло отъ испуга. Онѣ что-то говорили Митѣ, но онъ никакъ не могъ связать и понять ихъ слова. Ему казалось, что ихъ гонятъ съ чердака. Отчего-же онѣ улыбаются, какъ безумныя, если надо итти на улицу, на жесткіе камни?

Дунѣ жаль было чердака. Она тихо сказала:

— Все лѣто здѣсь прожили, все однѣ. Хоть и впроголодь, зато однѣ. А какъ-то теперь Богъ приведетъ жить въ людяхъ!

Такая острая жалость пронизала Митино сердце, что онъ заплакалъ. Дуня утѣшала:

— Полно, милый,—дастъ Богъ, увидимся. Приходи къ намъ, коли пустятъ. О чемъ плакать, глупый мальчикъ?

Она записала карандашомъ на бумажкѣ свой адресъ, и дала его Митѣ. Митя взялъ бумажку, и вертѣлъ ее въ рукахъ. Такъ сильно болѣла голова, что онъ ничего не могъ сообразить. Дуня сказала съ ласковою усмѣшкою:

— Да ты бы въ карманъ положилъ,—неравно потеряешь.

Митя сунулъ адресъ въ карманъ, и тотчасъ-же забылъ о немъ...

Поздно вернулся онъ домой. Мать сидѣла среди кухни на табуретѣ, суровая и печальная, и плакала, вытирая глаза передникомъ. Митѣ она показалась уродливою и страшною. Она принялась бранить его и бить, и Митя не понималъ, за что. Онъ упорно молчалъ.

Маленькая лампа тускло свѣтила. Пахло чадомъ и керосиномъ. Барыня пришла кричать да издѣваться. Отъ ея крика звенѣло въ ушахъ, и точно тяжелые молоты били въ голову. Барчата выглядывали изъ-за двери, Отя гримасничалъ и дразнился. Дарья протяжно выговаривала укоризненныя слова. Тѣни шмыгали по стѣнамъ,—стѣны, казалось Митѣ, колебались, потолокъ нависалъ и казался близкимъ. Все было какъ въ бреду.

„Какъ-же и зачѣмъ-же стоять міру,—думалъ Митя,— если и Дуня погибаетъ!“

XXIII.

Утромъ мать отвела Митю въ училище. Дорогою она и плакала, и ругалась, и порою колотила Митю по затылку. Отъ этого Митя цаклонялся и спотыкался. Онъ почти не замѣчалъ предметовъ, погруженный въ тупыя ощущенія невыносимой головной боли. Проблески сознанія были мучительны, и тянуло тогда внизъ, головою къ этимъ жесткимъ камнямъ, чтобы разбить жестокую боль.

Въ училищѣ Митя тупо принималъ издѣвки товарищей и учителей. Онъ былъ мраченъ, какъ этотъ день, пасмурный и дождливый. Бѣду предчувствовалъ онъ. Дуня порою печально вспоминалась ему. Уже забылъ онъ, что она оставила чердакъ, и боялся, что она тамъ умретъ съ холода и голода.

За часъ до конца уроковъ, съ большой перемѣны Митя незамѣтно убѣжалъ изъ училища, бросивъ тамъ свои книги. Едва-ли сознаваемое имъ желаніе укрыться отъ преслѣдованій и поисковъ влекло его на далекія отъ училища улицы. Тамъ онъ долго блуждалъ, не уставая, не отдыхая. Онъ заходилъ во дворы, въ сады, въ церковь забрелъ, когда служили вечерню, бѣжалъ за шарманщикомъ, смотрѣлъ на марширующихъ солдатъ, разговаривалъ съ дворниками, съ городовыми,— и все тотчасъ-же забывалъ.

По-временамъ шелъ дождь, мелкій, словно просѣянный. Съ деревьевъ летѣли мокрые желтые листья.

Уже бредъ распространился на всю природу,—и все стало сказочнымъ и мгновеннымъ,—вдругъ возникали предметы, и вдругъ умирали. Яркій Раинъ взоръ загорался и потухалъ...

Наконецъ Митя пришелъ туда, гдѣ жили Власовы. У чердака внезапный ужасъ охватилъ его: чердакъ былъ подъ замкомъ. Митя остановился на послѣдней ступенькѣ, и съ отчаяніемъ смотрѣлъ на замокъ. Потомъ принялся стучать въ дверь кулаками. Въ это время изъ верхней квартиры вышелъ дворникъ, чернобородый угрюмый мужикъ съ лѣнивыми движеніями.

—Чего тебѣ тутъ?—спросилъ онъ Митю, подозрительно глядя на него.—Чего по чужимъ лѣстницамъ шаришь?

— Тутъ Власовы жили,—робко сказалъ Митя, — я къ Власовымъ пришелъ.

— Никто тутъ не жилъ, — отвѣтилъ дворникъ, — тутъ нельзя жить,—тутъ чердакъ.

Митя сталъ спускаться, неловко хватаясь руками за тонкую желѣзную рѣшетку. Дворникъ внимательно осматривалъ его, стоя на площадкѣ, и ворчалъ. Митѣ было тягостно чувствовать на своемъ лицѣ и потомъ на спинѣ его пристальный, черный взглядъ.

Митя не могъ повѣрить, что Власовыхъ здѣсь нѣтъ. Куда же имъ дѣться?—думалъ онъ.—Конечно, онѣ погибли на чердакѣ. Домовые замучили ихъ, этотъ черный повѣсилъ замокъ, и стережетъ ихъ.

Когда Митя опять шелъ по улицамъ, чердакъ представился ему, — отчетливо, какъ-бы въявь,—и какое-то слабое хрипѣніе послышалось ему. И онѣ представились ему,—на тѣхъ-же мѣстахъ, гдѣ и раньше сидѣли. Митя видѣлъ, какъ Дуня умирала, изголодавшаяся, холодная,—мать сидѣла противъ нея, закинувъ кверху цѣпенѣющее, незрячее лицо и протянувши впередъ сжатыя руки,—обѣ онѣ умирали и холодѣли...

И вотъ онѣ умерли. Неподвижныя, холодныя, си-

дятъ онѣ одна противъ другой. Вѣтеръ изъ слухового окна струится у желтаго старухина лба, и колеблетъ сѣдые, тонкіе волоски, выбившіеся изъ-подъ платка.

Митя заплакалъ,—медленныя и холодныя были слезы. Голодъ приступами начиналъ томить его.

XXIV.

Митя стоялъ на берегу надъ узкою и мутною рѣчкою, опирался локтями о деревянную изгородь, и глядѣлъ передъ собою равнодушными глазами. Вдругъ знакомое что-то приковало его вниманіе. Онъ увидѣлъ вдали, по ту сторону мать. Она появилась изъ переулка, и шла къ мосту,—сейчасъ будетъ переходить сюда, гдѣ Митя. Она не дождалась сына, испугалась, побѣжала въ училище. Тамъ сказали, что его нѣтъ, что онъ убѣжалъ до конца уроковъ. Тогда она принялась обходить своихъ знакомыхъ,—не зашелъ-ли къ кому.

Митя перебѣжалъ черезъ дорогу, и укрылся отъ матери въ отворенную калитку, за деревянными воротами. Онъ прильнулъ къ щели въ воротахъ, и тупо ждалъ. Мать прошла мимо. На ней сѣрый большой платокъ, старенькая кацавейка. Ея морщинистое лицо, полусклоненное къ землѣ, неподвижно и скорбно...

Жалость къ матери томила Митю. Но что же онъ могъ дѣлать, какъ не таиться?

Она шла быстро, угрюмая и скорбная, и неподвижно смотрѣла передъ собою. Митя высунулся изъ калитки, смотрѣлъ за матерью, и глупо улыбался. Не оборачивалась она, и уходила въ туманную отъ мелкаго дождя даль. Когда она скрылась въ далекой влажной мглѣ, Митя пересталъ думать о ней, и забылъ ее. Только жгучая боль отъ жалости горѣла въ его сердцѣ.

И опять печальныя мечтанія овладѣли имъ. Тамъ, гдѣ было такъ мирно и тихо, гдѣ теперь и темно и холодно, онѣ сидятъ мертвыя одна противъ другой. Дуня держитъ руки на колѣняхъ, и смотритъ бѣлыми, незрячими глазами, — тонкія вѣки не замкнули глазъ, такъ она исхудала. Она мертвая. Лампада передъ образомъ погасла. Тишина, холодъ, мракъ на чердакѣ...

XXV.

Всю ночь Митя провелъ на улицахъ. Было безлюдно. Кое-гдѣ у воротъ спалъ дворникъ, да изрѣдка извозчикъ дремалъ на козлахъ. Сперва горѣли фонари. Потомъ пришелъ фонарщикъ, и потушилъ ихъ. Темно и страшно стало. И не найти было ни одного убѣжища — отъ жизни, отъ дождя, отъ холода, отъ великой усталости. Въ сторону отъ сквозныхъ улицъ отходили безнадежные тупики, и трудно было выбираться изъ нихъ. Митя подходилъ ко всѣмъ воротамъ и дверямъ, и осторожно пытался открыть ихъ. Напрасно, — люди вездѣ все позаперли. Въ городѣ, гдѣ не таились ни тигры, ни змѣи, люди боялись спать, не оградившись отъ людей.

Шелъ дождь, иногда мелкій моросилъ, иногда польется проливень. Тогда Митя укрывался гдѣ-нибудь подъ навѣсомъ, у подъѣзда. Изрѣдка люди спрашивали Митю, дивясь, что онъ блуждаетъ въ эту пору, и онъ отвѣчалъ почти безсознательно, но подходящими словами. Ему вѣрили, потому что онъ лгалъ.

Передъ подъѣздомъ, гдѣ стоялъ Митя, остановились дрожки. Баринъ и барыня вышли, позвонили, швейцаръ ихъ впустилъ. Онъ былъ молодой и любопытный. Зѣвая, онъ спросилъ:

— Чего ты стоишь, мальчикъ?

— Дождь пережидаю,—отвѣтилъ Митя, не глядя на него.

— Да куда идешь-то?

— За бабкой послали.

— За бабкой послали, такъ бѣги, дура-голова,— озабоченно сказалъ швейцаръ,—такое дѣло не ждетъ.

— Да я ужъ назадъ иду,—спокойно сказалъ Митя.

— Ну, а бабка? — съ удивленіемъ спросилъ швейцаръ.

— На извозчикѣ поѣхала.

— А тебя не взяла?

— Нѣтъ, не взяла.

— Тоже, и бабка дура, — рѣшилъ швейцаръ. — Ну, ужъ и бабка!

— Сама сѣла,—разсказывалъ Митя,—а мнѣ говоритъ: ты, говоритъ, и такъ добѣжишь.

— Ишь ты, тѣсно ей, что-ли?

— Видно, что тѣсно.

— Спать, поди, хочешь, мальчикъ?—участливо спросилъ швейцаръ, и сладко зѣвнулъ.

— Да вотъ скоро лягу,—сказалъ Митя, улыбаясь.

Митя побѣжалъ по дождю, перепрыгивая черезъ лужи. Онъ дрожалъ отъ холода и отъ усталости...

XXVI.

Къ разсвѣту разсѣялись тучи. Медленно восходило солнце изъ-за далекаго синяго лѣса за Сновомъ. Было тихо. Надъ рѣкою колыхался туманъ. Слободы за рѣкою, нѣжныя и молчаливыя, почивали въ золотисто-лиловыхъ грезахъ.

Усталый, блѣдный Митя стоялъ на набережной, опершись руками объ ея рѣшетку, и радовался тому, что ночь минула, что солнце встало, что надъ рѣкою свѣжесть и туманъ. И ночь, и все, что было съ нею,—ничего не помнилъ усталый мальчикъ, радовался и улыбался, и любилъ какихъ-то добрыхъ людей, которые тамъ, за рѣкою, въ золотисто-лиловыхъ грезахъ. Холодно и томно было ему, а въ тѣлѣ разливалась свѣжая бодрость,—отъ этой воды, и солнца, и свѣтлаго неба, и всей широты поднебесной...

Гдѣ-то далеко задребезжали колеса по камнямъ. Эти звуки разбудили все темное въ сознаніи и странную головную боль. Злыя воспоминанія заклубились томительнымъ туманомъ на холодныхъ и влажныхъ камняхъ. Митя задрожалъ.

„Надо же найти ворота,—подумалъ онъ,—лѣстницу, окно, гдѣ была Рая. И отчего нѣтъ Раи? И я одинъ на этихъ жесткихъ камняхъ!"

Съ отчаяннымъ и блѣднымъ лицомъ побѣжалъ онъ по улицамъ, — и онѣ умирали за нимъ. Крупный потъ струился по его холодному лицу, и сердце горѣло и стучало отъ быстраго бѣга, и это мучительно отдавалось въ головѣ. Гулкія плиты жестко звучали подъ ногами.

Наконецъ, изнемогая, онъ остановился и оперся плечомъ о фонарный столбъ. Не сразу призналъ онъ мѣстность,—а когда узналъ, то обрадовался.

Вотъ это—тотъ самый проходной дворъ. Заспанный молодой дворникъ, гремя ключами, отворилъ калитку, вышелъ на мостовую, и стоялъ спиною къ дому, громко зѣвая и щурясь на солнце. Митя осторожно пробрался на дворъ.

И вотъ, наконецъ, Раина лѣстница,— и Рая стоитъ на ней, и ждетъ Митю. Охваченный мгновенною радостью, Митя вошелъ на лѣстницу. Полусвѣтъ на черной лѣстницѣ озарялся сверху, отблесками отъ Раиныхъ свѣтлыхъ ризъ. Рая тихо шла передъ Митею. Бѣлыя ризы цвѣли алыми розами, и косы ея разсыпались, какъ легчайшія пламенныя струйки. Она не оборачивалась, шла впереди, и на лѣстничныхъ поворотахъ Митя видѣлъ ея склоненное лицо. Отъ ея прекраснаго лица изливался въ полусумракъ таинственный и нѣжный свѣтъ, и глаза ея въ этомъ свѣтѣ сіяли, какъ два вечерѣющія свѣтила. Розы падали съ ея ризъ и пламенѣли, и Митя благоговѣйно ступалъ между ними. И розы пламенѣли вокругъ его головы, и неугасаемое пламя сожигало его мозгъ...

...Блѣдный, усталый мальчикъ, боязливо озираясь, словно крадучись, подымался по черной лѣстницѣ, мимо запертыхъ дверей. На лицѣ его изображались отчаяніе и смертельная истома, взоръ его блуждалъ и, казалось, не различалъ предметовъ, и грудь вздымалась тяжело и неровно. Онъ покачивался, спотыкался иногда, и безпомощно и неловко хватался рукою за скользкія отъ сырости стѣны. Но въ помраченномъ сознаніи его выростали изъ его томленія дивныя грезы...

...Страшный шумъ подымался за Митею, и топотъ, и хохотъ чудились ему, снизу лѣстницы, какъ отъ многихъ бѣгущихъ людей: то — разъяренные учителя и школьники гнались за Митею. Всѣ они страшно кричали, кривлялись, высовывали острые языки, и протягивали красныя, уродливыя руки. Митя въ ужасѣ бросился бѣжать отъ нихъ. Ноги его тяжелѣли. Уже когда настигали его, и Митя чувствовалъ за собою злое люд-

ское дыханіе, Рая остановилась, повернулась къ Митѣ, вся занялась пламенемъ, и сказала:

— Не бойся!

Грозный для міра, голосъ ея былъ словно громъ, рожденный со страшною болью и великимъ восторгомъ, какъ-бы въ самой Митиной головѣ. Рая взяла Митю за руку, и черезъ тѣсную дверь вывела его на свѣтлую дорогу, гдѣ пламенѣли дивныя розы...

...Блѣдный мальчикъ съ усиліемъ взлѣзъ на подоконникъ въ четвертомъ этажѣ. Окно было открыто. Цѣпляясь руками за верхнюю перекладину въ рамѣ, онъ повернулся лицомъ къ лѣстницѣ, и спиною наружу началъ вылѣзать изъ окна. Ноги его скользнули по узкой желѣзной полоскѣ, и сорвались. Мгновенный, послѣдній ужасъ охватилъ его, и онъ сдѣлалъ безполезное усиліе удержаться руками за раму. Начиная падать, уже онъ почувствовалъ облегченіе. Сладкая жуткость подъ сердцемъ, быстро возрастая, погасила сознаніе прежде, чѣмъ онъ коснулся камней. Падая, онъ крикнулъ:

— Мама!

Но горло захватило, крикъ прозвучалъ коротко, слабо и рѣзко,—и вслѣдъ за нимъ на пустомъ и безмолвномъ дворѣ тихо, но явственно, раздался трескъ отъ разбитыхъ о камни Митиныхъ костей.

1895—7 гг.

ОБРУЧЪ

579551

I.

Поутру пустынною улицею на городской окраинѣ шли дама да мальчикъ лѣтъ четырехъ,—дама нарядная, молодая, мальчикъ съ нею веселый да румяный. Дама улыбалась и, счастливая, заботливо смотрѣла на сына. Мальчикъ катилъ обручъ, большой, новый, ярко-желтый. Еще неловкими движеніями подгонялъ мальчикъ свой обручъ, смѣялся, радовался, топоталъ пухлыми ножонками съ голыми колѣнками, и взмахивалъ палочкою. Даже и не надо-бы такъ высоко поднимать палочку надъ головою,—да ужъ гдѣ тутъ!

Радость-то какая! Обруча этого раньше не было, а теперь онъ такъ бойко бѣжитъ! И все такъ весело!

И ничего вѣдь раньше не было,—для мальчика,—все это вновь,—и утреннія улицы, и веселое солнце, и далекіе городскіе шумы. Все мальчику ново, чисто и радостно.

Да, все чисто: дѣти сами не видятъ грязной стороны въ предметахъ, пока взрослые не покажутъ.

II.

Бѣдно-одѣтый старикъ, съ грубыми руками, остановился на перекресткѣ,—прижался къ забору, и про-

пустилъ даму съ мальчикомъ. Старикъ смотрѣлъ на мальчика тусклыми глазами, и тупо усмѣхался. Неясныя, медленныя мысли ползли въ его лысой головѣ.

— Барченокъ,—думалъ онъ,—дитё малое. Ишь вѣдь какъ заливается! Дитё, а барское дитё,—поди-жъ ты!

Онъ не понималъ чего-то, что-то было ему странно.

Дитя,—дѣтей за вихоръ треплютъ? Игра — баловство, поди? Ребята, извѣстно, баловники.

А мать—ничего, не унимаетъ, не кричитъ, не грозитъ. Нарядная да свѣтлая. Чего ей? живутъ, видно, въ теплѣ да въ холѣ.

Вотъ когда онъ, старикъ, былъ мальчишкою,—то-то по-собачьи жилось! Не сладко и теперь,—да хоть не бьютъ, и все-таки сытъ. А тогда — голодъ, холодъ, потасовки. Такого баловства и не бывало, чтобы обручемъ, или тамъ другія барскія игрушки. Такъ и вся жизнь прошла,—въ нищетѣ, заботѣ, озлобленіи. И вспомнить нечего,—ни одной радости.

Улыбаясь на мальчика беззубымъ ртомъ, онъ завидовалъ. Онъ думалъ:

— Вотъ глупымъ забавляется.

А зависть томила.

Онъ пошелъ на работу,—на фабрику, гдѣ работалъ съ дѣтства, гдѣ состарился. И весь день думалъ онъ о мальчикѣ.

Неподвижныя мысли, — такъ, просто, вспоминался мальчикъ,—бѣжитъ, смѣется, ногами топочетъ, обручъ гонитъ. А ножки-то пухленькія, а колѣнки-то голенькія...

Весь день въ шумѣ отъ фабричныхъ колесъ мальчикъ съ обручемъ вспоминался ему. А ночью онъ видѣлъ мальчика во снѣ.

III.

На другое утро мечты опять одолѣли старика.

Стучать машины, однообразенъ трудъ, думать не надо. Руки дѣлаютъ привычное дѣло, беззубый ротъ усмѣхается забавной мечтѣ. Отъ пыли туманится воздухъ вверху, подъ высокимъ потолкомъ, тамъ, гдѣ съ быстрымъ свистомъ скользятъ съ колеса на колесо безконечные ремни. Далекіе углы закутаны шумною мглою. Какъ призраки, снуютъ люди,—и не слышна человѣческая рѣчь подъ гулкимъ пѣньемъ машинъ.

И мерещится старику,—вотъ онъ маленькій, вотъ мама у него барыня, и есть у него обручъ да палочка, и онъ играетъ,—палочкою обручъ гонитъ. Нарядъ на немъ бѣленькій, ножки у него пухленькія, колѣнки голенькія...

День за днемъ, тотъ же трудъ, и мечта все та-же.

IV.

Разъ, возвращаясь домой подъ вечеръ, увидѣлъ старикъ на дворѣ обручъ отъ старой бочки,—черный, шершавый ободъ. Старикъ задрожалъ отъ радости, и слезы выступили на его тусклыхъ глазахъ. Быстрое, почти безсознательное желаніе мелькнуло въ его душѣ.

Старикъ опасливо оглядѣлся, наклонился, трепетными руками ухватилъ обручъ, и понесъ домой, стыдливо улыбаясь.

Никто не замѣтилъ, не спросилъ. Да и кому какое дѣло? Старикашка въ лохмотьяхъ несетъ старую, ломаную, никому не нужную вещь,—кому на него смотрѣть!

А онъ-то несъ крадучись, боялся,—засмѣютъ. Для чего взялъ, зачѣмъ понесъ,—и самъ не зналъ. Такъ,

похожъ на тотъ, что былъ у мальчика,—ну и взялъ. Что-жъ такое, пусть полежитъ.

Посмотрѣть, потрогать,—живѣе мечты, тусклѣе фабричные гудки да шумы, туманнѣе шумная мгла...

Нѣсколько дней обручъ лежалъ у старика подъ кроватью, въ его бѣдномъ, тѣсномъ углу. Иногда старикъ вынималъ обручъ, смотрѣлъ на него,—этотъ грязный и сѣрый обручъ тѣшилъ стараго,—и живѣе являлась неподвижная мечта о счастливомъ мальчикѣ.

V.

Однажды въ ясное, теплое утро, когда птицы гомозились въ чахлыхъ городскихъ деревьяхъ веселѣе вчерашняго, всталъ старикъ пораньше, взялъ свой обручъ, и пошелъ за городъ, подальше.

Покашливая, пробирался онъ въ лѣсу между старыми деревьями да цѣпкими кустами. Непонятно ему было молчаніе сумрачныхъ деревьевъ, покрытыхъ сухою, темною, растрескавшеюся корою. И запахи были странны, и мухи дивили, и папоротникъ росъ, какъ сказочный. Не было пыли и шума, и нѣжная, дивная мгла лежала позади деревьевъ. Старыя ноги скользили по настилу хвой, спотыкались о вѣковые корни.

Старикъ сломалъ сухую вѣтку, и надѣлъ на нее обручъ.

Лужайка лежала передъ нимъ, свѣтлая, тихая. Многоцвѣтныя, безчисленныя росинки искрились на зеленыхъ былинкахъ недавно скошенной травы.

И вдругъ скинулъ старикъ съ палки обручъ, ударилъ палкою по обручу,—тихо покатился обручъ по лужайкѣ. Старикъ засмѣялся, засіялъ, побѣжалъ за обручемъ, какъ тотъ мальчикъ. Онъ вскидывалъ ногами,

и палочкою подгонялъ обручъ, и такъ же высоко надъ головою, какъ тотъ мальчикъ, подымалъ руку съ палочкою.

Чудилось ему, что онъ малъ, нѣженъ да веселъ. Чудилось ему, что за нимъ идетъ мама, смотритъ на него, да улыбается. Какъ ребенку, первоначально, свѣжо стало ему въ сумрачномъ лѣсу на веселой травѣ, на тихихъ мхахъ.

Козлиная, пыльно-сѣрая борода на ослабленномъ лицѣ тряслась, и смѣхъ съ кашлемъ дребезжащими звуками вылеталъ изъ беззубаго рта.

VI.

И полюбилъ старикъ по утрамъ приходить въ лѣсъ, играть обручемъ на этой прогалинкѣ.

Иногда подумаетъ, что могутъ увидѣть, осмѣять,— и отъ этой мысли становилось вдругъ нестерпимо стыдно. И стыдъ былъ похожъ на страхъ: такъ же обезсиливалъ, подкашивалъ ноги. Пугливо, стыдливо озирался старикъ.

Да нѣтъ,—никого не видно, не слышно...

И, поигравъ довольно, онъ мирно уходилъ въ городъ, легко и радостно улыбаясь.

VII.

Такъ никто его и не увидѣлъ. И ничего больше не случилось. Мирно поигралъ старикъ нѣсколько дней,— и въ одно слишкомъ росистое утро простудился. Слегъ,— и скоро умеръ. Умирая въ фабричной больницѣ, среди чужихъ, равнодушныхъ людей, онъ ясно улыбался.

И его утѣшали воспоминанія,—и онъ тоже былъ ребенкомъ, и смѣялся, и бѣгалъ по свѣжей травѣ, подъ сумрачными деревьями, — и за нимъ смотрѣла милая мама.

Жало смерти

Разсказъ о двухъ отрокахъ

Жало смерти—грѣхъ.
(I Коринѳ., 15, 56).

Два дачные мальчика забрались въ глухой лѣсной уголокъ на берегъ рѣки и ловили рыбу на удочку. Рѣчка обмелѣла, журчала по камнямъ, такъ что во многихъ мѣстахъ ребятишки легко переходили ее въ бродъ. Дно было песочное и ясное.

Одинъ изъ маленькихъ дачниковъ удилъ внимательно, другой—разсѣянно, словно между прочимъ. Одинъ, Ваня Зеленевъ, производилъ съ перваго-же взгляда впечатлѣніе урода, хотя трудно было сказать, что въ немъ особенно дурно: зеленоватый-ли цвѣтъ лица? несимметричность-ли его? большія-ли и тонкія оттопыренныя уши? слишкомъ-ли толстыя и черныя брови? или этотъ растущій надъ правою бровью кустикъ черныхъ волосъ, за что Ваню дразнили иногда трехбровымъ? Все бы не бѣда,—но что-то искаженное чудилось въ этомъ лицѣ,—придавленное, злое. Держался онъ сутуловато, любилъ гримасничать и кривляться,—и такъ это вошло въ его природу, что многіе считали его горбатымъ. Но онъ

былъ совсѣмъ прямой, сильный, ловкій и смѣлый, даже дерзкій иногда. Онъ любилъ лазать на деревья, разорять птичьи гнѣзда, и при случаѣ охотно поколачивалъ маленькихъ. Одежда на немъ была старая и заплатанная.

Другой, Коля Глѣбовъ, сразу казался красивымъ, хотя тоже, если разобрать, ни строгой правильности, ни особой тонкости выраженія не являли его черты. Онъ былъ бѣленькій и веселый. Когда онъ смѣялся, подъ его подбородкомъ вспухалъ бугорокъ,—и это было очень мило. Мама именно въ это мѣстечко любила цѣловать его. Одѣтъ онъ былъ чистенько и красиво: матросская курточка, коротенькія панталоны, черные чулки, желтые башмаки. Онъ былъ сынъ морского офицера, плававшаго нынѣ за границею. Жилъ Коля здѣсь на дачѣ вмѣстѣ съ мамою.

Возлѣ мальчиковъ стояли двѣ жестянки съ водою. Туда мальчики бросали выловленныхъ рыбокъ. Но плохо ловилась рыба...

— Красивое мѣстечко,—нѣжно звенящимъ голоскомъ сказалъ Коля.

— Что красиваго?—хриплымъ дѣтскимъ баскомъ возразилъ Ваня, странно дергаясь плечьми.

— Обрывъ-то какой, высокій, страсть,—сказалъ Коля, показывая движеніемъ подбородка черезъ рѣку на высокій противоположный берегъ,—а тамъ березки лѣпятся. И какъ онѣ только стоятъ!

— Вода подмоетъ,—пробасилъ Ваня,—обрывъ обвалится.

— Ну!—недовѣрчиво сказалъ Коля, и посмотрѣлъ на Васю такъ, словно просилъ не дѣлать этого.

— Да ужъ вѣрно,—со злою усмѣшкою сказалъ Ваня.

Коля грустно посмотрѣлъ на обрывъ: плотные, красные

пласты глины высоко громоздились одинъ на другой, точно гладко срѣзанные громадною лопатою. Кое-гдѣ еле замѣтныя трещины отдѣляли одинъ пластъ отъ другого. Въ иныхъ мѣстахъ, ближе къ водѣ, виднѣлись небольшія углубленія, словно промытыя водою. Вода бѣжала такая жидкая, прозрачная, и такъ нѣжно плескалась о могучій обрывъ.

Она хитрая, — подумалъ Коля, — слизываетъ по-маленечку. Подумать только, вся эта громадная стѣна, со всѣми веселыми березками на ней, вдругъ сползетъ въ рѣку!

— Ну, это еще не скоро будетъ,—сказалъ онъ вслухъ.

Помолчали мальчики. И опять, нѣжный и ласковый, зазвенѣлъ Колинъ голосъ:

— А въ лѣсу-то какъ славно! Смолой пахнетъ.

— Шкипидаромъ,—вставилъ Ваня.

— Нѣтъ, хорошо пахнетъ, — радостно говорилъ Коля.—Утромъ я бѣлку видѣлъ. По землѣ бѣжала, а потомъ на сосну, такъ ловко вскарабкалась, только хвостикъ мелькаетъ.

— А я дохлую ворону подъ кустомъ видѣлъ, — объявилъ Ваня.—Вонъ тамъ,—сказалъ онъ, показывая въ сторону головою и плечьми, и весь корчась при этомъ.—Я замѣтилъ мѣсто.

— Зачѣмъ?—съ удивленіемъ спросилъ Коля.

— Домой приволоку, — объяснилъ Ваня. — Положу Мареѣ на кровать.

— Вѣдь она испугается,—опасливо сказалъ Коля.

— Ворона-то? Ау, братъ, мертвая,—сказалъ Ваня такимъ злораднымъ голосомъ, точно ему очень нравилось, что ворона мертвая.

— Не ворона, а Мароа,—сказалъ Коля, слегка улы-

баясь и немножко щуря веселые глаза, отчего нѣжное лицо его стало кисленькимъ, какъ барбарисъ.

— А!—протянулъ Ваня.—Я думалъ, ты говоришь, ворона Мареы испугается. Она у насъ безобразная, какъ смертный грѣхъ. Мать красивыхъ не держитъ,—отца ревнуетъ.

— О, ревнуетъ!

Коля протянулъ не вполнѣ понятное ему слово, точно вслушивался въ его звукъ.

— Боится, что влюбится,—пояснилъ Ваня, и засмѣялся. — Точно онъ на сторонѣ не можетъ, — злорадно сказалъ онъ.

Помолчали опять. И снова Коля сказалъ, но уже неувѣреннымъ голосомъ:

— А тамъ какой лугъ красивый, вонъ направо! Цвѣточковъ много, все разные, — такъ весь лугъ и пестрѣетъ. И нѣкоторые пахнутъ такъ хорошо.

Ваня глянулъ на него досадливо, и проворчалъ:

— И коровы нагадили.

— Ну, на тебя не угодишь,—сказалъ Коля, и опять улыбнулся такъ, что лицо у него стало кисленькое.

— Я телячьихъ нѣжностей не люблю, — сказалъ Ваня.—Я люблю выпить и покурить.

— Выпить?—съ удивленіемъ и ужасомъ спросилъ Коля.

— Ну да, вина или водки,—съ искусственнымъ спокойствіемъ сказалъ Ваня, искоса посмотрѣлъ на Колю, и сдѣлалъ очень свирѣпую гримасу.

— Нельзя-же намъ пить вино,—сказалъ Коля, и ужасъ послышался въ его голосѣ. — Это большимъ только можно, да и то нехорошо.

— Все это выдумки,—рѣшительно отвѣтилъ Ваня.—

Навыдумывали разныхъ правилъ, чтобы нами помыкать. Родители воображаютъ, что мы ихъ собственность. Что хотятъ, то съ нами и дѣлаютъ.

— Такъ вѣдь это вредно—пить, можно заболѣть,— сказалъ Коля.

Ваня посмотрѣлъ на него страннымъ, смущающимъ взоромъ. Въ его слишкомъ свѣтлыхъ, словно прозрачныхъ глазахъ вспыхивали янтарныя искорки.

— Что?—спросилъ онъ, улыбаясь и гримасничая.

Коля засмотрѣлся въ его глаза, и забылъ, что хотѣлъ сказать. Ванины глаза его смущали, и прозрачный блескъ ихъ словно затемнялъ его память.

Припоминая съ усиліемъ, онъ сказалъ наконецъ:

— Мамочка разсердится.

— Мамочка!—презрительно сказалъ Ваня.

— Да вѣдь какъ-же не слушаться мамочки-то?— нерѣшительно спросилъ Коля.

Ваня опять посмотрѣлъ на Колю. Прозрачно-свѣтлые Ванины глаза показались Колѣ странными, скверными,—и Колѣ стало страшно. Ваня сказалъ, пренебрежительно произнося ласкательныя слова:

— Ну допустимъ, что мамочка тебя любитъ,—ну, что-жъ, ты все и будешь мамочкиной лялькою? А вотъ я люблю все по своему дѣлать. То-ли дѣло, братъ, свобода,—это не то, что цвѣточки нюхать да мамочкѣ букетики собирать. Да и что,—ну вотъ, тебѣ тутъ нравится,—вѣдь нравится?

— Очень нравится, какъ-же! — сказалъ Коля съ тихою радостью въ звукѣ голоса.

— Ну что-жъ, а долго-ли тутъ побыть,—оживленно говорилъ Ваня, дергаясь худенькими плечиками,—хорошо, не хорошо,—поиграемъ, въ городъ, пыль глотать.

Коля молчалъ, и мысли его обратились къ мамочкѣ.

Мамочка любитъ Колю. Она—ласковая и веселая. Но у нея своя жизнь. Она любитъ быть съ веселыми молодыми людьми, которые приходятъ часто, смѣются, разговариваютъ бойко и шутливо, ласкаютъ Колю, иногда подшучиваютъ надъ нимъ,—побыть съ ними Колѣ не скучно, онъ-же и самъ веселый, разговорчивый и довѣрчивый,—но они—чужіе, далекіе, и словно заслоняютъ мамочку отъ Коли.

— Однако, не ловится,—сказалъ Ваня.—Да и домой пора. Приходи къ вечеру на опушку.

— Ладно,—сказалъ Коля.

II.

Мальчики понесли ведерки и удочки домой.

Они проходили по деревенской улицѣ. Дома стояли тѣсно, и казались бѣдными и неряшливыми. За ними шумѣла рѣка. Крестьянскіе ребятишки, грязные и лохматые, играли у домовъ, ругались грубыми и страшными словами, и плакали. Столь красивыя почти у всѣхъ дѣтей руки и ноги были такъ у нихъ грязны, что жалко и противно было на нихъ смотрѣть.

У одной изъ дачекъ на скамеечкѣ сидѣлъ любопытный господинъ въ синей рубашкѣ подъ сюртукомъ и въ высокихъ сапогахъ. Онъ разспрашивалъ всѣхъ прохожихъ.

— Много наловили?—спросилъ онъ у Коли.

Коля довѣрчиво показалъ ему свою жестянку съ рыбками.

— Не много,—сказалъ господинъ.—А вы гдѣ живете?

— А вонъ тамъ, на горѣ, дача Ефима Горбачева,—сказалъ Коля.

— А, это Уфишка Горбачекъ, — сказалъ господинъ.

Коля засмѣялся.

— Вы съ отцомъ живете?—спрашивалъ любопытный господинъ.

— Нѣтъ, съ мамочкой,—отвѣтилъ Коля,—папа у меня въ плаваньи. Онъ—флотскій офицеръ.

— А ваша мама скучаетъ?—спросилъ любопытный.

Коля посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, подумалъ.

— Мамочка? — сказалъ онъ медленно. — Нѣтъ, она играетъ. Вотъ скоро здѣсь будетъ любительскій спектакль, такъ она будетъ играть роль.

Тѣмъ временемъ Ваня прошелъ нѣсколько дальше, потомъ вернулся.

— Ну, пойдемъ, что-ли,—сказалъ онъ Колѣ, сердито поглядывая на любопытнаго господина.

Мальчики отошли. Ваня сказалъ, страннымъ движеніемъ плечъ и локтей показывая назадъ, на любопытнаго барина:

— Этотъ баринъ всѣхъ разспрашиваетъ, — сволочь ужасная. О родителяхъ, обо всемъ, — должно быть, въ газетахъ пишетъ. Я ему здорово навралъ.

Въ прозрачныхъ, острыхъ Ваниныхъ глазахъ опять загорѣлись янтарныя искорки.

— Ну?—смѣшливо протянулъ Коля.

— Я ему сказалъ, что мой отецъ въ сыскной полиціи служитъ,—разсказалъ Ваня,—онъ меня теперь страхъ какъ боится.

— Почему?—спросилъ Коля.

— Я ему сказалъ, что отецъ одного мошенника здѣсь высматриваетъ, ну, онъ и боится.

— Да развѣ онъ мошенникъ?—смѣшливо спросилъ Коля.

— А я ему примѣты такія сказалъ, на него похожія,—объяснилъ Ваня,—ну, онъ и боится.

Мальчики смѣялись.

Дошли до Ваниной дачи и стали прощаться.

Ванина мать стояла въ саду, и курила, подбочась. Она была высокая, толстая, красная, и на лицѣ ея лежало тупое и важное выраженіе, какое часто бываетъ у привычныхъ курильщиковъ. Коля боялся Ваниной матери.

Она строго посмотрѣла на Колю, и Колѣ стало неловко.

— Такъ приходи,—сказалъ Ваня.

Коля проворно побѣжалъ домой.

— Пріятели,—сердито сказала Ванина мать,—обоихъ бы васъ...

Не было никакой причины сердиться, но уже она привыкла сердиться и браниться.

III.

Послѣ обѣда мальчики опять сошлись, на большой дорогѣ, тамъ, гдѣ она входитъ въ лѣсъ.

— А знаешь что,—сказалъ Ваня, — надо тебѣ показать одно мѣстечко.

Довѣрчивые Колины глаза вдругъ засвѣтились любопытствомъ.

— Покажи,—съ восторгомъ промолвилъ онъ, заранѣ чувствуя радость чего-то таинственнаго и необычайнаго.

— Я знаю такое мѣсто, гдѣ насъ никто не найдетъ,—сказалъ Ваня.

— А мы не заблудимся?—спросилъ Коля.

Ваня посмотрѣлъ на него презрительно.

— Боишься, — не ходи, — пренебрежительно сказалъ онъ.

Коля покраснѣлъ.

— Я не боюсь,—сказалъ онъ обидчиво, — а только, если мы долго проходимъ, такъ животы подведетъ.

— Не подведетъ, это недалече, — увѣренно сказалъ Ваня.

Мальчики побѣжали въ лѣсную чащу.

Мѣсто быстро становилось темнымъ и дикимъ. Стало тихо,—и страшно...

Вотъ и берегъ широкаго и глубокаго оврага. Слышалось, какъ звучалъ внизу ручей, но ручья сверху изъ-за чащи было не видать, и казалось, что туда никакъ нельзя пробраться. Но мальчики полѣзли внизъ къ ручью. Спускались, цѣпляясь за вѣтки, порой скатываясь по крутому откосу. Вѣтки задѣвали, били по лицу. Густые, цѣпкіе кусты приходилось съ усиліемъ разбирать руками. Много было вѣтокъ сухихъ и колючихъ, и, опускаясь, трудно было оберечься, чтобы не расцарапать лицо или руки. Непріятная иногда липла паутина, густая и удивительно клейкая.

— Того и гляди разорвешься,—сказалъ Коля опасливо.

— Ничего,—крикнулъ Ваня,—не бѣда.

Онъ былъ далеко впереди, а Коля еле сползалъ.

Чѣмъ ниже спускались, тѣмъ становилось сырѣе. Колѣ было досадно и жалко, что его желтые башмачки въ мокрой глинѣ, и руки испачканы глиною.

Наконецъ спустились въ узкую, темную котловину. Ручей плескался о камни, и звенѣлъ тихою, воркующею музыкою. Было сыро, но мило. Казалось, что и люди, и небо,—все высоко, высоко, а сюда никто не придетъ, не увидитъ...

Коля съ огорченнымъ лицомъ оглядывалъ, изогнувшись назадъ, свои штанишки. Оказалось, что они разорваны. Колѣ стало досадно.

„Что скажетъ мама."—озабоченно думалъ онъ.

— Не велика бѣда,—сказалъ Ваня.

— Да панталоны новые,—жалобно сказалъ Коля.

Ваня засмѣялся.

— А у меня такъ вся одежа въ заплатахъ,—сказалъ онъ.—Мнѣ здѣсь хорошаго не даютъ носить. Лѣсъ—не гостиная,—сюда нечего, братъ, новенькое надѣвать.

Коля вздохнулъ и подумалъ: хоть руки помыть. По сколько онъ ни плескалъ на нихъ холодной воды, онѣ оставались красноватыми отъ глины.

— Липкая здѣсь она, глина-то эта,—беззаботно сказалъ Ваня.

Онъ снялъ сапоги, сѣлъ на камень, и болталъ въ водѣ ногами.

— Разорвалъ одежду, испачкался, руки, ноги исцарапалъ,—говоритъ Ваня,—все, братъ, это не бѣда. За то ты не по указкѣ, а что хочешь, то и дѣлаешь.

И, помолчавъ, онъ вдругъ сказалъ, улыбаясь:

— Сюда бы на крыльяхъ слетать, ловко было-бы.

— Жаль, что мы не скворцы,—весело сказалъ Коля.

— Еще мы полетаемъ,—странно увѣреннымъ голосомъ сказалъ Ваня.

— Ну да, какъ-же!—недовѣрчиво возразилъ Коля.

— Я нынче каждую ночь летаю,—разсказывалъ Ваня,—почти каждую ночь. Какъ лягу, такъ и полечу. А днемъ еще не могу. Страшно, что-ли? Не пойму.

Онъ задумался.

— У насъ крыльевъ нѣтъ,—сказалъ Коля.

— Что крылья! Не въ крыльяхъ тутъ дѣло,—задум-

чиво отвѣтилъ Ваня, пристально глядя въ струящуюся у его ногъ воду.

— А въ чемъ-же?—спросилъ Коля.

Ваня посмотрѣлъ на Колю долгимъ, злымъ и прозрачнымъ взоромъ, сказалъ тихо:

— Еще ты этого не поймешь.

Захохоталъ звонко, по-русалочьи, и принялся гримасничать и кривляться.

— Что ты такъ гримасничаешь?—робко спросилъ Коля.

— А что? Нешто худо?—безпечно возразилъ Ваня, продолжая гримасничать.

— Даже страшно,—съ кисленькою улыбкою сказалъ Коля.

Ваня перестаъ гримасничать, сѣлъ смирно, и задумчиво посмотрѣлъ на лѣсъ, на воду, на небо.

— Ничего нѣтъ страшнаго,—сказалъ онъ тихо.— Прежде въ чертей вѣрили, въ лѣшихъ. А теперь, ау, братъ, ничего такого нѣтъ. Ничего нѣтъ страшнаго,— тихо повторилъ онъ, и еще сказалъ еле слышнымъ шопотомъ:—кромѣ человѣка. Человѣкъ человѣку волкъ,— прошепталъ онъ часто слышанное имъ отъ отца изреченіе.

IV.

Ваня, посмѣиваясь, вытащилъ изъ кармана начатую пачку папиросъ.

— Давай, покуримъ,—сказалъ онъ.

— Ай, нѣтъ, какъ можно, — съ ужасомъ сказалъ Коля.

Ваня вздохнулъ и сказалъ:

— Ужъ слишкомъ всѣ мы, дѣти, привыкли слушать-

ся, — отъ отцовъ переняли. Взрослые страхъ какіе послушные,—что имъ начальникъ велитъ, то и дѣлаютъ. Вотъ бабье,—тѣ самовольнѣе.

И помолчавъ, онъ сказалъ насмѣшливымъ и убѣждающимъ госособомъ:

— Эхъ ты, отъ табаку отказываешься! Цвѣточки, травку, листики любишь?—спросилъ Ваня.

— Люблю,—нерѣшительно сказалъ Коля.

— Табакъ-то,—вѣдь онъ тоже трава.

Ваня посмотрѣлъ на Колю прозрачными, русалочьими глазами и, посмѣиваясь, опять протянулъ ему папиросу.

— Возьми,—сказалъ онъ.

Очарованный прозрачнымъ блескомъ Ваниныхъ свѣтлыхъ глазъ, Коля нерѣшительно потянулся за папиросою.

— То-то,—поощрительно сказалъ Ваня.—Ты только попробуй, потомъ самъ увидишь, какъ хорошо.

Онъ раскурилъ и свою, и Колину папироску: спички нашлись въ одномъ изъ его глубокихъ кармановъ, среди всякой мелочи и дряни. Мальчики принялись курить,— Ваня, какъ привычный курильщикъ, Коля—съ озабоченнымъ лицомъ. И онъ сейчасъ-же, отъ первой затяжки, поперхнулся. Огненная туча разсыпалась въ горлѣ и груди, и въ дыму огненныя искры закружились въ глазахъ. Онъ выронилъ папироску.

— Ну, что же ты?—спросилъ Ваня.

— Горько,—шопотомъ, растерянно сказалъ Коля. — не могу.

— Эхъ ты, нѣженка,—презрительно сказалъ Ваня.— Ты хоть одну папиросочку выкури. Кури понемножку, не затягивайся глубоко,—потомъ привыкнешь.

Коля мимовольно, какъ неживой, всунулъ папироску въ ротъ. Онъ сидѣлъ на землѣ, прислонясь къ дереву

спиною, блѣдный, со слезами на глазахъ, курилъ и покачивался. Едва докурилъ. Голова разболѣлась, тошно стало. Онъ легъ на землю,—и деревья медленно и плавно поплыли надъ нимъ въ круговомъ, томительномъ движеніи...

Ваня говорилъ что-то. Его слова едва доходили до затемненнаго Колина сознанія.

— Когда бываешь одинъ, — сказалъ Ваня, — можно сдѣлать такъ, что станетъ ужасно пріятно.

— Какъ-же?—спросилъ Коля вялымъ голосомъ.

— Начнешь мечтать... Ну, да ты этого не поймешь... Послѣ разскажу... Вотъ, сюда ты ко мнѣ и ходи. Право, давай здѣсь собираться,—просилъ Ваня.

Коля хотѣлъ отказаться, но не могъ.

— Ладно,—сказалъ онъ вяло.

V.

Дома Коля озабоченно показалъ мамѣ свои разорванные штанишки. Мама засмѣялась, глядя на его опечаленное лицо: она была сегодня хорошо настроена, — ей дали ту именно роль на любительскомъ спектаклѣ, которую она мечтала сыграть.

— А ты впередъ осторожнѣе,—сказала она Колѣ.— Вотъ тебѣ и обновка.

Коля улыбнулся виноватою улыбкою,—и мама сразу догадалась, что на его совѣсти есть еще что-то. Мама взяла его за подбородокъ, подняла его голову.

— Да что ты блѣдный?—спросила она.

Коля вспыхнулъ, и опустилъ голову, съ усиліемъ освободясь отъ маминой руки.

— Это еще что такое? — строго сказала мама, и нагнулась къ нему.

Отъ Коли пахло табакомъ.

— Коля!—сердито крикнула мама.—Что-же это, отъ тебя табачкомъ пахнетъ! Рано, голубчикъ!

Коля заплакалъ.

— Я только одну папироску, — виноватымъ, тоненькимъ голосомъ признался онъ.

Мамѣ было смѣшно и досадно.

— Зачѣмъ ты водишься съ этимъ сквернымъ Ванюшкой? Противный, лягушка зеленая,—досадливо говорила мама.

— Я не буду больше курить, — плача говорилъ Коля,—а ему отецъ позволяетъ.

— То-то и хорошо,—съ негодованіемъ сказала мама.

— Онъ хорошій, право, а что-жъ, коли ему позволяютъ,—убѣждалъ Коля.

— Ахъ ты, курильщикъ!—сказала мама.—Чтобъ никогда этого больше не было, слышишь?

VI.

Въ эту ночь ворона приснилась Колѣ. Противная и страшная. Коля проснулся. Была еще ночь,—полусвѣтлая сѣверная ночь.

Потомъ Коля видѣлъ во снѣ Ваню съ его ясными глазами. Ваня посмотрѣлъ пристально, сказалъ что-то невнятное, — и у Коли сильно забилось сердце, и онъ проснулся.

Потомъ Колѣ снилось, что онъ поднялся съ постели и летитъ подъ потолкомъ. Сердце замирало. Было жутко и радостно. Тѣло неслось безъ усилій. Страшно было, что толкнешься въ стѣну надъ дверью. Но это обходилось благополучно, — Коля опускался, гдѣ надо, и въ

другой горницѣ опять всплывалъ подъ темный, сумеречный потолокъ. Много было покоевъ, и одинъ за другимъ являлись они все болѣе высокіе, и полетъ въ нихъ все болѣе жуткій и быстрый. Наконецъ изъ высокаго, темнаго окна, которое безшумно распахнулось передъ нимъ, вылетѣлъ онъ на свободу, поднялся высоко подъ небо и, закружившись томно и сладко въ его глубокой вышинѣ, пронизанной солнцемъ, оборвался, упалъ, и проснулся.

VII.

На другой день Коля какъ-то мимовольно очутился въ томъ же оврагѣ. Не хотѣлъ итти. Но пошелъ, словно по привычкѣ.

И тамъ, далекіе отъ людей, говорили они...

-- Ты разсказывалъ вчера,— нерѣшительно началъ Коля.

— Ну?—сердито спросилъ Ваня, и весь передернулся.

— Вотъ, что ты мечтаешь,—робко сказалъ Коля.

— А, вотъ что!—протянулъ Ваня.

Онъ сѣлъ смирно на камень, охватилъ колѣни руками, и уставился неподвижнымъ взоромъ куда-то въ даль. И Коля опять спросилъ его:

— О чемъ-же ты мечтаешь?

Ваня помолчалъ, вздохнулъ, повернулся къ Колѣ, оглядѣлъ его со странною улыбкою, и сказалъ:

— Ну, о разномъ. Самое лучшее, о чемъ-нибудь стыдномъ. Какъ тебя ни обидятъ,—сказалъ Ваня,—какъ ты ни золъ, а только заведешь шарманку, все зло забудешь.

— Шарманку?—переспросилъ Коля.

— Я это называю завести шарманку,— объяснилъ Ваня.—Только жаль, что она не очень долго играетъ.

— Не долго?—съ жалостливымъ любопытствомъ переспросилъ опять Коля.

— Устаешь скоро,—сказалъ Ваня.

Онъ какъ-то вдругъ опустился, и усталыми, сонными глазами смотрѣлъ передъ собою.

— Ну, а все-таки, о чемъ-же ты мечтаешь?—настаивалъ Коля.

Ваня усмѣхнулся криво, передернулъ плечами...

И такъ, далекіе отъ людей, говорили они, о странныхъ мечтаніяхъ, о жестокомъ, о знойномъ...

И лица ихъ пламенѣли...

Ваня помолчалъ и заговорилъ о другомъ.

— Я одинъ разъ цѣлыхъ три дня ничего не ѣлъ,— сказалъ онъ.—Меня отецъ ни за что отдулъ, а я страхъ какъ озлился. Подождите, думаю, я васъ напугаю. Ну, и не ѣлъ.

— Да что ты?—широко раскрывъ довѣрчивые глаза, спросилъ Коля.—Ну, и какъ же ты?

— Кишки отъ голоду выворачивало,— разсказывалъ Ваня.—Перепугались дома. Опять пороть принялись.

— Ну и что же?—спросилъ Коля.

Ваня нахмурился и сжалъ кулаки.

— Не выдержалъ,— хмуро сказалъ онъ,— наѣлся. Ужъ очень ослабѣлъ съ голоду. Такъ напустился на ѣду... Говорятъ, можно три недѣли прожить, если не ѣсть, только пить. А вотъ безъ воды живо подохнешь. Знаешь что,— давай завтра не ѣсть,— быстро сказалъ Ваня.

И онъ пристально смотрѣлъ на Колю прозрачными, ясными глазами.

— Давай,—вяло сказалъ Коля, словно чужимъ голосомъ.

— Смотри, не надуй.

— Ну вотъ еще.

Тепло пахло мхомъ и папоротникомъ, и смолистою хвоею. Колина голова слегка кружилась, и томительное безволіе овладѣвало имъ. Мама вдругъ припомнилась, но какая-то словно далекая,— и равнодушно подумалъ о ней Коля, безъ того прилива нѣжныхъ чувствъ, который всегда возбуждался въ немъ думами о мамѣ.

— Мать разозлится, ажъ побагровѣетъ,—сказалъ Ваня спокойно,—но только если очень расходится, то я въ лѣсъ убѣгу.

И вдругъ, совсѣмъ другимъ, оживленнымъ и веселымъ голосомъ, онъ сказалъ:

— Перейдемъ-ка здѣсь въ бродъ. Вода холодненькая.

VIII.

Ванинъ отецъ, Иванъ Петровичъ Зеленевъ, юристъ по образованію и свинья по природѣ, служилъ въ министерствѣ, каждый день ѣздилъ на службу на утреннемъ поѣздѣ, и возвращался къ вечеру, часто подъ хмѣлькомъ. Это былъ рыжій, плотный, веселый и ничтожный человѣкъ. И мысли, и слова его были въ высшей степени пошлы,—какъ будто у него не было никакого облика, и какъ будто онъ не имѣлъ ничего настоящаго и вѣрнаго въ себѣ. Разговаривая, онъ подмигивалъ зачѣмъ-то собесѣднику зачастую въ самыхъ невыразительныхъ мѣстахъ. Фальшивымъ голосомъ напѣвалъ онъ модныя пѣсенки изъ оперъ. Носилъ перстень съ фальшивымъ камнемъ, и галстукъ, зашпиленный булавкою со стразомъ. На словахъ былъ свободолюбивъ, любилъ

повторять громкія слова и осуждать правителей. На службѣ-же былъ усерденъ, искателенъ и даже подловатъ.

Обѣдали поздно. За обѣдомъ Зеленевъ пилъ пиво. Далъ и Ванѣ. Ваня пилъ, какъ взрослый. Отецъ спросилъ:

— Ты, Ванька, для чего связался съ этимъ дохлымъ чистоплюйчикомъ?

— Что-жъ такое! — грубо отвѣтилъ Ваня,— ужъ и знакомиться нельзя. Новости какія!

Ванина грубость нисколько не смутила ни отца, ни мать. Они ея даже не замѣтили. Привыкли. Да и сами были грубы.

— Жалобъ не оберешься,— объяснилъ отецъ.—Чего ему папиросы даешь? Его мать жалуется. Да и мнѣ, братъ, накладно: на всѣхъ здѣшнихъ мальчишекъ папиросъ не накупишься.

— И онъ совсѣмъ не дохлый,—сказалъ Ваня,—такъ только, что манежонный. А выходить онъ много мѣста можетъ, ничего. И главное, что мнѣ въ немъ нравится, что онъ послушный.

— Ты-то у меня боецъ,—съ гордостью сказалъ отецъ.— Такъ и надо, братъ,— всегда старайся верхъ забрать. Люди, братъ, большіе скоты,— говорилъ со страннымъ самодовольствомъ Зеленевъ. — Съ ними нечего церемониться. Тамъ всѣ эти миндальности если разводить,— загрызутъ живымъ манеромъ.

— Само собой,—сказала мать.

— Кто сильнѣе, тотъ и правъ,— продолжалъ отецъ наставительно.— Борьба за существованіе. Это, скажу тебѣ, братъ, великій законъ.

Зеленевъ закурилъ, и для чего-то подмигнулъ Ванѣ.

Такъ, по привычкѣ. Онъ не думалъ въ это время ничего такого, что вызывало-бы надобность въ такомъ подмигиваньи. Ваня попросилъ:

— Дай папиросу.

Отецъ далъ. Ваня закурилъ, съ тѣмъ-же спокойно важнымъ выраженіемъ, съ какимъ онъ незадолго пилъ пиво. Мать сердито заворчала:

— Ну, оба задымили.

— Пойдемъ, братъ, въ садикъ,—сказалъ отецъ.

IX.

Ночью Коля не скоро заснулъ. Странныя волненія томили его. Онъ вспомнилъ, что разсказалъ ему Ваня о своихъ мечтахъ,—и Ванины мечты соблазнили его помечтать о томъ-же. Какъ это можетъ быть?..

Утромъ Коля попросилъ у мамочки позволенія ничего не ѣсть сегодня. Сначала мамочка обезпокоилась.

— Что у тебя болитъ?—спросила она.

Но потомъ, когда узнала, что ничего не болитъ, что Коля только хочетъ поголодать, мамочка разсердилась и не позволила.

— Ванькины затѣи,—сказала она.—Ужъ отъ этого сорванца добра не ждать.

Коля признался, что они съ Ванею условились сегодня цѣлый день не ѣсть ничего.

— Какъ-же вдругъ я наѣмся, а онъ голодный,—смущенно говорилъ Коля.

Но мама рѣшительно сказала:

— И думать не смѣй.

Коля былъ очень смущенъ. Попытался все-таки не ѣсть, но мамочка такъ строго приказала, что поневолѣ

пришлось послушаться. Коля ѣлъ, какъ виноватый. Мамочка и хмурилась, и улыбалась.

А Ваня точно голодалъ весь день. Мать сказала ему спокойно:

— Не хочешь жрать, и не жри. Поголодаешь,—не сдохнешь. А и сдохъ-бы, не убытокъ.

Къ вечеру мальчики сошлись въ оврагѣ. Колю поразилъ голодный блескъ въ Ваниныхъ глазахъ и его осунувшееся лицо. Съ нѣжною жалостью смотрѣлъ онъ на Ваню,—и съ почтительнымъ уваженіемъ. И съ этого часа какъ рабомъ сталъ онъ Ванѣ.

— Жралъ?—спросилъ его Ваня.

Коля сдѣлалъ виноватое и кисленькое лицо.

— Накормили,—робко сказалъ онъ.

— Эхъ ты!—презрительно промолвилъ Ваня.

X.

Если-бы Колина мама не была такъ занята репетиціями къ назначенному на дняхъ представленію, то она, конечно, давно-бы замѣтила и обезпокоилась-бы тѣмъ, что Коля странно измѣнился. Веселый и ласковый прежде мальчикъ сталъ совсѣмъ другимъ.

Невѣдомыя раньше Колѣ тоскливыя настроенія все чаще обнимали его,—и Ваня ихъ поддерживалъ. Точно онъ зналъ какія-то гибельныя и неотразимыя чары. Онъ заманивалъ Колю въ лѣсъ, и чаровалъ подъ сумрачными лѣсными сѣнями. Порочные глаза его наводили забвеніе на Колю,—забвеніе столь глубокое, что иногда Коля смотрѣлъ вокругъ себя неузнающими и непонимающими ничего глазами. То, что прежде было радостно и живо, казалось новымъ, чужимъ и враждебнымъ. И даже сама мама уходила иногда въ неясный

сумракъ далекихъ воспоминаній: Коля, когда захочетъ иной разъ сказать что-нибудь о мамочкѣ, какъ раньше,— вдругъ чувствовалъ, что нѣтъ у него ни словъ, ни даже мыслей о мамочкѣ.

И природа въ Колиныхъ глазахъ странно и печально тускнѣла. Очертанія ея словно смывались. И уже нелюбопытна она становилась для Коли,—и не нужна.

Соблазняясь Ваниными соблазнами, Коля иногда курилъ. Не больше, какъ по одной папироскѣ заразъ. И Ваня каждый разъ давалъ ему заѣдать табачный запахъ мятными лепешками. Теперь табакъ уже не кружилъ Колину голову, какъ вначалѣ. Но дѣйствіе его стало еще пагубнѣе: каждый разъ послѣ куренія Коля ощущалъ необычайную пустоту въ душѣ и равнодушіе. Словно кто-то тихими, воровскими руками вынималъ изъ него душу и замѣнялъ ее холодною и свободною стихійною русалочьею душою,—дыханіемъ бездушнымъ и навѣки спокойнымъ. Отъ этого онъ казался себѣ смѣлѣе и свободнѣе. И какъ-то не хотѣлось ни о комъ и ни о чемъ думать.

И отъ куренья, и отъ ночныхъ мечтаній у Коли появились подъ глазами синіе круги. И мама замѣтила, обезпокоилась, стала было наблюдать за Колею,—но какъ-то скоро отвлеклась къ другимъ своимъ веселымъ и праздничнымъ заботамъ.

XI.

Было жарко даже и въ оврагѣ. И тихо. Коля пришелъ въ лѣсъ раньше Вани.

Сосны и ели распространяли смолистый запахъ,—и онъ слабо и не надолго порадовалъ Колю. Не надолго Какъ-бы привычнымъ движеніемъ душа отвѣтила ра-

достью на привѣтъ природы, вѣчно родной и только обманчиво равнодушной,—обрадовалась вдругъ,—и вдругъ забыла свою радость, и словно забыла даже, что есть на свѣтѣ радость...

Чуть плескался ручей, съ недоумѣвающимъ, вопрошающимъ ропотомъ. Въ лѣсу раздавались порою тихіе шорохи. Робко таясь, и тая неуклонныя стремленія, жила своею невѣдомою и родною намъ жизнью природа...

Коля ждалъ. Тоскливая скука томила его. Такъ много было вокругъ всякихъ милыхъ прежде предметовъ,—деревьевъ, травъ,—и звуковъ, и движеній,—но все это казалось словно пустымъ. И далекимъ.

Послышался шорохъ, далекій,—но уже Коля сразу призналъ, что это приближается Ваня. И Колѣ стало весело. Точно онъ былъ потерянъ и одинъ въ чужомъ и страшномъ мѣстѣ, гдѣ обитаетъ тоска, и его нашли и спасли отъ ея темныхъ обаяній.

Зашевелились вѣтки, упруго и упрямо уступая чьему-то насилію, чтобы потомъ опять сейчасъ-же забыть о немъ и быть по-своему,—и изъ зеленой чащи выглянуло гримасничая Ванино лицо.

— Ждешь?—крикнулъ онъ.—А у меня-то что!

Плечомъ раздвинулъ онъ вѣтки, и вышелъ къ ручью, радостный, потный, босой. Въ рукѣ у него была бутылка. Коля смотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Мадера,—сказалъ Ваня, показывая бутылку.— Сперъ!

Онъ былъ радостно взволнованъ, и лицо его болѣе обыкновеннаго подергивалось гримасами. Онъ говорилъ прерывистымъ шопотомъ:

— Отецъ у меня любитъ куликнуть. Авось не замѣ-

тить, что бутылка пропала. А если, грѣхомъ, хватится, то подумаетъ, что самъ выпилъ. Или на прислугу.

Мальчики присѣли у ручья на корточки, и съ нѣмымъ восторгомъ смотрѣли на бутылку.

Коля спросилъ:

— А какъ откроешь?

— Ну вотъ, — важно отвѣтилъ Ваня. — А штопоръ на что?

Ваня запустилъ руку въ карманъ, пошарилъ тамъ, и вытащилъ ножъ со штопоромъ.

— Видишь,—сказалъ онъ, показывая ножъ Колѣ,— у меня такой ножъ,—тутъ два лезвія, а на спинкѣ штопоръ.

— На спинкѣ,—смѣшливо повторилъ Коля.

Медленно, съ трудомъ, и радуясь этому труду, откупорили вино. Ваня отдалъ Колѣ бутылку, и сказалъ:

— Пей.

Коля покраснѣлъ, хихикнулъ, сдѣлалъ гримаску, поднесъ бутылку къ губамъ, и отхлебнулъ чуть-чуть. Сладко и горько. И легкая струйка лихорадочно-веселаго возбужденія пробѣжала по Колѣ. Со стыдливымъ смѣшкомъ передалъ онъ бутылку Ванѣ. Ваня торопливо поднесъ бутылку къ губамъ, и сразу отпилъ много. Глаза у него заблестѣли.

— Что ты помаленьку,—сказалъ онъ, передавая Колѣ вино,—ты сразу побольше хвати, увидишь, какъ хорошо.

Коля уже смѣлѣе выпилъ, сколько могъ больше сразу. Но ужъ слишкомъ много, такъ что закашлялся. Стало вдругъ страшно и жутко. Лѣсъ плавно и медленно поплылъ передъ его глазами. Потомъ сразу стало весело.

Передавая вино одинъ другому, они пили по оче-

реди, то большими, то маленькими глотками. И оба скоро опьянѣли. Ваня усиленно гримасничалъ. Мальчики громко хохотали. Коля закричалъ съ дикимъ хохотомъ:

— Лѣсъ пляшетъ!

— Пляшетъ, пляшетъ!—вторилъ ему Ваня.

— Смотри, какая смѣшная птица!—кричалъ Коля.

И все, что они видѣли, возбуждало ихъ веселость, и казалось имъ смѣшнымъ. Они возились, плясали. Дикія шалости внушала имъ ихъ буйная веселость. Они ломали деревца, царапали другъ друга, и всѣ ихъ движенія были неожиданны и нелѣпы, и въ глазахъ у нихъ все было туманно, несвязно и смѣшно.

Бутылку они куда-то бросили. Потомъ вспомнили о ней, стали искать, да такъ и не нашли. Ваня говорилъ:

— Тамъ еще было вино. Жаль, что потеряли.

— Будетъ, и то опьянѣли,—сказалъ Коля хохоча.

Ваня присмирѣлъ. Буйная веселость упала. И его измѣнившееся настроеніе тотчасъ-же передалось Колѣ. Ваня сказалъ разслабленно-пьянымъ, жалующимся голосомъ:

— Завтра выпили-бы. Башка трещитъ.

Коля легъ подъ деревомъ на траву. Лицо у него поблѣднѣло. Казалось ему, что что-то внутри его поднимаетъ его, вертитъ, несетъ... куда?

— Давай купаться,—сказалъ Ваня.—Вода освѣжитъ, хмѣль соскочитъ.

Мальчики раздѣлись, вошли въ воду, и чуть не утонули въ ручьѣ. Вода все толкала ихъ подъ колѣни. Они хохотали, падали на четвереньки, и глотали воду. Вода попадала и въ носъ, и въ горло. Было страшно и смѣшно

Наконецъ кое-какъ они выбрались, и съ неистовымъ хохотомъ повалились на траву.

Принялись одѣваться. Ваня спросилъ:

— Хочешь, я два кораблика спущу?

— Ну спусти,—сказалъ Коля.—А гдѣ кораблики?

— Да ужъ найду,—ухмыляясь отвѣтилъ Ваня.

Онъ вдругъ схватилъ Колины желтые башмаки и бросилъ ихъ въ ручей.

— Смотри-ка, два кораблика, — закричалъ онъ съ громкимъ хохотомъ.

Башмаки, прыгая черезъ камешки, стремительно уносились. Коля взвизгнулъ и побѣжалъ за ними, но видно стало сразу, что не догнать,—да и кусты мѣшали, и ноги не служили. Коля сѣлъ на землю, и заплакалъ.

— Зачѣмъ ты ихъ бросилъ? — упрекалъ онъ Ваню.

— Ну вотъ, самъ-же сказалъ: пускай, — со злою усмѣшкою оправдывался Ваня.

— Какъ-же я теперь пойду домой?—горестно спрашивалъ Коля.

— А вотъ такъ-же, какъ и я,—отвѣтилъ посмѣиваясь Ваня.

Его прозрачно-свѣтлые глаза щурились и смѣялись. Онъ сдѣлалъ Колѣ гримасу, и побѣжалъ вверхъ по склону, быстро, карабкаясь, словно кошка. Коля поспѣшалъ кое-какъ за нимъ, плача и царапая ноги.

„Домой-бы поскорѣе добраться“,—горестно и стыдливо думалъ онъ.

Но, едва выбрались они на дорогу, опять стало ему весело, и все приключеніе съ виномъ, купаньемъ, башмаками казалось ему забавнымъ.

XII.

Вечерѣло, а Коли все еще не было. Уже Колина мама начала безпокоиться. Послала служанку къ сосѣдямъ. Служанка вернулась и сказала:

— И Ванюшки еще у Зеленевыхъ нѣтъ.

— Вмѣстѣ шляются. Вотъ я ему задамъ,—сердито сказала Колина мама.

А сама была испугана. Мало-ли что могло случиться! Воображеніе рисовало ей страшныя картины Колиной гибели.

Она стояла у калитки, и озабоченно смотрѣла на дорогу. Сзади послышался быстрый и тихій топотъ чьихъ-то ногъ. Мама обернулась. Это былъ Коля: онъ прибѣжалъ задворками. Мама ахнула.

— Коля, въ какомъ ты видѣ! Рукавъ у курточки оборванъ. Башмаки гдѣ?

Коля весело засмѣялся, махнулъ рукою, и сказалъ:

— Башмаки уплыли... далеко.

И невѣрный, хриплый звукъ его голоса ужаснулъ маму. Коля еле ворочалъ языкомъ, былъ блѣдный, но очень веселый, и принялся быстро, но сбивчиво и неясно разсказывать свои приключенія. И ему было такъ странно, что мама не смѣется его веселому разсказу.

— Отъ тебя виномъ пахнетъ!—горестно воскликнула мама.

Ея пьяный мальчикъ казался ей столь страшнымъ, что ей какъ-то не вѣрилось. А Коля радостно разсказывалъ:

— Мы, мамочка, мадеру пили, въ оврагѣ, страсть вкусно. И кораблики спускали,—цѣлыхъ два кораблика. Какъ весело-то было,—прелесть, что такое!

Мама была въ ужасѣ, а Коля болталъ неудержимо. Наконецъ мама кое-какъ уложила Колю спать. Онъ скоро заснулъ. Мама пошла къ Зеленевымъ.

XIII.

Когда Александра Дмитріевна пришла къ Зеленевымъ, глава дома сказалъ своей женѣ:

— Разбирайтесь сами, какъ знаете.

И ушелъ на мезонинъ.

— Вашъ Ваня дома?—спросила Александра Дмитріевна, задыхаясь отъ волненія.—Онъ напоилъ моего сына.

Зеленева покраснѣла, подбоченилась, злобно засмѣялась и сказала:

— Какъ-же, дома. Дрыхнетъ. Съ вашимъ сынкомъ, видно, они здорово выпили,—винищемъ такъ и разитъ. А что напоилъ, такъ это еще кто кого. Худъ-худъ, а только такихъ дѣлъ за нимъ пока еще не было до пріятнаго знакомства съ вашимъ сынкомъ.

Обѣ женщины принялись осыпать одна другую упреками и бранными словами. Глѣбова говорила:

— Вашъ сынъ — самый отчаянный сорванецъ изъ всѣхъ дачныхъ мальчиковъ. Нельзя такъ распускать мальчика.

— Чего вы лаетесь! — грубо отвѣтила Зеленева.— Вашъ соколикъ тоже, видно, хорошъ, что и говорить. Сапоги сегодня пропилъ,— чего ужъ тутъ. Хорошъ мальчикъ.

— Какъ пропилъ! — съ негодованіемъ вскрикнула Глѣбова.—Вашъ Ваня ихъ въ ручей бросилъ.

Зеленева злорадно засмѣялась.

— Эка бѣда! — сказала она,— напились! Не каждый

день случается, слава Богу. Вашъ Коля, авось, не размокнетъ. Проспится,— очухается.

Александра Дмитріевна заплакала. Зеленева посмотрѣла на нее съ презрительнымъ сожалѣніемъ.

— Да вы не сердитесь,— сказала она примирительно.—Мы его этому не учимъ. Съ ребятами чего не бываетъ,— подъ колпакъ ихъ не посадишь,— и набѣдокурять иногда. Нашему Ванькѣ, само собой, дерка будетъ. А вашего болванчика вы облобызайте хорошенько,—онъ вамъ завтра ручьи слезные напуститъ отъ раскаянія. И больше намъ нечего разговаривать.

Повернулась, и ушла.

XIV.

На другой день, когда Ваня проснулся, отецъ высѣкъ его. Было это рано утромъ, но сосѣди слушали съ удовольствіемъ, какъ Ваня ревѣлъ низкимъ, злымъ голосомъ.

— Я его утоплю,—сказалъ Ваня послѣ наказанія.

Но уже его не слушали. Отецъ торопился на поѣздъ. Мать провожала...

Отецъ уѣхалъ. Ваня долго лежалъ въ чуланѣ, неподвижно и молча. Потомъ всталъ и пошелъ изъ дому. Мать закричала на него:

— Ванька, не смѣй уходить сегодня. Сиди дома.

— Нашли дурака,—грубо отвѣтилъ Ваня.— Стану я сидѣть.

Онъ открылъ калитку, и побѣжалъ по улицѣ. Мать погналась было за нимъ, но сразу видно было, что не догнать.

— Марѳа,—закричала она служанкѣ, которая, весело

ухмыляясь, выглядывала изъ кухни,—забѣги проулкомъ, подержи его.

— Подралъ, гдѣ его догонишь,— отвѣтила Маррa, и захохотала.

Безсильная хозяйкина ярость потѣшала ее.

— Вернись ты у меня, мерзкій мальчишка,—кричала Зеленева въ догонку сыну.

XV.

Ваня сидѣлъ на берегу лѣсного ручья, мрачно смотрѣлъ на воду, и думалъ злыя и жестокія мысли. Онъ шепталъ порою:

— Камень на шею, въ мѣшокъ да въ воду.

Вся его злоба и ненависть сосредоточились на Колѣ. Желаніе Колиной смерти томило и радовало его.

Утопить! А какъ его засунешь въ воду?

Да и зачѣмъ? Лучше-бы такъ сдѣлать, чтобы онъ самъ утонулъ. Онъ послушается. Его можно заставить, заговорить, заворожить.

Злая улыбка жестокою гримасою исказила Ванино лицо. Онъ побѣжалъ въ лѣсъ, и закричалъ громко:

— Ау, ау!

Никто не отозвался.

„Это пусть будетъ ночью,— подумалъ Ваня.— Онъ утонетъ, а я скажу, что спалъ въ это время“.

И радостно стало Ванѣ.

„Изъ дому тишкомъ уйду“,—думалъ онъ.

XVI.

Коля, выспавшись, со стыдомъ и ужасомъ вспомнилъ вчерашнее. Долго плакалъ онъ въ мамочкиныхъ объя-

тіяхъ, раскаиваясь и давая обѣщанія никогда больше не дѣлать ничего такого. И мамочка успокоилась. Она очень была занята своими репетиціями.

А Колю опять тянуло въ лѣсъ. Онъ улучилъ время, убѣжалъ, и пробрался къ оврагу.

Ваня встрѣтилъ Колю злымъ, мстительнымъ взглядомъ.

„Въ мѣшокъ бы тебя да въ воду",— опять подумалъ онъ.

Но онъ скрылъ свою злобу, и принялся разсказывать Колѣ, какъ его наказали. Коля слушалъ его съ нѣжною и робкою жалостью. Замѣтивъ это, Ваня засмѣялся и сказалъ:

— Мнѣ ни по чемъ. Со мною что хотятъ пусть дѣлаютъ, — вотъ-то ничуть не боюсь. Да вѣдь и за дѣло выдрали. Воровать не велятъ. Берегутъ людишки свое добро. А хочешь воровать,—не попадайся.

Мальчики сидѣли на корточкахъ на берегу рѣки, и задумчиво смотрѣли въ воду. Плескалась рыба, словно тѣсно было ей тамъ, въ прохладной и прозрачной водѣ. Вились надъ водою мошки. Все было какъ всегда равнодушно, красиво въ общемъ, однообразно въ подробностяхъ, и не весело.

Ваня притихъ. Печально шепталъ онъ:

— Знаешь, что я тебѣ скажу, — я не хочу жить.

Коля съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него широко-раскрытыми глазами.

— А какъ-же?--спросилъ онъ.

— Такъ-же, — спокойно и словно насмѣшливо отвѣтилъ Ваня.— Умру, да и вся недолга. Утоплюсь.

— Да вѣдь страшно?—испуганно спросилъ Коля.

— Ну вотъ, страшно. Ничего не страшно. А что и

жить!—говорилъ Ваня, устремляя на Колю неотразимо-прозрачный взоръ своихъ чарующихъ глазъ. — Подло здѣсь жить, на этой проклятой землѣ. Человѣкъ человѣку волкъ здѣсь, на этой постылой землѣ. И что страшно? Захлебнуться не долго,—и живо очутишься на томъ свѣтѣ. А тамъ все по-другому.

— По-другому?—робко и довѣрчиво спросилъ Коля.

— Совсѣмъ по-другому. Подумай только,—убѣжденно говорилъ Ваня,—вотъ, если ты любишь путешествовать...

— Люблю,—сказалъ Коля.

— Такъ вотъ,—продолжалъ Ваня,—куда ни придешь ты на землѣ,—все рѣки, деревья, трава;—все, все, братъ, одно и то-же. А тамъ, за гробомъ, совсѣмъ, совсѣмъ не похожее. Что тамъ, я не знаю, и никто не знаетъ,—но развѣ тебѣ здѣсь нравится?

Коля молча покачалъ отрицательно головою.

— Да, здѣсь гадко жить,—продолжалъ Ваня.—Что тебѣ страшно умереть? Смерти боишься? Это у насъ, на землѣ только смерть, мы всѣ умираемъ,—тамъ нѣтъ смерти. Здѣсь не поживешь долго, такъ и умрешь,—отъ кусковъ какихъ-то глупыхъ, и отъ тѣхъ зависишь, — а тамъ свобода. Вотъ у тебя теперь тѣло. Отъ него муки сколько. Обрѣжешь,—больно. А тамъ ничего этого не будетъ. Тѣло сгніетъ,—на что оно? Будешь свободный,—и никто тебя не возьметъ.

— А мама какъ-же?—спросилъ Коля.

— Какая мама? — убѣждающимъ голосомъ отвѣчалъ Ваня.—Она тебѣ приснилась, можетъ быть. У тебя мамы нѣтъ. Все это только кажется, а на самомъ дѣлѣ ничего нѣтъ, обманъ одинъ. Подумай самъ, если-бы все это было на самомъ дѣлѣ, такъ развѣ люди умирали-бы?

Развѣ можно было-бы умереть? Все здѣсь уходитъ, исчезаетъ, какъ привидѣніе.

Коля отвелъ глаза отъ Ваниныхъ холодныхъ и прозрачныхъ глазъ, и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на свое тѣло.

— Какъ же?—сказалъ онъ,—все-таки тѣло.

— Ну что тѣло! — возразилъ Ваня. — Надъ нимъ смѣются, — чуть гдѣ если волосъ не тамъ выросъ, или бородавка, или глаза косятъ,—все смѣются. И бьютъ,—больно бьютъ. Ты думаешь, часто бьютъ, такъ привыкъ? Нельзя привыкнуть. Что больно, это вздоръ. А къ обидамъ не привыкнешь. А тамъ тебя никто не обидитъ. Никто тебѣ не велитъ, не забранитъ, не упрекнетъ. Что хочешь дѣлай. Все можно. Это здѣсь на землѣ все такъ, — лишній шагъ сдѣлаешь, бутылку съ мѣста на мѣсто перенесешь,—ужъ ты и воръ, позорятъ тебя.

Ваня говорилъ, а Коля смотрѣлъ на него довѣрчивыми, покорными глазами. И обиды, о которыхъ говорилъ Ваня, больно мучили его, — больнѣе, чѣмъ если бы это были его собственныя обиды. И не все-ли равно, чьи обиды!

Какая-то черная птица пролетѣла надъ дѣтьми, и ея широкія крылья двигались быстро, безшумно. Ваня говорилъ печальнымъ и тихимъ, но неотразимо-убѣждающимъ голосомъ:

— Какую-нибудь жидкость проглотишь, — ужъ ты точно другой сталъ. Тамъ ничего этого нѣтъ. Ни ты ничему, ни тебѣ ничто не повредитъ. Хорошо тамъ. Здѣсь на людей смотришь,—одному завидуешь, другого жалѣешь,—все сердце въ занозахъ. Тамъ ничего этого нѣтъ.

И долго говорилъ такъ Ваня,—и Коля все болѣе очаровывался печальнымъ звукомъ Ванина голоса и скорбною прелестью его наговоровъ.

Ваня замолчалъ,—чары его голоса, какъ легкій дымъ изъ потухшаго кадила, казалось, расточились въ смолистыхъ лѣсныхъ ароматахъ. Онъ смотрѣлъ куда-то далеко, усталый и безмолвный, и Колѣ захотѣлось вдругъ возразить ему такъ, чтобы это было послѣднее и сильное слово. Вѣчно-радостное и успокоительное чувство осѣнило его. Онъ поднялъ на Ваню повеселѣлые глаза, и сказалъ нѣжно-звенящимъ голосомъ:

— А Богъ?

Ваня повернулся къ нему, усмѣхнулся,—и Колѣ опять стало страшно. Прозрачные Ванины глаза зажглись недѣтскою злобою. Онъ сказалъ тихо и угрюмо:

— А Бога нѣтъ. А и есть,—нуженъ ты ему очень. Упадешь нечаянно въ воду,—Богъ и не подумаетъ спасти.

Коля, блѣдный, слушалъ его въ ужасѣ.

XVII.

Деревенскіе ребятишки вздумали подразнить Ваню. Они кричали другъ другу:

— Ребята, вонъ трехбровый идетъ,—его драли сегодня.

— Сняли штанцы, дали дранцы.

На Ваню посыпались грубыя и обидныя слова. Ваня остановился. Онъ смотрѣлъ молча на ребятишекъ ясными, словно змѣиными глазами, неподвижными, круглыми. Дѣти примолкли, и боязливо таращили на него глупые, непонимающіе глаза. Откуда-то изъ-за угла стремительно выбѣжала баба. Она схватила ребятъ, какъ-то

всѣхъ сразу, въ охапку, и, сердито бормоча что-то, потащила прочь.

— Еще сглазитъ, проклятый,—ворчала она.

— Что ты, тетка? — спросила сосѣдка.

— Глазъ у него не хорошій, — шопотомъ объяснила баба.

Ваня слышалъ. Онъ усмѣхнулся невесело, и пошелъ дальше.

Былъ уже вечеръ, и отецъ спалъ послѣ обѣда, когда Ваня вернулся домой. Онъ принесъ матери корзинку съ земляникою.

— Я тебѣ задамъ дерку,—свирѣпо говорила мать,— вѣрно, утренней мало.

— Ягодки не съѣлъ, все тебѣ сберегъ, — жалкимъ голосомъ тянулъ Ваня.

— Гдѣ корзину взялъ?—спросила мать сердито, но уже менѣе свирѣпо.

— Нешто бить будешь?—плаксиво спросилъ Ваня.— Я-то старался.

— А какъ смѣлъ уйти!—крикнула мать.

— А коли меня въ лѣсъ тянуло,—жалобно говорилъ Ваня.

— Ужо вотъ отцу скажу,—довольно уже спокойно сказала мать.—Садись, ѣшь, коли хочешь.

— А отецъ спитъ?—съ понимающею усмѣшкою спросилъ Ваня.

Онъ усѣлся за столъ и принялся ѣсть съ жадностью.

„Проголодался",—съ жалостью подумала мать.

— Пообѣдалъ! завалился до чаю, — сказала она.— Пьяненькій вернулся. Не плоше, какъ и ты вчера. Въ папеньку сыночекъ.

Она курила подбочась, и глядѣла на сына съ нѣжностью, смѣшною и какъ бы неумѣстною на ея грубомъ и красномъ лицѣ. Ей стало жалко, что его сегодня прибили изъ-та того „дохлаго".

„И такъ — зеленый,—думала она. – Да онъ у насъ—молодецъ,—утѣшила она себя,—на воздухѣ живо поправится".

— Подпоили?—спросилъ Ваня, и подмигнулъ матери на сосѣднюю комнату, откуда слышалось тяжелое дыханіе спящаго.

— Не иначе, какъ Стрекаловъ затянулъ, — отвѣчала мать.—Ужъ это такіе подлые людишки.

Она говорила съ сыномъ совсѣмъ запросто, на равныхъ правахъ, не стѣсняясь.

XVIII.

Теперь каждый разъ, какъ мальчики сходились, у нихъ начинался разговоръ о смерти. Ваня хвалилъ и смерть, и загробную жизнь. Коля слушалъ и вѣрилъ. И все забвеннѣе становилась для него природа, и все желаннѣе и милѣе смерть, утѣшительная, спокойная, смиряющая всякую земную печаль и тревогу. Она освобождаетъ, и обѣщанія ея навѣки неизмѣнны. Нѣтъ на землѣ подруги болѣе вѣрной и нѣжной, чѣмъ смерть. И если страшно людямъ имя смерти, то не знаютъ они, что она-то и есть истинная и вѣчная, навѣки неизмѣнная жизнь. Иной образъ бытія обѣщаетъ она,—и не обманетъ. Ужъ она-то не обманетъ.

И мечтать о ней сладостно. И кто сказалъ, что мечтанія о ней жестоки? Сладостно мечтать о ней, подругѣ вѣрной, далекой, но всегда близкой.

И обо всемъ началъ забывать Коля. Отъ всѣхъ привязанностей отрѣшалось его сердце. И мама, прежде милая мама,—что она? И есть-ли она? И не все-ли на этой землѣ равно невѣрно и призрачно? Ничего нѣтъ здѣсь истиннаго, только мгновенныя тѣни населяютъ этотъ измѣнчивый и быстро исчезающій въ безбрежномъ забвеніи міръ.

Очарованіе Ваниныхъ взоровъ, одно глубоко внѣдрившееся въ Колину душу, каждый день влекло его въ лѣсъ, въ оврагъ, гдѣ журчитъ ручей о томъ-же, о чемъ говорятъ ему Ванины прозрачно-свѣтлые глаза, наводящіе забвеніе.

И глубже, и глубже забвеніе, и сладостнѣе оно.

И когда Ваня долго смотрѣлъ на Колю глазами ясными и неподвижными,—подъ этимъ безпощаднымъ взглядомъ такъ обо всемъ забывалъ Коля, какъ забываютъ обо всемъ въ объятіяхъ самаго утѣшительнаго изъ ангеловъ,—въ объятіяхъ ангела смерти.

А Колинъ ангелъ смерти гримасничалъ и таилъ злыя мысли. Порочны и жестоки были его мечты и прежде,—но теперь онѣ пріобрѣли особую остроту. Онъ мечталъ о смерти,—о Колиной смерти, а потомъ и о своей. И въ безумныхъ мечтаніяхъ, воображая жесточайшія предсмертныя мученія, проводилъ онъ томительныя ночи.

Соблазняя, соблазнилъ онъ и себя самого смертнымъ соблазномъ, — своимъ ядомъ отравленный отравитель.

Вначалѣ онъ хотѣлъ отравить Колю, и уйти. Потомъ уже онъ не думалъ о томъ, что уйдетъ. Плѣнили его мечты о смерти.

И Колины мечты и сны стали столь-же безумны.

Какъ будто бы одни и тѣ-же, переходили они отъ одного къ другому.

XIX.

Однажды днемъ встрѣтились они у лѣсной опушки. Лицо у Вани было блѣдное, съ отеками.

— Что ты блѣдный?—спросилъ Коля.

— Я нынче много мечталъ,—разсказалъ Ваня.

Помолчали мальчики. Ваня оглядѣлся кругомъ,—не видать ли кого,—и сказалъ:

— Я знаю глубокое мѣсто. Какъ упадешь, такъ сразу и утонешь.

— А гдѣ оно?—спросилъ Коля.

Ваня засмѣялся, и показалъ Колѣ языкъ.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—я тебѣ не покажу раньше, а то ты одинъ уйдешь. А я хочу вмѣстѣ съ тобою.

Ваня обнялъ Колю, и сказалъ злымъ и тихимъ голосомъ:

— Вмѣстѣ съ тобою, миленькій.

Близко, близко отъ себя увидѣлъ Коля ясные, безмысленные глаза,—и какъ всегда отъ этихъ глазъ темное забвеніе окутало его. Все забылось, ни о чемъ не хотѣлось думать,—бездна въ глазахъ...

Мальчики условились,—уйти сегодня ночью, и умереть.

— Сегодня мама играетъ,—сказалъ Коля.

— Вотъ и хорошо,—отвѣтилъ Ваня.

И слова о мамѣ не пробудили въ Колѣ никакого чувства.

Ваня усмѣхнулся, и сказалъ Колѣ:

— Только ты, какъ пойдешь, такъ крестъ дома оставь,—не надо его.

Ваня ушелъ. Коля остался одинъ. Онъ не думалъ о Ваниныхъ словахъ. Не то, чтобы забылъ. Тоска отъ этихъ словъ осталась, и въ глубинѣ души затаились ядовитыя слова.

Они жили и возрастали сами, а Коля жилъ, какъ всегда, обычными впечатлѣніями: мама, поиграть, качели, къ рѣчкѣ сбѣгать, на улицѣ мальчики,—все прежнее.

Но только все прежнее было страхъ какъ незанимательно. Скучно. Только надо, чтобы мама не видѣла, что скучно.

И кисленькая улыбочка, прежняя, привычная, всегда были у Коли навстрѣчу мамѣ

XX.

Настала ночь. И она была печальная, тихая, темная, длинная, какъ послѣдняя ночь.

Мама сегодня играла въ театрѣ. Ея любимая роль досталась ей, и это было первое представленіе. Мама была такъ рада. Она ушла сразу послѣ обѣда, и не вернется: послѣ представленія—танцы до четырехъ часовъ. Коля будетъ уже спать, когда мама вернется.

Служанка напоила Колю чаемъ, уложила его, замкнула двери, и ушла гулять. Коля остался одинъ. Не въ первый разъ. Онъ не боялся.

Но когда звукъ замкнутой двери, легкій металлическій звукъ, достигъ его уха, чувство холоднаго отчужденія охватило его.

Онъ полежалъ въ постели, на спинѣ, глядя въ темный потолокъ темными глазами.

„А мама?“—отрывочно подумалъ онъ.

„А мамы нѣтъ“,—не то сказалъ кто-то, не то припомнились чьи-то слова.

Коля усмѣхнулся, тихо слѣзъ съ кровати, и началъ одѣваться. Онъ взялъ было башмаки, но припомнилъ, что земля теперь влажная, прохладная,—она обласкаетъ ноги мягкими прикосновеніями.

Мать сыра земля!

Коля бросилъ башмаки подъ кровать, и подошелъ къ окну. Полная луна, свѣтло-зеленая и некрасивая, стояла на небѣ. Казалось, что она прячется за вершинами деревьевъ и подсматриваетъ. Ея свѣтъ былъ тихій, неживой, и сквозь вѣтки проникалъ ворожащими и робкими лучами...

Ваня задворками прошелъ въ садъ Колиной дачи. Въ окнахъ вездѣ было темно. Ваня тихонько стукнулъ въ Колино окно. Оно открылось. Коля выглянулъ,—и онъ былъ блѣдный, и улыбался кислонькою улыбкою. Лунный свѣтъ падалъ прямо на Ванино лицо.

— Ты—зеленый,—сказалъ Коля.

— Ужъ какой есть,—отвѣчалъ Ваня.

Лицо его было спокойно и безвыразительно, словно неживое. Только жили глаза, и блестѣли жидкимъ, прозрачнымъ блескомъ.

— Пойдемъ, что-ли,—сказалъ онъ,—пора.

Коля, неловко цѣпляясь бѣлыми маленькими руками за подоконникъ, вылѣзъ изъ окна. Ваня помогъ ему,—поддержалъ.

— Обулся-бы, холодно,—сказалъ Ваня.

— А ты-то какъ-же?—возразилъ Коля.

— Я-то ничего. Я не боюсь,—сказалъ Ваня, и усмѣхнулся невесело.

— Ну и я тоже,—тихо сказалъ Коля.

Мальчики вышли изъ сада, и пошли полемъ, узкою межою, къ темнѣвшему невдали лѣсу. Ваня шепталъ:

— Видишь, луна какая ясная. Тамъ тоже люди были, да всѣ умерли. Еще когда земля солнцемъ была. На лунѣ тепло было, и воздухъ, и вода, дни и ночи смѣнялись, трава росла, а по травѣ-то, по росѣ, бѣгали веселые, босые мальчики. Ау, братъ, всѣ умерли, застыли,—кто ихъ пожалѣетъ!

Коля повернулъ къ Ванѣ лицо съ кисленькою,—грустною,—улыбкою, и шепнулъ:

— Вотъ и мы умремъ.

— Только ты не кисни,—хмуро сказалъ Ваня.—Еще заплачешь. Тебѣ холодно?

— Ничего,—тихо отвѣтилъ Коля.—Скоро придемъ?—спросилъ онъ.

— Сейчасъ.

Мальчики сошли къ рѣкѣ. Здѣсь она тѣснилась между берегами: тамъ—стѣна обрыва, этотъ берегъ опускался къ водѣ крутымъ склономъ. Нѣсколько большихъ камней лежали на берегу и въ водѣ у берега. Было тихо. Луна, ясная и холодная, висѣла надъ обрывомъ, смотрѣла пристально, и ждала. Вода казалась неподвижною и темною. Деревья и кусты застыли въ молчаніи. Въ травѣ виднѣлись мелкіе, некрасивые цвѣты, зловѣщіе и бѣлые.

Ваня пошарилъ около одного изъ береговыхъ камней, и досталъ два сачка съ обломанными ручками. Онъ привязалъ къ ихъ краямъ по бечевочкѣ,—вышло, какъ двѣ сумочки,—и положилъ въ нихъ по камню.

— Двѣ торбочки,—тихо сказалъ онъ.

На широкомъ и низкомъ прибрежномъ камнѣ, похожемъ на могильную плиту, стояли рядомъ два мальчика,

и оба съ равнымъ страхомъ глядѣли на темную воду. Завороженные, стояли они, и уже не было имъ дороги назадъ. И у каждаго на груди, надавливая бечевкою шею, висѣло по сумочкѣ съ камнемъ.

— Иди,—сказалъ Ваня,—сначала ты, потомъ я.

— Лучше вмѣстѣ,—робко-звенящимъ голосомъ отвѣтилъ Коля.

— Вмѣстѣ, такъ вмѣстѣ,—рѣшительно сказалъ Ваня, и усмѣхнулся.

Ванино лицо разомъ осунулось и потемнѣло. Холодное предсмертное безволіе отяготѣло надъ нимъ...

Коля хотѣлъ перекреститься. Ваня схватилъ его руку.

— Что ты, нельзя,—сердито сказалъ онъ.—Ты все еще вѣришь? Ну, вотъ, если Онъ тебя спасти хочетъ, пусть эти камни въ торбочкѣ сдѣлаются хлѣбомъ.

Коля поднялъ глаза къ небу. Мертвая луна тупо глядѣла на него. Въ безсильной душѣ не было молитвы. Камень остался камнемъ...

Коля замѣтилъ надъ собою тонкую вѣтку съ маленькими листочками. Она выдѣлялась на синемъ небѣ чернымъ, очень изящнымъ рисункомъ.

„Красиво",—подумалъ Коля.

Кто-то шопотомъ позвалъ сзади,—словно маминъ голосъ:

— Коля!

Но уже некогда было. Уже тѣло его наклонялось къ водѣ, все быстрѣе падало.

Коля упалъ. Раздался тяжелый плескъ. Брызги, холодные и тяжелые, осыпали Ванино лицо.

Коля утонулъ разомъ. Холодная тоска охватила Ваню. Неодолимо потянуло его впередъ, за Колею. Лицо его исказилось жалкими гримасами. Странныя судороги про-

ВЪ ПЛѢНУ.

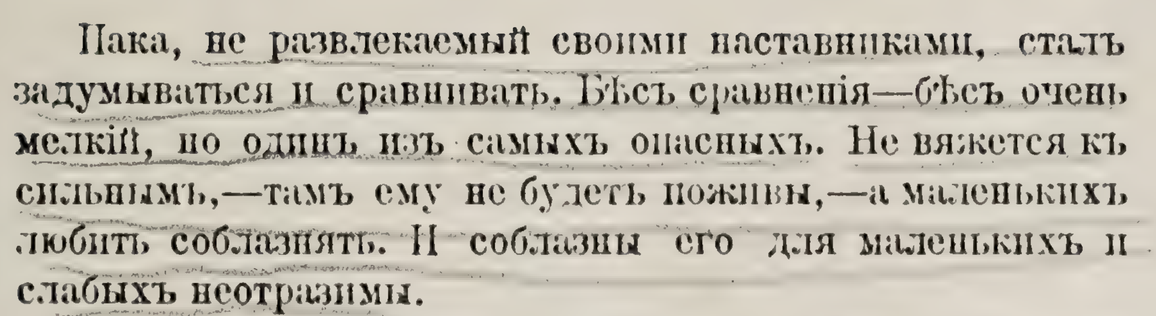
бѣжали вдругъ по его тѣлу. Онъ весь изогнулся, словно вырываясь отъ кого-то, кто держалъ его и толкалъ впередъ. И вдругъ онъ вытянулъ руки, жалобно крикнулъ и упалъ въ воду. Вода раздалась и плеснула, брызги взлетѣли, темные круги пробѣжали по водѣ, умирая. И стало снова тихо.

Мертвая луна, ясная и холодная, висѣла надъ темнымъ обрывомъ.

I.

Пака сидѣлъ въ высокой бесѣдкѣ у забора своей дачи, и смотрѣлъ въ поле. Случилось, что онъ остался одинъ. А случалось это не часто. У Паки была гувернантка, былъ студентъ, который училъ его кое-чему первоначальному, да и Пакина мама, хотя и не пребывала въ его дѣтской неотлучно,—у нея-же вѣдь было такъ много этихъ несносныхъ свѣтскихъ обязанностей, отношеній,—но все-же очень заботилась о Пакѣ,—былъ бы Пака веселъ, милъ, любезенъ, не подходилъ къ опасностямъ и къ чужимъ нехорошимъ мальчишкамъ, и знался только съ дѣтьми семей изъ ихъ круга. И потому Пака почти постоянно былъ подъ надзоромъ. Уже и привыкъ къ этому, и не дѣлалъ попытокъ освободиться. Да еще онъ былъ такъ малъ: ему шелъ только восьмой годъ.

Иногда утромъ или днемъ, когда еще мама спала, или уже не было ея дома, гувернантка и студентъ находили вдругъ какія-то неотложныя темы для разговора наединѣ. Вотъ въ такія-то минуты Пака и оставался одинъ. Былъ такой тихій и послушный, что совсѣмъ не опасались оставлять его одного: никуда-же не уйдетъ, и уже навѣрное ничего не должнаго не сдѣлаетъ. Сядетъ и займется чѣмъ-нибудь. Очень удобный мальчикъ.



Пака, не развлекаемый своими наставниками, сталъ задумываться и сравнивать. Бѣсъ сравненія—бѣсъ очень мелкій, но одинъ изъ самыхъ опасныхъ. Не вяжется къ сильнымъ,—тамъ ему не будетъ поживы,—а маленькихъ любитъ соблазнять. И соблазны его для маленькихъ и слабыхъ неотразимы.

Сегодня, въ знойный лѣтній день, Пака почувствовалъ новую для него досаду. Новыя желанія томили его. Зналъ, что эти желанія неисполнимы. Чувствовалъ себя несчастнымъ и обиженнымъ.

Хотѣлось уйти изъ этого чиннаго дома въ широкое вольное поле, и тамъ играть съ ребятишками. Быть на рѣкѣ, войти въ воду.

Вонъ тамъ, внизу, у рѣчки, какіе-то мальчики,—ловятъ рыбу, кричатъ что-то радостное. Право, лучше имъ живется, чѣмъ Пакѣ. И почему доля его столь отлична отъ доли этихъ вольныхъ и веселыхъ дѣтей? Неужели милая мама хочетъ, чтобы онъ здѣсь тосковалъ и печалился? Не можетъ этого быть.

Горячее солнце обдавало его зноемъ, и туманило мысли. Странныя мечты роились въ Пакиной головѣ...

Милая мама далеко, далеко, въ иной сторонѣ. Пака въ плѣну. Онъ принцъ, лишенный наслѣдства. Злой волшебникъ отнялъ его корону, воцарился въ его королевствѣ, а Паку заточилъ подъ надзоръ чародѣйки. И злая фея приняла образъ его милой мамочки.

Странно, какъ Пака раньше не догадался и не понялъ, что это не мама, а злая фея. Развѣ такая была его милая мама прежде, въ счастливые годы, когда жили они въ замкѣ гордыхъ предковъ?

Далеко, далеко!

Грустные Пакины глаза тоскливо смотрѣли на дорогу.

Мимо проходили мальчики. Ихъ было трое. Тѣ самые, что были сейчасъ на рѣчкѣ. Одинъ былъ въ бѣлой блузѣ, другіе два въ синихъ матроскахъ и въ короткихъ панталонахъ. За плечьми у нихъ виднѣлись теперь луки и колчаны съ стрѣлами.

Счастливые мальчики!—подумалъ Пака. — Сильные, смѣлые. Ноги у нихъ босыя, загорѣлыя. Должно быть, они простые мальчики. Но, все-таки, счастливые. Ужъ лучше быть простымъ мальчикомъ на волѣ, чѣмъ принцемъ въ плѣну.

Но вотъ Пака увидѣлъ у старшаго на фуражкѣ гимназическій значекъ, и удивился.

Мальчики подходили близко. Пака робко сказалъ имъ:

— Здравствуйте.

Мальчики подняли на него глаза, и разсмѣялись чему-то. Старшій изъ нихъ, который былъ со значкомъ и въ бѣлой блузѣ, сказалъ:

— Здравствуй, комаръ, какъ поживаешь?

Пака улыбнулся легонечко, и сказалъ:

— Я не комаръ.

— А кто же ты?—спросилъ гимназистъ.

— Я — плѣнный принцъ, — довѣрчиво признался Пака.

Мальчуганы съ удивленіемъ уставились на Паку.

— Зачѣмъ вы такъ вооружены? — спросилъ Пака.

— Мы — вольные охотники, — съ гордостью сказалъ второй изъ мальчиковъ.

— Краснокожіе? – спросилъ Пака.

— А ты откуда это узналъ?—съ удивленіемъ спросилъ самый маленькій изъ босыхъ мальчугановъ.

Пака улыбнулся.

— Да ужъ такъ,—сказалъ онъ.—У васъ и отецъ—краснокожій?

— Нѣтъ, у насъ отецъ—капитанъ,—отвѣтилъ старшій.

— Плохіе же вы краснокожіе. А какъ васъ зовутъ?—продолжалъ спрашивать Пака съ любезностью благовоспитаннаго мальчика, привыкшаго поддерживать разговоръ.

— Я—Левка,—сказалъ гимназистъ,—а это—мои братья Антошка и Лешка.

— А я—Пака,—сказалъ плѣнникъ, и протянулъ братьямъ внизъ руку, маленькую и бѣленькую.

Они пожали его руку, и опять засмѣялись.

— Вы что-же все смѣетесь?—спросилъ Пака.

— А то развѣ плакать? — отвѣтилъ вопросомъ Антошка.

— А что это значитъ—Пака? что за имя?—спросилъ маленькій Лешка.

— Я—принцъ, — повторилъ Пака,—если бы я былъ простой мальчикъ, то меня звали бы Павломъ.

— Вотъ оно что!—протянулъ Лешка.

Мальчики замолчали и глядѣли другъ на друга. Пака разсматривалъ ихъ съ любопытствомъ и завистью.

Левка—мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, рыжеватый, коротко остриженный, съ веселыми и добрыми глазами и мягкими губами. Лицо кое-гдѣ въ веснушкахъ. Носъ широковатый и слегка вздернутый. Милый малый. Антошка лѣтъ десяти и Лешка лѣтъ девяти повторяли старшаго брата довольно близко, только были еще понѣжнѣе и подобрѣе на видъ. Антошка, улыбаясь, легонечко щурился и смотрѣлъ очень внимательно на собесѣдника. У Лешки глаза были широко открытые,

съ привычнымъ выраженіемъ удивленія и любопытства. Всѣ они старались казаться молодцами, и для того лѣтомъ постоянно ходили босые, устроили въ лѣсу нору, и тамъ варили и пекли себѣ пищу.

Пака вздохнулъ легонечко, и тихонько сказалъ:

— Счастливые вы. Ходите на свободѣ. А я-то сижу въ плѣну.

— Какъ-же ты въ плѣнъ попалъ?—спросилъ Лешка, любопытными и широкими глазами глядя на Паку.

— Да ужъ и самъ не знаю,—отвѣчалъ Пака. Мы раньше съ мамочкой жили въ замкѣ. Было очень весело. Но злая фея, наша дальняя родственница, разсердилась на мамочку за то, что мамочка не пригласила ея на мои крестины,—и вотъ однажды ночью унесла меня на коврѣ-самолетѣ, когда я спалъ, и потомъ сама обернулась мамочкой. Но она не мамочка. А я въ плѣну.

— Ишь ты, какая злая вѣдьма,—сказалъ Антошка.— Она тебя бьетъ?

Пака покраснѣлъ.

— О, нѣтъ,— сказалъ онъ,— какъ можно! И она не вѣдьма, а злая фея. Но только она очень воспитанная фея, и никогда не забывается. Нѣтъ, меня не бьютъ,— какъ можно!—повторилъ Пака, вздрагивая худенькими плечиками при мысли о томъ, что его могли бы побить.— Но только меня стерегутъ, mademoiselle и студентъ.

— Аргусы?—спросилъ Левка.

— Да, аргусы,—повторилъ Пака.—Два аргуса,—повторилъ онъ еще разъ, улыбаясь, потому что ему понравилось это слово, и онъ могъ теперь объединить имъ и mademoiselle и студента.

— И не пускаютъ никогда въ поле? — спросилъ

Лешка, и съ горестнымъ сочувствіемъ смотрѣлъ на Паку.

— Нѣтъ, одного не пускаютъ,—сказалъ Пака.

— А ты бы самъ вырвался, да и махни-драла,—посовѣтовалъ Антошка.

— Нѣтъ,—сказалъ Пака,—нельзя мнѣ махни-драла,—аргусы сейчасъ увидятъ и воротятъ.

— Плохо твое дѣло,—молвилъ Левка.—Да мы тебя освободимъ.

— О!—съ недовѣріемъ и восторгомъ воскликнулъ Пака, складывая молитвенно руки.

— Ей Богу, освободимъ,—повторилъ Антошка.

— А пока прощай, намъ некогда,—сказалъ Левка.

И мальчики простились съ Пакою, и ушли,—побѣжали, быстро-быстро, по узкой дорожкѣ,—скрылись за кустами. Пака смотрѣлъ за ними, и неясныя надежды волновали его, и мечты о далекой мамочкѣ, которая ищетъ Паку и не можетъ найти, и плачетъ неутѣшно, потому что нѣтъ съ нею милаго Пакочки.

II.

Братья, уходя, говорили о Пакѣ.

— Посмотрѣть бы на эту злую фею,—сказалъ Лешка,—какая она такая.

— Фея! Просто вѣдьма,—поправилъ Антошка.

— Конечно, вѣдьма,—подтвердилъ и Левка.

— Какъ же его освободить?—спросилъ Лешка.

Маленькому любопытному Лешкѣ весь міръ представлялся съ вопросительной стороны. Лешка обо всемъ любопытствовалъ, ко всѣмъ приставалъ съ вопросами, и всякому отвѣту простодушно вѣрилъ. Антошка любилъ фантазировать и сочинять болѣе или менѣе смѣлые

проекты. А Левка, какъ старшій, одобрялъ или отвергалъ эти предположенія, и братья безпрекословно подчинялись его рѣшеніямъ.

Антошка сказалъ:

— Противъ вѣдьмы слово надо знать.

— А какое слово?—быстро спросилъ Лешка.

Мальчики призадумались, и нѣсколько минутъ шагали молча. Вдругъ Антошка крикнулъ:

— А я знаю.

— Ну?—спросилъ Левка, и недовѣрчиво глянулъ на Антошку.

Антошка, слегка смущаясь подъ уставленными на него взорами обоихъ братьевъ, сказалъ:

— Я думаю, мужики это слово знаютъ. У нихъ въ деревняхъ много колдуновъ. И они всѣ, деревенскіе мужики и бабы, другъ на друга часто сердятся, портятъ одинъ другого, а чтобы ихъ самихъ порча не брала, такъ они очень часто такія слова непонятныя говорятъ,— про мать вспомнитъ, и такое слово произнесетъ.

Левка подумалъ немного, и сказалъ:

— Пожалуй, что и такъ. Это у нихъ крылатыя слова.

III.

На другое утро три мальчика, возясь у рѣчки, все посматривали на заборъ Пакиной дачи. Когда бѣлокурая Пакина голова показалась надъ заборомъ,—и видно было, что мальчикъ опять одинъ на своей вышкѣ,—мальчуганы забрали удочки, и побѣжали вверхъ по дорожкѣ.

— Здравствуй, плѣнникъ,—сказалъ Лешка.

— Плѣнный принцъ,—поправилъ Антошка.

— Принцъ Пака, маленькій зѣвака,—сказалъ Левка.

Пака, сдержанно улыбаясь, пожималъ ихъ руки.

— Отчего-же вы, краснокожіе охотники, не надѣнете мокасины?—спросилъ онъ.

Мальчики засмѣялись. Антошка сказалъ:

— А эти скороходы чѣмъ не хороши? Изъ собственной кожи. У насъ на дачѣ такое правило есть, чтобы диваны сапогами не пачкать,—такъ вотъ мы сапогъ и не надѣваемъ.

— А мнѣ бы не пройти босикомъ по песку,—сказалъ Пака.

— Гдѣ тебѣ!—молвилъ Левка.—У тебя скорлупа тоньше папиросной бумаги. Да мы къ тебѣ по дѣлу зашли. Мы хотимъ тебя освободить отъ злой феи. Понимаешь, разворожить. Ты скажи, когда это удобнѣе сдѣлать.

Пака недовѣрчиво улыбнулся. Вчера, послѣ первой радости надеждъ, когда вернулись къ нему mademoiselle и студентъ, и потомъ мама—злая фея, и весь домашній обиходъ надвинулся съ его несокрушимымъ порядкомъ, замокъ злой феи показался плѣненному Пакѣ такимъ прочнымъ, такимъ незыблемымъ, что сердце его тоскливо сжалось, и милая радостная надежда поблѣднѣла и тихо растаяла, какъ туманъ надъ ободнявшею долиною. И онъ сказалъ братьямъ:

— Да вы не сумѣете.

— Нѣтъ, сумѣемъ,—горячо отвѣтилъ Лешка.

И Левка разсказалъ:

— Мы такія слова выучили. Нарочно въ деревню сходили, самаго стараго колдуна отыскали, заплатили ему за науку, и твердо выучили всѣ слова, какія надо говорить.

— А какія это слова?—спросилъ Пака.

Левка свистнулъ. Антошка сказалъ:

— Тебѣ еще нельзя такія слова знать.

— Ты еще малъ для этого,—сказалъ Лешка.

Левка сказалъ Пакѣ:

— Ты намъ разскажи, когда твоя вѣдьма будетъ дома,—ну, понимаешь, эта фея, у которой ты въ плѣну,—поправился онъ, замѣтивъ недовольную при словахъ вѣдьма гримасу на Пакиномъ лицѣ.—Мы подойдемъ подъ окно,—продолжалъ Левка,—и скажемъ крылатыя слова,—и сейчасъ все колдовство пропадетъ, и ты освободишься.

— И мама вернется?—спросилъ Пака.

— Ну, ужъ тамъ видно будетъ,—отвѣтилъ Левка.—Конечно, если все ея колдовство пропадетъ, то, значитъ, ты опять будешь тамъ, гдѣ она тебя взяла.

Пака помолчалъ, и сказалъ:

— Мы обѣдаемъ въ семь часовъ.

И ему стало вдругъ жутко,—и страшно, и радостно.

— Такъ въ семь часовъ приходить? — спросилъ Лешка.

— Нѣтъ,—сказалъ Пака, лукаво и застѣнчиво улыбаясь,—лучше попозже, часовъ въ восемь, вообще послѣ сладкаго, а то у мамы, можетъ быть, обѣдъ уже съѣденъ будетъ, такъ я безъ сладкаго останусь.

Босые мальчуганы засмѣялись.

— Эхъ ты, принцъ Пашка-лизашка,—сказалъ Антошка,—сладенькое любишь.

— Люблю,—признался Пака.

Мальчики распрощались и ушли.

IV.

У себя дома,—не на дачѣ дома, а въ ихъ собственномъ помѣщеніи въ лѣсу, въ оврагѣ, въ норѣ подъ корнями сваленнаго бурею дерева,—дома они совѣщались, какъ исполнить замышленное предпріятіе. Откладывать не было никакого смысла,—рѣшили сдѣлать это сегодня-же.

Антошка придумалъ, что для большей крѣпости надо слова не только сказать, но и написать на стрѣлахъ и пустить эти стрѣлы въ окна вѣдьминой дачи.

Левка распредѣлилъ роли:

— Мы подкрадемся подъ окна и будемъ ждать. Когда будетъ видно, что Пака съѣлъ свое сладкое, мы и закричимъ.

— Всѣ сразу?—спросилъ Лешка.

— Нѣтъ, зачѣмъ,—надо, чтобы они всѣ хорошенько ихъ разобрали. Сначала я скажу въ прошедшемъ времени, потому что я уже былъ такимъ малышемъ, какъ вы. Потомъ ты, Антошка, крикнешь настоящее время,—ты теперь малышъ, а потомъ и ты, Лешка, кричи будущее время,—ты еще будешь такимъ большимъ, какъ я. И эти же слова каждый изъ насъ на своей стрѣлѣ напишетъ.

— Стрѣлы надо черныя сдѣлать, — сказалъ Антошка.

— Само собою,—согласился Левка.

— Писать своею кровью,—продолжалъ Антошка.

Левка и это одобрилъ.

— Ну, понятно,—сказалъ онъ.—Не чернилами же такія слова писать.

V.

Пака очень волновался. Вся его судьба перемѣнится въ этотъ день. Онъ вернется къ мамочкѣ. Какая мамочка? Злая фея приняла видъ мамочки. Значитъ, мамочка такая-же. Только добрая, добрая, все будетъ играть со своимъ мальчикомъ, а когда мальчикъ захочетъ къ рѣчкѣ, то будетъ пускать его къ другимъ веселымъ, загорѣлымъ мальчуганамъ.

Но только Пака долженъ былъ сознаться, что злая фея, хотя и злая, все-же была съ нимъ всегда любезна. Держала въ плѣну, но, видно, помнила, что онъ принцъ. Даже иногда цѣловала и ласкала его. Должно быть, привыкла къ нему. Когда Пака освободится отъ нея, злая фея очень разсердится. Или опечалится? Можетъ быть, будетъ скучать о Пакѣ? Плакать?

Пакѣ стало тоскливо. Нельзя-ли устроить дѣло миромъ?—чтобы злая фея помирилась съ мамочкою, отказалась бы отъ своего колдовства,—и тогда она могла бы даже вмѣстѣ съ ними жить. Надо поговорить со злою феею, предупредить ее,—можетъ быть, она и сама раскается.

И когда студентъ, кончивъ съ нимъ задачу, позвалъ его въ садъ, Пака заявилъ, что ему надо итти къ мамѣ. И отправился,—къ злой феѣ.

Злая фея была одна. Она ждала гостей къ обѣду, лежала на очень красивомъ и очень мягкомъ ложѣ, и читала книжку въ желтой обложкѣ. Она была молодая, красивая. Темные волосы, томныя движенія. Жгучій взоръ черныхъ глазъ. Полныя, полуоткрытыя, очень красивыя руки. Одѣта всегда къ лицу.

— А, маленькій,—сказала она, неохотно отрываясь отъ книжки.—Что тебѣ?

Пака поцѣловалъ ея руку, посмотрѣлъ на нее нерѣшительно, и молвилъ:

— Мнѣ надо съ вами поговорить.

Злая фея засмѣялась.

— Поговорить съ нами? — переспросила она. — Съ кѣмъ это съ нами?

Пака покраснѣлъ.

— Ну, съ тобою. Мнѣ очень надо.

Смѣясь, щуря блестящіе глаза и закрывая смѣющійся ротъ книжкою, злая фея сказала:

— Садись и поговори, маленькій. А что ты сейчасъ дѣлалъ?

— Мы съ нимъ рѣшали задачу,—отвѣтилъ Пака.

— А, съ нимъ!

Злая фея хотѣла сказать, что такъ невѣжливо, что надо назвать студента по имени,—но уже ей стало скучно, и она сказала:

— Ну, Пака, говори, что тебѣ надо.

Пака сильно покраснѣлъ и, нервно поламывая пальцы, сказалъ:

— Я все знаю.

Злая фея весело и неудержимо-звонко засмѣялась.

— О, неужели!—воскликнула она.—Уже такъ рано, и все знаешь. Ты, Пака, феноменъ, если это правда.

— Нѣтъ, мама,—кротко возразилъ Пака,—я не феноменъ, я только принцъ, взятый вами въ плѣнъ.

— О!—воскликнула злая фея, перестала смѣяться, и съ удивленіемъ смотрѣла на Паку.—У насъ фантазіи!—съ удивленіемъ сказала она.

Пака такъ-же кротко продолжалъ:

— Я еще знаю, милая фея, что вы не мама, а злая

фея. Вы очень любезная особа, но, пожалуйста, не сердитесь, я все таки знаю, что вы злая фея.

— Боже мой!—воскликнула злая фея,—отъ кого ты наслушался такихъ чудесныхъ сказокъ. Поди сюда поближе, маленькій.

Пака опасливо приблизился, и злая фея пощупала его голову, руки.

— Ты не боленъ?—спросила она.

— Нѣтъ, милая фея,—ласково сказалъ Пака, цѣлуя маленькія, бѣлыя и нѣжныя руки злой феи,—но, пожалуйста, отпустите меня на волю.

— На волю?—переспросила фея.

— Да,—продолжалъ Пака,—я хочу махни-драла къ рѣчкѣ

— О! махни-драла!—въ ужасѣ повторила фея.—Ради Бога, Пака, развѣ можно такія слова говорить!

Но Пака, не слушая, продолжалъ:

— Съ мальчиками поиграть. Тамъ есть славные мальчуганы. Но только, пожалуйста, безъ аргусовъ.

— Безъ аргусовъ?—переспросила злая фея, и опять засмѣялась.—О, маленькій фантазеръ! Намъ дали слишкомъ много волшебныхъ сказокъ, маленькій Пака, и у насъ въ головѣ все перемѣшалось. Но аргусы,—это, правда, мнѣ нравится. Позови ко мнѣ своихъ аргусовъ,—это надо какъ-нибудь успокоить.

Пака вышелъ.

Хитрая!—думалъ онъ,—не сердится, но видно, что не отпуститъ на волю. Много сказокъ дали читать! А сама зачѣмъ постоянно читаетъ такія длинныя сказки на французскомъ языкѣ въ этихъ желтыхъ книжкахъ! Видно, и въ сказкахъ не все сказка, а есть и правда, если и взрослые любятъ читать сказки.

VI.

И вотъ уже былъ вечеръ, и начинало темнѣть. Были зажжены веселыя лампы, обѣдъ приближался къ концу, къ самому интересному мѣсту,—подавали сладкое,—воздушный пирогъ съ земляникою и сливками. Были гости, мужчины и дамы, человѣкъ десять, но такъ какъ все это были или родственники,—Пакинъ дядя съ дочерьми; еще другія кузины,—или собирающіеся породниться, близкіе и хорошіе знакомые, то столъ былъ накрытъ по-семейному, и Пака сидѣлъ тутъ-же, на концѣ стола противъ злой феи, между своими аргусами.

Злая фея разсказала гостямъ про Пакочкины фантазіи, и надъ Пакою и его аргусами подшучивали. Пака улыбался: онъ зналъ, что онъ правъ, и онъ любилъ этотъ воздушный пирогъ. А вотъ аргусамъ было очень неловко, и хотя они улыбались и даже иногда отшучивались, но у mademoiselle уши горѣли, а въ голосѣ студента иногда звучали досадливыя нотки. Передъ обѣдомъ злая фея поговорила съ ними очень мило и весело о ихъ недосмотрѣ: Пакины фантазіи, ужасное выраженіе махни-драла.—откуда это? удивлялась злая фея. Она была очень любезна, но какъ-то такъ вышло, что аргусы вышли отъ нея съ ощущеніемъ жестокаго нагоняя.

И вотъ, едва Пака успѣлъ кончить свое сладкое, въ открытое окно столовой съ легкимъ шелестомъ и свистомъ влетѣла и упала на бѣлую скатерть черная деревянная стрѣла, со слабо краснѣющею на ней надписью. И въ то-же время за окномъ дѣтскій голосъ выкрикнулъ площадную брань.

„Началось!“ подумалъ Пака.

Онъ вскочилъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, и съ боязливымъ нетерпѣніемъ смотрѣлъ на злую фею. А злая фея, какъ

и другія дамы и дѣвицы, была испугана неожиданностью. Раздались восклицанія обѣдающихъ, но прежде, чѣмъ кто-нибудь догадался подойти къ окну, влетѣла вторая стрѣла, вонзилась въ букетъ цвѣтовъ на столѣ, и послышался другой дѣтскій голосъ, выкрикнувшій гадость. Третья стрѣла попала въ мундиръ студента, третій голосъ звонко выкрикнулъ безобразныя слова, и потомъ въ саду послышался смѣхъ, шелестъ удаляющихся шаговъ, крики прислуги,—кто-то убѣгалъ, кого-то догоняли.

И все это взяло времени меньше минуты. Когда мужчины наконецъ бросились къ окнамъ, то въ легкомъ полусвѣтѣ вечерней зари уже за оградою сада увидѣли они проворно убѣгающихъ трехъ мальчишекъ.

— Не догнать, — сказалъ Пакинъ дядя.—Вотъ вамъ наглядное объясненіе выраженія махни-драла.

И всѣ смотрѣли на Паку. А онъ стоялъ, смотрѣлъ вокругъ, и дивился. Все осталось на мѣстѣ, обманули его глупые мальчишки, не сумѣли освободить его изъ плѣна.

— Говорилъ я имъ, что не сумѣютъ!—горестно воскликнулъ Пака, и залился горькими слезами.

Разспрашивали. Волновались. Смѣялись. Было шумно, не то весело, не то досадно. Злая фея восклицала:

— Какъ это кстати, что мы на дняхъ уѣдемъ! Какіе невозможные мальчишки!

— Но ихъ накажутъ!—успокаивалъ ее Пакинъ дядя.

— О, какое мнѣ дѣло! — говорила злая фея, и притворялась, что плачетъ,—Пака такой впечатлительный. Боже мой, два аргуса не досмотрѣли.

Плакала и смѣялась. Смѣялись и утѣшали. Паку увели. Пака плакалъ. Аргусы ворчали.

Да, въ Пакиной жизни бывали тяжелыя минуты. Это

былъ скучный, противный вечеръ. Хорошо, что была потомъ ночь, и можно было заснуть.

VII.

На утро босымъ мальчикамъ пришлось объясняться съ отцомъ. Капитанъ хмуро смотрѣлъ на своихъ сыновей. Они стояли рядышкомъ, плакали и каялись. Левка разсказывалъ:

— Мы ему повѣрили, что онъ плѣнный принцъ, и захотѣли его освободить отъ злой феи. Мы думали, что для этого надо сказать волшебныя слова.

— Какія слова?—хмуро спросилъ капитанъ.

Онъ хмурился усиленно, чтобы не засмѣяться.

— Крылатыя слова,—сказалъ Левка, плаксиво растягивая окончанія словъ.

— Какія крылатыя? — опять спросилъ капитанъ. — Вѣдь вы ихъ знаете?

Левка молча кивнулъ головой.

— Ну, скажите, какія же это слова,—приказалъ капитанъ.

Мальчишки повторили. Капитанъ гнѣвно покраснѣлъ.

— Вырастилъ дураковъ,—сердито проворчалъ онъ.— Не смѣть впередъ говорить этого! Это гадость,—крикнулъ онъ на сыновей.—Откуда вы научились?

Левка разсказывалъ, рыдая:

— Мы думали, что мужики знаютъ всякія крылатыя слова, какія нужно. Мы и пошли въ деревню. Къ самому старому пришли. Онъ пилъ водку, и произносилъ слова. Мы дали ему сорокъ копѣекъ, больше не было. Онъ насъ и научилъ этимъ словамъ. Мы просили еще. А онъ сказалъ:—за сорокъ копѣекъ многому не научишься. И то,

говоритъ, противъ такихъ словъ ни одна вѣдьма не устоитъ.

— Молодцы ребята,—сказалъ капитанъ.—И съ таки-ми-то словами вы подъ чужія окна пошли. Ахъ вы, негодяи! Что мнѣ теперь съ вами дѣлать?

VIII.

Мальчуганы знали, что Паку сегодня утромъ увезутъ. Злая фея ѣдетъ за границу, и везетъ за собою Паку съ его аргусами. Мальчики вышли на полотно желѣзной дороги, тамъ, гдѣ она подходитъ къ ихъ оврагу, и ждали. И вотъ отъ станціи показался быстро приближающійся поѣздъ.

Пака смотрѣлъ въ окно затуманенными глазами. Везутъ,—и аргусы опять съ нимъ, и злая фея,— любезная, ласковая, но все не мама, а злая фея,— и тотъ же все плѣнъ!

И вдругъ Пака увидѣлъ трехъ босыхъ мальчиковъ. Безумная, отчаянная надежда мелькнула въ его душѣ. Можетъ быть, они узнали новыя слова? Настоящія? И вдругъ совершится радостное чудо?

И Пака въ восторгѣ высунулся изъ окна, и замахалъ платкомъ.

И мальчуганы радостно побѣжали по откосу пути, ближе къ поѣзду. Пакинъ вагонъ подходилъ быстро. Лицо злой феи показалось надъ Пакинымъ лицомъ, равнодушно-любезное лицо красивой дамы,— и вдругъ исказилось выраженіемъ жестокой тревоги.

И въ радостномъ ожиданіи мальчуганы, одинъ за другимъ, прокричали еще новыя, только-что разученныя ими крылатыя слова, и замахали шапками.

— Опять эти ужасные мальчики!—воскликнула злая фея.—Пака, не смотри пока, маленькій, въ окно.

Но уже все равно, поѣздъ промчался мимо мальчугановъ,—и они опять остались безсильные, разочарованные въ ихъ страстномъ ожиданіи радостнаго событія.

— Увезла! проклятая вѣдьма! — горестно крикнулъ Антошка.

Мальчуганы повалились въ траву, и горько плакали.

И въ быстро улетающемъ вагонѣ Пака плакалъ, злая фея смѣялась, аргусы старались развлечь Паку чѣмъ-нибудь.

Безсильныя, бѣдныя слова! Нерасторжимый плѣнъ! Горькія дѣтскія слезы!

Глупыя, бѣдныя,— о, если-бы знали! Фея, похищающая на коврѣ-самолетѣ спящихъ дѣтей, какъ прочно, нерушимо ея владычество! и никому не дано сорвать съ нея личины. И аргусы ничего не видятъ, но не выпустятъ изъ ограды. И не уйти изъ плѣна. И вольные охотники напрасно ищутъ мудрыхъ и знающихъ.

Все на мѣстѣ, все сковано, звено къ звену, навѣкъ зачаровано, въ плѣну, въ плѣну...

МАЛЕНЬКІЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

I.

Якову Алексѣевичу Саранину немного недоставало до средняго роста; жена его, Аглая Никифоровна, изъ купчихъ, была высока и объемиста. Уже и теперь, на первомъ году послѣ свадьбы, двадцатилѣтняя женщина была дородна такъ, что рядомъ съ маленькимъ и тощимъ мужемъ казалась исполиншею.

„А если еще раздобрѣетъ?"—думалъ Яковъ Алексѣевичъ.

Думалъ, хотя женился по любви,—къ ней и къ приданому.

Разница въ ростѣ супруговъ нерѣдко вызывала насмѣшливыя замѣчанія знакомыхъ. Эти легкомысленныя шутки отравляли спокойствіе Саранина, и смѣшили Аглаю Никифоровну.

Однажды, послѣ вечера у сослуживцевъ, гдѣ пришлось выслушать не мало колкостей, Саранинъ вернулся домой совсѣмъ разстроенный.

Лежа въ постели рядомъ съ Аглаею, ворчалъ и придирался къ женѣ. Аглая лѣниво и нехотя возражала соннымъ голосомъ:

— Что же мнѣ дѣлать? Я не виновата.

Она была очень покойнаго и мирнаго нрава.

Саранинъ ворчалъ:

— Не обжирайся мясомъ, не трескай такъ много мучного; цѣлый день конфеты лопаешь.

— Не могу же я ничего не кушать, коли у меня хорошій аппетитъ,—сказала Аглая.—Когда я была въ барышняхъ, у меня еще лучше былъ аппетитъ.

— Воображаю! Что жъ ты, по быку сразу съѣдала?

— Быка сразу съѣсть невозможно,—спокойно возразила Аглая.

Скоро заснула, а Саранинъ заснуть не могъ въ эту странную осеннюю ночь.

Долго ворочался съ боку на бокъ.

Когда русскому человѣку не спится, онъ раздумываетъ. И Саранинъ предался этому занятію, столь мало ему свойственному въ другое время. Онъ же былъ чиновникъ,—много думать было не о чемъ и не къ чему.

„Должны же быть какія-нибудь средства,—размышлялъ Саранинъ.—Наука съ каждымъ днемъ совершаетъ удивительныя открытія; въ Америкѣ дѣлаютъ людямъ носы какой угодно формы, наращиваютъ на лицо новую кожу. Операціи какія дѣлаютъ,—черепъ продырявливаютъ, кишки, сердце рѣжутъ и зашиваютъ. Неужели же нѣтъ средства или мнѣ вырасти, или Аглаѣ тѣлесъ посбавить? Какое-нибудь секретное бы средство? Да какъ его найти? Какъ? Да, вотъ если лежать, то не найдешь. Подъ лежачій камень и вода не бѣжитъ. А поискать... Секретное средство! Можетъ быть, онъ, изобрѣтатель, просто ходитъ по улицамъ да ищетъ покупателя. Вѣдь какъ же иначе? Не можетъ же онъ публиковать въ газетахъ... А по улицамъ — въ разносъ, изъ-подъ полы продать что угодно,—это очень возможно. Ходитъ, предлагаетъ по секрету. Кому нужно секретное средство, тотъ не станетъ валяться въ постели“.

Такъ поразмысливъ, Саранинъ сталъ проворно одѣваться, мурлыча себѣ подъ носъ:

— Въ двѣнадцать часовъ по ночамъ...

Не боялся разбудить жену. Зналъ, что Аглая спитъ крѣпко.

— По-купечески,—говорилъ вслухъ; „по-мужицки"— думалъ про себя.

Одѣлся и вышелъ на улицу. Спать совсѣмъ не хотѣлось. На душѣ было легко, и настроеніе было такое, какъ у привычнаго искателя приключеній передъ новымъ интереснымъ событіемъ.

Мирный чиновникъ, прожившій тихо и безцвѣтно треть вѣка, ощутилъ вдругъ въ себѣ душу предпріимчиваго и свободнаго охотника дикихъ пустынь, — героя Купера или Майнъ-Рида.

Но, пройдя нѣсколько шаговъ привычною дорогою,— къ департаменту,—остановился, призадумался. Куда же, однако, итти? Все было тихо и спокойно, такъ спокойно, что улица казалась корридоромъ громаднаго зданія, обычнымъ, безопаснымъ, замкнутымъ отъ всего внѣшняго и внезапнаго. У воротъ дремали дворники. На перекресткѣ виднѣлся городовой. Фонари горѣли. Плиты тротуара и камни мостовой слабо мерцали сыростью недавно прошедшаго дождя.

Саранинъ подумалъ, и въ тихомъ недоумѣніи пошелъ прямо впередъ, повернулъ направо.

II.

На перекресткѣ двухъ улицъ при свѣтѣ фонарей онъ увидѣлъ идущаго къ нему человѣка, и сердце его сжалось радостнымъ предчувствіемъ.

То была странная фигура.

Халатъ яркихъ цвѣтовъ, съ широкимъ поясомъ. Высокая шапка, остроконечная, съ черными узорами. Шафраномъ окрашенная бородка, длинная и узкая. Бѣлые, блестящіе зубы. Черные, жгучіе глаза. Ноги въ туфляхъ.

„Армянинъ!"—подумалъ почему-то Саранинъ.

Армянинъ подошелъ къ нему, сказалъ:

— Душа моя, чего ты ищешь по ночамъ? Шелъ бы спать, или къ красавицамъ. Хочешь провожу?

— Нѣтъ, мнѣ и моей красавицы слишкомъ довольно,—сказалъ Саранинъ.

И довѣрчиво повѣдалъ армянину свое горе.

Армянинъ оскалилъ зубы, заржалъ.

— Жена большая, мужъ маленькій,—цѣловать, лѣстницу ставь. Вай, нехорошо!

— Что ужъ тутъ хорошаго!

— Иди за мной, помогу хорошему человѣку.

Долго шли они по тихимъ корридорообразнымъ улицамъ, армянинъ впереди, Саранинъ сзади.

Отъ фонаря до фонаря странное превращеніе совершалось съ армяниномъ. Въ темнотѣ онъ выросталъ, и, чѣмъ дальше отходилъ отъ фонаря, тѣмъ громаднѣе становился. Иногда казалось, что острый верхъ его шапки поднимался выше домовъ, въ облачное небо. Потомъ, подходя къ свѣту, онъ становился меньше, и у фонаря принималъ прежніе размѣры, и казался простымъ и обыкновеннымъ халатникомъ-торгашомъ. И, странное дѣло, Саранина не удивляло это явленіе. Онъ былъ настроенъ такъ довѣрчиво, что и самыя яркія чудеса арабскихъ сказокъ показались бы ему привычными, какъ и скучныя переживанія сѣренькой обычности.

У воротъ одного дома, самой обычной постройки, пятиэтажнаго и желтаго, они остановились. Фонарь у воротъ ясно вырисовывалъ свои тихіе знаки. Саранинъ замѣтилъ:

— № 41.

Вошли во дворъ. На лѣстницу задняго флигеля. Лѣстница полутемная. Но на дверь, передъ которою остановился армянинъ, падалъ свѣтъ тусклой лампочки,—и Саранинъ различилъ цифры:

— № 43.

Армянинъ сунулъ руку въ карманъ, вытащилъ оттуда маленькій колокольчикъ, такой, какимъ звонятъ, призывая прислугу, на дачахъ, — и позвонилъ. Чисто, серебристо звякнулъ колокольчикъ.

Дверь тотчасъ же открылась. За дверью стоялъ босой мальчишка, красивый, смуглый, съ очень яркими губами. Бѣлые зубы блестѣли, потому что онъ улыбался, не то радостно, не то насмѣшливо. И казалось, что всегда улыбался. Зеленоватымъ блескомъ горѣли глаза смазливаго мальчишки. Весь былъ гибкій, какъ кошка, и зыбкій, какъ призракъ тихаго кошмара. Смотрѣлъ на Саранина, улыбался. Саранину стало жутко.

Вошли. Мальчикъ закрылъ дверь, изогнувшись гибко и ловко, и пошелъ передъ ними по корридору, неся въ рукѣ фонарь. Открылъ дверь, и опять зыбкое движеніе, и смѣхъ.

Страшная, темная, узкая комната, уставленная по стѣнамъ шкапами съ какими-то пузырьками, бутылочками. Пахло странно, раздражающимъ и непонятнымъ запахомъ.

Армянинъ зажегъ лампу, открылъ шкапъ, порылся тамъ, и досталъ пузырекъ съ зеленоватою жидкостью.

— Хорошія капли,— сказалъ онъ,— одну каплю на стаканъ воды дашь, заснетъ тихонько, и не проснется.

— Нѣтъ, мнѣ это не надо,— досадливо сказалъ Саранинъ,—развѣ я за этимъ пришелъ!

— Душа моя,— убѣждающимъ голосомъ сказалъ армянинъ,—другую жену возьмешь, себѣ по росту,— самое простое дѣло.

— Не надо!—закричалъ Саранинъ.

— Ну, не кричи,— остановилъ армянинъ.— Зачѣмъ сердишься, душа моя, себя даромъ разстраиваешь. Не надо, и не бери. Я тебѣ другихъ дамъ. Но тѣ дорогія, вай-вай, дорогія.

Армянинъ, присѣвъ на корточки, отчего его длинная фигура казалась смѣшною, досталъ четырехугольную бутылку. Въ ней блестѣла прозрачная жидкость. Армянинъ сказалъ тихо, съ таинственнымъ видомъ:

— Каплю выпьешь—фунтъ убудетъ; сорокъ капель выпьешь—пудъ вѣса убудетъ. Капля — фунтъ. Капля— рубъ. Считай капли, давай рубли.

Саранинъ зажегся радостью.

„Сколько же надо?—подумалъ Саранинъ.—„Въ ней пудовъ пять навѣрняка будетъ. Сбавить три пуда, останется малюсенькая женка. Это будетъ хорошо“.

— Давай сто двадцать капель.

Армянинъ покачалъ головою.

— Много хочешь, худо будетъ.

Саранинъ вспыхнулъ.

— Ну, это ужъ мое дѣло.

Армянинъ посмотрѣлъ на него пытливо.

— Считай деньги.

Саранинъ вынулъ бумажникъ.

„Весь сегодняшній выигрышъ, да своихъ прибавить надо",—подумалъ онъ.

Армянинъ тѣмъ временемъ досталъ граненый флакончикъ, и сталъ капать.

Внезапное сомнѣніе зажглось въ душѣ Саранина.

Сто двадцать рублей—деньги не малыя. А вдругъ обманетъ?

— А вѣрно ли онѣ дѣйствуютъ?—спросилъ онъ нерѣшительно.

— Товаръ лицомъ продаемъ,— сказалъ хозяинъ.— Сейчасъ покажу дѣйствіе. Гаспаръ,—крикнулъ онъ.

Вошелъ тотъ же босой мальчикъ. На немъ была красная куртка и короткіе синіе панталоны. Смуглыя ноги были открыты выше колѣнъ. Онѣ были стройныя, красивыя, и двигались ловко и быстро.

Армянинъ махнулъ рукой. Гаспаръ проворно сбросилъ одежду. Подошелъ къ столу.

Свѣчи тускло озаряли его желтое тѣло, стройное, сильное, красивое. Послушную, порочную улыбку. Черные глаза и синеву подъ ними.

Армянинъ говорилъ:

— Чистыя капли пить,— сразу дѣйствовать будетъ. Размѣшать въ водѣ или винѣ,— медленно, на глазахъ не замѣтишь. Плохо смѣшаешь,— скачками пойдетъ, некрасиво.

Взялъ узкій стаканъ, съ дѣленіями, налилъ жидкости, далъ Гаспару. Гаспаръ съ ужимкою избалованнаго ребенка, которому дали сладкое, выпилъ жидкость до дна, запрокинулъ голову назадъ, вылизалъ послѣднія сладкія капли длиннымъ и острымъ языкомъ, похожимъ на змѣиное жало,—и тотчасъ же, на глазахъ у Саранина, началъ уменьшаться. Стоялъ прямо, смотрѣлъ на Сара-

нина, смѣялся, и измѣнялся, какъ купленная на вербѣ кукла, которая спадается, когда изъ нея выпускаютъ воздухъ.

Армянинъ взялъ его за локоть, и поставилъ на столъ. Мальчикъ былъ величиною со свѣчку. Плясалъ и кривлялся.

— Какъ же онъ теперь будетъ?—спросилъ Саранинъ.

— Душа моя, мы его вырастимъ,— отвѣтилъ армянинъ.

Открылъ шкапъ, и съ верхней полки досталъ другой сосудъ столь же странной формы. Жидкость въ немъ была зеленая. Въ маленькій бокалъ, величиною съ наперстокъ, налилъ армянинъ немного жидкости. Отдалъ ее Гаспару.

Опять Гаспаръ выпилъ, какъ первый разъ.

Съ неуклонною медленностью, подобно тому, какъ прибываетъ вода въ ваннѣ, голый мальчикъ становился больше и больше. Наконецъ вернулся къ прежнимъ размѣрамъ.

Армянинъ сказалъ:

— Пей съ виномъ, съ водой, съ молокомъ, съ чѣмъ хочешь пей, только съ русскимъ квасомъ не пей,— сильно линять станешь.

III.

Прошло нѣсколько дней.

Саранинъ сіялъ радостью. Загадочно улыбался.

Ждалъ случая.

Дождался.

Аглая жаловалась на головную боль.

— У меня есть средство,—сказалъ Саранинъ,—отлично помогаетъ.

— Никакія средства не помогутъ,—съ кислою гримасою сказала Аглая.

— Нѣтъ, это поможетъ. Это я отъ одного армянина досталъ.

Сказалъ такъ увѣренно, что Аглая повѣрила въ дѣйствительность средства отъ армянина.

— Ну ужъ ладно, дай.

Принесъ флакончикъ.

— Гадость?—спросила Аглая.

— Прелестная штука на вкусъ, и помогаетъ отлично. Только немного прослабитъ.

Аглая сдѣлала гримаску.

— Пей, пей.

— А въ мадерѣ можно?

— Можно.

— И ты выпей со мною мадеры,—капризно сказала Аглая.

Саранинъ налилъ два стакана мадеры, и въ женинъ стаканъ вылилъ снадобье.

— Мнѣ что-то холодно,—тихонько и лѣниво сказала Аглая,—хоть бы платокъ.

Саранинъ побѣжалъ за платкомъ. Когда онъ вернулся, стаканы стояли, какъ прежде. Аглая сидѣла и улыбалась.

Закуталъ ее въ платокъ.

— Мнѣ какъ будто бы лучше, — сказала она,— пить ли?

— Пей, пей! — закричалъ Саранинъ.—За твое здоровье.

Онъ схватилъ свой стаканъ. Выпили.

Она хохотала.

— Что?—спросилъ Саранинъ.

— Я перемѣнила стаканы. Тебя прослабитъ,—а не меня.

Вздрогнулъ. Поблѣднѣлъ.

— Что ты надѣлала?—воскликнулъ онъ въ отчаяніи.

Аглая хохотала. Смѣхъ ея казался Саранину гнуснымъ и жестокимъ.

Вдругъ онъ вспомнилъ, что у армянина есть возстановитель. Побѣжалъ къ армянину.

„Дорого сдеретъ!—опасливо думалъ онъ.—Да что деньги! Пусть все беретъ, лишь бы спастись отъ ужаснаго дѣйствія этого снадобья.“

IV.

Но злой рокъ обрушился, очевидно, на Саранина.

На дверяхъ квартиры, гдѣ жилъ армянинъ, висѣлъ замокъ. Саранинъ въ отчаяніи хватился за звонокъ. Дикая надежда одушевила его. Звонилъ отчаянно.

За дверью громко, отчетливо, ясно звенѣлъ колокольчикъ,—съ тою неумолимою ясностью, какъ звонятъ колокольчики только въ пустыхъ квартирахъ.

Саранинъ побѣжалъ къ дворнику. Былъ блѣденъ. Мелкія капельки пота, совсѣмъ мелкія, какъ роса на холодномъ камнѣ, выступили на его лицѣ, и особенно на носу.

Стремительно вбѣжалъ въ дворницкую, крикнулъ:

— Гдѣ Халатьянцъ?

Апатичный чернобородый мужикъ, старшій дворникъ, пилъ чай съ блюдечка. Покосился на Саранина. Спросилъ невозмутимо:

— А вамъ что отъ него требуется?

Саранинъ тупо глядѣлъ на дворника, и не зналъ, что сказать.

— Ежели у васъ какія съ нимъ дѣла,—говорилъ дворникъ, подозрительно глядя на Саранина,—то вы, господинъ, лучше уходите. Потому какъ онъ армянинъ, такъ какъ бы отъ полиціи не влетѣло.

— Да гдѣ же проклятый армянинъ?—закричалъ съ отчаяніемъ Саранинъ.—Изъ 43 номера.

— Нѣтъ армянина,—отвѣчалъ дворникъ.—Былъ, это точно, это скрывать не стану, а только что теперь нѣтъ.

— Да гдѣ же онъ?

— Уѣхалъ.

— Куда?—крикнулъ Саранинъ.

— Кто его знаетъ,—равнодушно отвѣтилъ дворникъ.—Выправилъ заграничный паспортъ, и уѣхалъ за границу.

Саранинъ поблѣднѣлъ.

— Пойми,—сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ,—онъ мнѣ до зарѣзу нуженъ.

Заплакалъ.

Дворникъ участливо посмотрѣлъ на него. Сказалъ:

— Да вы, баринъ, не убивайтесь. Ужъ коли у васъ такая нужда есть до проклятаго армянина, то вы поѣзжайте сами за границу, сходите тамъ въ адресный столъ, и найдете по адресу.

Саранинъ не сообразилъ нелѣпости того что говорилъ дворникъ. Обрадовался.

Сейчасъ же побѣжалъ домой, влетѣлъ ураганомъ въ домовую контору, и потребовалъ отъ старшаго дворника, чтобы тотъ немедленно выправилъ ему заграничный паспортъ. Но вдругъ вспомнилъ.

— Да куда-же ѣхать?

V.

Проклятое снадобье дѣлало свое злое дѣло съ роковою медлительностью, но неуклонно. Саранинъ съ каждымъ днемъ становился меньше и меньше. Платье сидѣло мѣшкомъ.

Знакомые удивлялись. Говорили:

— Что вы поменьше, какъ будто? Каблуки перестали носить?

— Да и похудѣли.

— Много занимаетесь.

— Охота себя изводить.

Наконецъ при встрѣчахъ съ нимъ стали ахать:

— Да что это съ вами?

За глаза знакомые начали насмѣхаться надъ Саранинымъ.

— Внизъ растетъ.

— Стремится къ минимуму.

Жена замѣтила нѣсколько позже. Все на глазахъ, постепенно мельчалъ,—было ни къ чему. Замѣтила по мѣшковатому виду одежды.

Сначала хохотала надъ страннымъ уменьшеніемъ роста своего мужа. Потомъ стала сердиться.

— Это даже странно и неприлично,—говорила она,—неужели я вышла-бъ замужъ за такого лилипута!

Скоро пришлось перешивать всю одежду,—все старое валилось съ Саранина,—брюки доходили до ушей, а цилиндръ падалъ на плечи.

Старшій дворникъ какъ-то зашелъ въ кухню.

— Что же это у васъ? — строго спросилъ онъ кухарку.

— Нешто это мое дѣло,—запальчиво закричала было

толстая и красная Матрена, но тотчасъ же спохватилась, и сказала:

— У насъ, кажется, ничего такого нѣтъ! Все какъ обыкновенно.

— А вотъ баринъ у васъ поступки началъ обнаруживать, такъ это развѣ можно? По-настоящему, его бы надо въ участокъ представить,—очень строго говорилъ дворникъ.

Цѣпочка на его брюхѣ качалось сердито.

Матрена внезапно сѣла на сундукъ, и заплакала.

— Ужъ и не говорите, Сидоръ Павловичъ,—заговорила она,—просто мы съ барыней диву дались, что это съ нимъ,—ума не приложимъ.

— По какой причинѣ? И на какомъ основаніи?—сердито восклицалъ дворникъ.—Такъ развѣ можно?

— Только-то и утѣшно,—всхлипывая, говорила кухарка,—корму меньше беретъ.

Дальше—меньше.

И прислуга, и портные, и всѣ, съ кѣмъ приходилось сталкиваться Саранину, начали относиться къ нему съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Бѣжитъ, бывало, на службу, маленькій, еле тащитъ обѣими руками громадный портфелище,—и слышитъ за собою злорадный смѣхъ швейцара, дворника, извозчиковъ, мальчишекъ.

— Баринокъ,—говорилъ старшій дворникъ.

Много испыталъ Саранинъ горькаго. Потерялъ обручальное кольцо. Жена сдѣлала ему сцену. Написала родителямъ въ Москву.

„Проклятый армянинъ!"—думалъ Саранинъ.

Вспоминалось часто: армянинъ, отсчитывая капли, перелилъ.

— Ухъ!—крикнулъ Саранинъ.

— Ничего, душа моя, это моя ошибка, я за это ничего не возьму.

Сходилъ Саранинъ и къ врачу,—тотъ осмотрѣлъ его съ игривыми замѣчаніями. Нашелъ, что все въ порядкѣ.

Придетъ, бывало, Саранинъ къ кому-нибудь,—швейцаръ не сразу впуститъ.

— Вы кто же такой будете?

Саранинъ скажетъ.

— Не знаю, — говоритъ швейцаръ, — наши господа такихъ не принимаютъ.

VI.

На службѣ, въ департаментѣ, сначала косились, смѣялись. Особенно молодежь. Традиціи сослуживцевъ Акакія Акакіевича Башмачкина живучи.

Потомъ стали ворчать. Выговаривать.

Швейцаръ уже сталъ снимать съ него пальто съ видимою неохотою.

— Тоже, чиновникъ пошелъ, — ворчалъ онъ, — мелюзга. Что съ такого получишь въ праздникъ?

И для поддержанія престижа Саранину приходилось давать на чай чаще и больше прежняго. Но это мало помогало. Швейцары брали деньги, но на Саранина смотрѣли подозрительно.

Саранинъ проговорился кое-кому изъ товарищей, что это армянинъ нагадилъ. Слухъ объ армянской интригѣ быстро разошелся по департаменту. Дошелъ и до иныхъ департаментовъ...

Директоръ департамента однажды встрѣтилъ въ коридорѣ маленькаго чиновника. Осмотрѣлъ удивленно. Ничего не сказалъ. Ушелъ къ себѣ.

Тогда сочли необходимымъ доложить. Директоръ спросилъ:

— Давно ли это?

Вице-директоръ замялся.

— Жаль, что вы не замѣтили своевременно,—кисло сказалъ директоръ, не дожидаясь отвѣта.—Странно, что я этого не зналъ. Очень жалѣю.

Потребовалъ Саранина.

Когда Саранинъ шелъ въ кабинетъ директора, всѣ чиновники смотрѣли на него съ суровымъ осужденіемъ.

Съ трепетнымъ сердцемъ вошелъ Саранинъ въ кабинетъ начальника. Слабая надежда еще не покидала его, надежда, что его превосходительство намѣренъ дать ему весьма лестное порученіе, пользуясь малостью его роста: командировать на всемірную выставку, или по какому-нибудь секретному порученію. Но при первыхъ же звукахъ кислаго директорски-департаменскаго голоса эта надежда разсѣялась, какъ дымъ.

— Сядьте здѣсь,—сказалъ его превосходительство, показывая на стулъ.

Саранинъ взобрался кое-какъ. Директоръ сердито посмотрѣлъ на болтнувшіяся въ воздухѣ ноги чиновника. Спросилъ:

— Господинъ Саранинъ, извѣстны ли вамъ законы о службѣ гражданской по назначенію отъ правительства?

— Ваше превосходительство,—залепеталъ Саранинъ, и молебно сложилъ ручепки на груди.

— Какъ осмѣлились вы столь дерзко итти противъ видовъ правительства?

— Повѣрьте, ваше превосходительство...

— Зачѣмъ вы это сдѣлали?—спросилъ директоръ.

И уже не могъ ничего сказать Саранинъ. Заплакалъ. Очень сталъ слезливъ за послѣднее время.

Директоръ посмотрѣлъ на него. Покачалъ головою. Заговорилъ очень строго:

— Господинъ Саранинъ, я пригласилъ васъ, чтобы объявить вамъ, что ваше необъяснимое поведенiе становится совершенно нетерпимымъ.

— Но, ваше превосходительство, я, кажется, все исправно,—лепеталъ Саранинъ,—что же касается роста...

— Да вотъ именно.

— Но это несчастiе не отъ меня зависитъ.

— Не могу судить, насколько это странное и неприличное происшествiе является для васъ несчастiемъ, и насколько оно отъ васъ не зависитъ, но долженъ вамъ сказать, что для ввѣреннаго мнѣ департамента ваше удивительное умаленiе становится положительно скандальнымъ: уже ходятъ въ городѣ соблазнительные слухи. Не могу судить объ ихъ справедливости, но знаю, что эти слухи объясняютъ ваше поведенiе въ связи съ агитацiей армянскаго сепаратизма. Согласитесь, департаментъ не можетъ быть мѣстомъ развитiя армянской интриги, направленной къ умаленiю русской государственности. Мы не можемъ держать чиновниковъ, которые ведутъ себя такъ странно.

Саранинъ соскочилъ со стула, дрожалъ, пищалъ:

— Игра природы, ваше превосходительство.

— Странно, но служба...

И опять повторилъ тотъ же вопросъ:

— Зачѣмъ вы это сдѣлали?

— Ваше превосходительство, я самъ не знаю, какъ это произошло.

— Что за инстинкты! Пользуясь малостью вашего ро-

ста, вы можете легко укрыться подъ всякою дамской, съ позволенія сказать, юбкой. Это не можетъ быть терпимо.

— Я никогда этого не дѣлалъ,—завопилъ Саранинъ.

Но директоръ не слушалъ. Продолжалъ:

— Я даже слышалъ, что вы это дѣлаете изъ сочувствія къ японцамъ. Но надо же знать во всемъ границу.

— Какъ же я могу это дѣлать, ваше превосходительство?

— Не знаю-съ. Но прошу прекратить. Оставить васъ на службѣ можно, но только въ провинціи, и чтобы это было немедленно же прекращено, чтобы вы вернулись къ вашимъ обычнымъ размѣрамъ. Для поправленія вашего здоровья вамъ дается четырехмѣсячный отпускъ. Въ департаментъ прошу васъ болѣе не являться. Необходимыя для васъ бумаги будутъ вамъ присланы на домъ. Мое почтеніе.

— Ваше превосходительство, я могу заниматься. Зачѣмъ же отпускъ!

— Возьмете по болѣзни.

— Но я здоровъ, ваше превосходительство.

— Нѣтъ ужъ, пожалуйста.

Саранину дали отпускъ на четыре мѣсяца.

VII.

Скоро Аглаины родители пріѣхали. Было это послѣ обѣда. Аглая за обѣдомъ долго издѣвалась надъ мужемъ. Ушла къ себѣ.

Онъ робко прошелъ въ свой кабинетъ,—такой теперь для него огромный,—вскарабкался на диванъ, приникъ къ уголку, заплакалъ. Тягостное недоумѣніе томило его.

Почему именно на него обрушилось такое несчастіе? Ужасное, неслыханное.

Какое легкомысліе!

Онъ всхлипывалъ, и шепталъ отчаянно:

— Зачѣмъ, зачѣмъ я это сдѣлалъ?

Вдругъ услышалъ въ передней знакомые голоса. Задрожалъ отъ страха. На цыпочкахъ прокрался къ умывальнику,—не замѣтили бы заплаканныхъ глазъ. И умыться-то было трудно,—пришлось подставлять стулъ.

Уже гости входили въ залу. Саранинъ встрѣтилъ ихъ. Раскланивался и пищалъ что-то неразборчивое. Аглаинъ отецъ тупо смотрѣлъ на него вытаращенными глазами. Большой, толстый, съ бычьею шеею и краснымъ лицомъ. Аглая въ него.

Постоявъ передъ зятемъ, широко разставивъ ноги, онъ осмотрѣлся осторожно, бережно взялъ руку Саранина, принагнулся и сказалъ, понижая голосъ:

— Мы къ вамъ, зятекъ, пріѣхали повидаться.

Видно было, что онъ намѣренъ вести себя политично. Нащупывалъ почву.

Изъ-за его спины выдвинулась Аглаина мать, особа тощая и злобная. Она закричала визгливо:

— Гдѣ онъ? гдѣ? покажи мнѣ его, Аглая, покажи мнѣ этого Пигмаліона.

Она смотрѣла поверхъ Саранина. Нарочно не замѣчала. Цвѣты на ея шляпѣ странно колыхались. Она шла прямо на Саранина. Онъ пискнулъ и отскочилъ въ сторону.

Аглая заплакала и сказала:

— Вотъ онъ, маменька.

— Я здѣсь, маменька,—пискнулъ Саранинъ, и шаркнулъ ногою.

— Злодѣй, да что ты съ собой сдѣлалъ? Зачѣмъ ты такъ окорнался?

Горничная фыркала.

— А ты, матушка, на господъ не фыркай.

Аглая покраснѣла.

— Маменька, пойдемте въ гостиную.

— Нѣтъ, ты скажи, злодѣй, на какой конецъ ты этакъ малявишься?

— Ну, ты, мать, погоди,—остановилъ ее отецъ.

Она и на мужа вскинулась.

— Вѣдь говорила я тебѣ, не выдавай за безбородаго. Вотъ, по-моему и вышло.

Отецъ осторожно поглядывалъ на Саранина, и все пытался перевести разговоръ на политику.

— Японцы,—говорилъ онъ,—приблизительно не высокаго роста, а повидимому мозговатый народъ, и даже, между прочимъ, оборотистый.

VIII.

И сталъ Саранинъ маленькій, маленькій. Ужъ онъ свободно ходилъ подъ столомъ. И съ каждымъ днемъ становился все мельче. Отпускомъ онъ еще не воспользовался вполнѣ. Только что на службу не ходилъ. А ѣхать куда-нибудь еще не собрались.

Аглая то издѣвалась надъ нимъ, то плакала и говорила:

— Куда я тебя такого повезу? Стыдъ и срамъ.

Пройтись изъ кабинета въ столовую—стало путемъ весьма солидныхъ размѣровъ. Да еще на стулъ взлѣзть...

Впрочемъ, усталость была сама по себѣ пріятна. Отъ нея аппетитъ являлся и надежда вырасти. Саранинъ набрасывался на пищу. Пожиралъ ее непропорціональ-

по своимъ миніатюрнымъ размѣрамъ. Но не росъ. Напротивъ—все мельчалъ и мельчалъ. Хуже всего, что уменьшеніе роста иногда происходило скачками, въ самое неудобное время. Словно фокусы показывалъ.

Аглая подумывала было выдавать его за мальчика, опредѣлить въ гимназію. Отправилась въ ближайшую. Но разговоръ съ директоромъ обезкуражилъ ее.

Потребовались документы. Оказалось, что планъ неосуществимъ.

Съ видомъ крайняго недоумѣнія директоръ говорилъ Аглаѣ:

— Мы не можемъ принять надворнаго совѣтника. Какъ же мы съ нимъ будемъ? Ему учитель велитъ въ уголъ итти, а онъ скажетъ: я — кавалеръ святой Анны. Это очень неудобно.

Аглая сдѣлала просящее лицо, и принялась было упрашивать.

— Нельзя ли какъ-нибудь устроить? Онъ не посмѣетъ дерзить,—ужъ я объ этомъ позабочусь.

Директоръ остался непреклоненъ.

— Нѣтъ,—говорилъ онъ упрямо,—нельзя чиновника принять въ гимназію. Нигдѣ, ни однимъ циркуляромъ не предусмотрѣно. И входить къ начальству съ такимъ представленіемъ совершенно неудобно. Какъ еще тамъ посмотрятъ. Могутъ выйти большія непріятности. Нѣтъ, никакъ нельзя. Обратитесь, если желаете, къ попечителю

Но Аглая уже не рѣшилась ѣхать къ начальству.

IX.

Однажды къ Аглаѣ пришелъ молодой человѣкъ, очень гладко, до блеску, причесанный. Расшаркался весьма галантно. Отрекомендовался:

— Представитель фирмы Стригаль и К°. Первоклассный магазинъ въ самомъ бойкомъ центрѣ столичнаго аристократическаго движенія. Имѣемъ массу заказчиковъ въ самомъ лучшемъ и высшемъ обществѣ.

Аглая на всякій случай сдѣлала глазки представителю знаменитой фирмы. Томнымъ движеніемъ дебелой руки указала ему на стулъ. Сѣла спиною къ свѣту. Склонила голову на бокъ. Приготовилась слушать.

Блистательно причесанный молодой человѣкъ продолжалъ:

— Мы узнали, что вашъ супругъ изволилъ предпочесть оригинально миніатюрный ростъ. Поэтому фирма, идя навстрѣчу самоновѣйшимъ вѣяніямъ въ области дамскихъ и мужскихъ модъ, имѣетъ честь предложить вамъ, сударыня, въ видахъ рекламы, безплатно шить господину костюмы по самому лучшему парижскому журналу.

— Даромъ?—лѣниво спросила Аглая.

— Не только даромъ, сударыня, но даже съ приплатой въ вашу собственно пользу, но съ однимъ маленькимъ и легко выполнимымъ условіемъ.

Межъ тѣмъ Саранинъ, прослыша, что рѣчь о немъ, пробрался въ гостиную. Расхаживалъ около молодого человѣка съ блистательною прическою. Покашливалъ, постукивалъ каблучками. Очень досадовалъ, что представитель фирмы Стригаль и К° не обращаетъ на него ни малѣйшаго вниманія.

Наконецъ онъ подбѣжалъ къ молодому человѣку. Громко пискнулъ:

— Развѣ вамъ не сказали, что я дома?

Представитель знаменитой фирмы всталъ. Галантно шаркнулъ. Сѣлъ. Обратился къ Аглаѣ:

— Одно только маленькое условіе.

Саранинъ презрительно фыркнулъ. Аглая засмѣялась. Сказала, блистая любопытными глазами:

— Ну, говорите, какое условіе.

— Условіе наше въ томъ, чтобы господинъ изволилъ сидѣть за окномъ нашего магазина въ качествѣ живой рекламы.

Аглая злорадно захохотала.

— Отлично. Хоть бы съ глазъ его долой.

— Я не согласенъ,—пронзительнымъ голосомъ запищалъ Саранинъ.—Я не могу пойти на это. Я—надворный совѣтникъ и кавалеръ. Сидѣть въ окнѣ магазина для рекламы—это мнѣ даже смѣшно.

— Замолчи,—крикнула Аглая,—тебя не спрашиваютъ.

— Какъ не спрашиваютъ?—завопилъ Саранинъ.— Долго ли я буду терпѣть отъ инородцевъ!

— Ну, и господинъ ошибается!—любезно возразилъ молодой человѣкъ.—Наша фирма не имѣетъ ничего общаго съ инородческими элементами. У насъ служатъ все православные и лютеране изъ Риги. И у насъ нѣтъ евреевъ.

— Я не хочу сидѣть въ окнѣ!—кричалъ Саранинъ.

Топалъ ногами. Аглая схватила его за руку. Повлекла въ спальню.

— Куда ты меня тащишь?—кричалъ Саранинъ,— я не хочу, отпусти.

— Я тебя усмирю,—крикнула Аглая.

Замкнула дверь.

— Изобью!—сказала она сквозь зубы.

Принялась колотить. Безсильно барахтался въ ея могучихъ рукахъ.

— Ты, пигмей, въ моей власти. Что захочу, то и

сдѣлаю. Я тебя въ карманъ могу засунуть,—какъ же ты смѣешь мнѣ противиться! Я не посмотрю на твои чины, я тебя такъ взбучу, что тебѣ небо съ овчинку покажется.

— Я буду жаловаться!—пищалъ Саранинъ.

Но скоро понялъ безполезность сопротивленія. Былъ слишкомъ малъ,—и Аглая, очевидно, рѣшила пустить въ дѣло всю свою силу.

— Будетъ, будетъ,—завопилъ онъ,—иду въ Стригальское окно. Буду тамъ сидѣть,—тебѣ же срамъ. Надѣну всѣ свои регаліи.

Аглая захохотала.

— Ты надѣнешь то, что тебѣ Стригаль дастъ,—крикнула она.

Выволокла мужа въ гостиную. Бросила его приказчику. Крикнула:

— Берите! сейчасъ же возьмите его! И деньги впередъ! Каждый мѣсяцъ!

Ея слова были истеричными вскриками.

Молодой человѣкъ вытащилъ бумажникъ. Отсчиталъ двѣсти рублей.

— Мало!—крикнула Аглая.

Молодой человѣкъ улыбнулся. Досталъ еще сторублевку.

— Больше-съ не уполномоченъ,—любезно сказалъ онъ.—Черезъ мѣсяцъ изволите получить слѣдующій взносъ.

Саранинъ бѣгалъ по комнатѣ.

— Въ окно! въ окно!—выкрикивалъ онъ.—Проклятый армянинъ, что ты со мной сдѣлалъ?

А самъ вдругъ еще вершка на два осѣлъ.

X.

Безсильныя слезы, тоска Саранина,—что до этого Стригалю и его компаніонамъ?

Они заплатили. Они осуществляютъ свое право. Жестокое право капитала.

Подъ властью капитала самъ надворный совѣтникъ и кавалеръ занимаетъ положеніе, вполнѣ соотвѣтствующее его точнымъ размѣрамъ, и нисколько не отвѣчающее его гордости. По послѣдней модѣ одѣтый лилипутъ бѣгаетъ въ окнѣ моднаго магазина,—то засмотрится на красавицъ,—такихъ колоссальныхъ!—то злобно грозитъ кулачками смѣющимся ребятамъ.

У оконъ Стригаля и К° толпа.

Въ магазинѣ Стригаля и К° приказчики сбились съ ногъ.

Мастерская Стригаля и К° завалена заказами.

Стригаль и К° въ славѣ.

Стригаль и К° расширяютъ мастерскія.

Стригаль и К° богаты.

Стригаль и К° покупаютъ дома.

Стригаль и К° великодушны: они кормятъ Саранина по-царски, они не жалѣютъ денегъ для его жены.

Аглая получаетъ уже по тысячѣ въ мѣсяцъ.

У Аглаи завелись и еще доходы.

И знакомства.

И любовники.

И брилліанты.

И экипажи.

И домъ.

Аглая весела и довольна. Она раздобрѣла еще больше Носитъ башмаки на высокихъ каблукахъ. Выбираетъ шляпки гигантскихъ размѣровъ.

Посѣщая мужа, она ласкаетъ его и кормитъ, какъ птицу, съ пальца. Саранинъ во фракѣ съ куцыми фалдочками дробными шагами бѣгаетъ передъ нею по столу, и пищитъ что-то. Голосъ его пронзителенъ, какъ комариный пискъ. Но слова не слышны.

Маленькіе людишки могутъ говорить,—но ихъ пискъ не слышенъ людямъ большихъ размѣровъ, ни Аглаѣ, ни Стригалю, ни всей компаніи. Аглая, окруженная приказчиками, слушаетъ визгъ и пискъ человѣка. Хохочетъ. Уходитъ.

Саранина несутъ на окно, гдѣ, въ гнѣздѣ мягкихъ матерій, ему устроена цѣлая квартира, обращенная къ публикѣ открытою стороною.

Уличные мальчишки видятъ, какъ человѣчишка садится къ столу и принимается писать прошенія. Крохотныя прошеньица о возстановленіи своихъ нарушенныхъ Аглаею, Стригалемъ и К° правъ.

Пишетъ. Суетъ въ конвертикъ. Мальчишки хохочутъ.

Между тѣмъ Аглая садится въ свой блистательный экипажъ. Ѣдетъ покататься передъ обѣдомъ.

XI.

Ни Аглая, ни Стригаль и К° не думали о томъ, чѣмъ все кончится. Они довольны были настоящимъ. Казалось, что и конца не будетъ золотому дождю, льющемуся на нихъ. Но конецъ наступилъ. Самый обыкновенный. Какого и слѣдовало ждать.

Саранинъ все меньшалъ. Каждый день ему шили по нѣсколько новыхъ костюмовъ,—все меньше.

И вдругъ онъ, на глазахъ удивленныхъ приказчиковъ, только что надѣвъ новые брючки, сталъ совсѣмъ

крохотнымъ. Вывалился изъ брючекъ. И уже сталъ, какъ булавочная головка.

Подулъ легкій сквознячекъ. Саранинъ, крохотный, какъ пылинка, поднялся въ воздухѣ. Закружился. Смѣшался съ тучею пляшущихъ въ солнечномъ лучѣ пылинокъ.

Исчезъ.

Всѣ поиски были напрасны. Не нашелся нигдѣ Саранинъ.

Аглая, Стригаль и К°, полиція, духовенство, начальство,—всѣ были въ большомъ недоумѣніи.

Какъ оформить исчезновеніе Саранина?

Наконецъ, по сношенію съ Академіею Наукъ, рѣшили считать его посланнымъ въ командировку съ научною цѣлью.

Потомъ о немъ забыли.

Саранинъ кончился.

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ МАЛЬЧИКЪ.

Пусторослевъ наконецъ остался одинъ.

Столько усталости! Цѣлый день встрѣчъ и разговоровъ. Жгучія, волнующія темы. Заботы и хлопоты о дѣлѣ, которое такъ взяло все время.

Такъ взяло все время, что теперь, въ минуту отдыха, вдругъ не хочется думать о немъ. Усталость обволакиваетъ всѣ чувства липкою пеленою. Глаза не хотятъ глядѣть.

Прилегъ на диванъ. На письменномъ столѣ стынетъ недопитый стаканъ чаю. Блѣдное, нервное лицо склонилось. На темно-красной подушкѣ оно кажется особенно блѣднымъ и худымъ.

Припомнилась далекая Сибирь. Подневольное житье въ ней. Лютые морозы. Земля, которая и лѣтомъ не оттаивала глубоко. Товарищи суровой ссылки. Долгія, долгія ночи. И такой мракъ, и такой холодъ!

Захотѣлось безопасности, уюта, семьи. Услышать дѣтскій лепетъ въ этой квартирѣ, слишкомъ большой и слишкомъ богатой для одного,—и робкія упражненія на рояли,—и внезапный смѣхъ.

Подумалъ:

„Развѣ съ меня не довольно? Пусть работаютъ другіе".

И улыбка. Конечно, пусть другіе.

И сразу же зналъ, что это—такъ только.

Нѣтъ, уже не оторваться отъ дѣла...

Опять тонкая дремота.

И вдругъ легкіе шаги.

Встрепенулся. Открылъ глаза.

Никого нѣтъ.

Странно,—въ послѣднее время Пусторослевъ не разъ замѣчалъ, въ минуты усталости и отдыха, что онъ не одинъ. Чьи-то легкіе шаги шуршали по полу недалеко отъ него,—словно кто-то маленькій тихонько проходилъ мимо него, осторожно, босыми ногами. Маленькій, едва достигавшій головою до дивана. Подходилъ, всматривался, поднимая прекрасное нездѣшнее лицо. Прислушивался. Говорилъ что-то тихое, и странно внятное. Звалъ куда-то.

Но стоило открыть глаза,—и странный посѣтитель съ легкимъ шорохомъ скрывался. И уже казалось, что и не было его.

Сначала Пусторослевъ не думалъ объ этихъ посѣщеніяхъ. Мало ли что приснится или покажется въ минуты тоски и усталости.

Но вотъ уже нѣсколько дней подрядъ маленькій гость сталъ занимать вниманіе Пустorослева.

Прежде онъ приходилъ изрѣдка. Теперь — каждый вечеръ. И Пусторослевъ уже началъ ждать его.

Въ невѣрномъ, мертвомъ и неподвижномъ свѣтѣ электрической лампы онъ приходилъ, легкій, маленькій. И шаги его становились слышнѣе,— словно онъ уже выросъ, сталъ смѣлѣе и рѣшительнѣе.

Прежде онъ подкрадывался на цыпочкахъ,— а откроешь глаза,—онъ укатывался куда-то дробными шагами, какъ испуганный мышенокъ, и не разобрать было, куда онъ убѣжалъ.

Теперь онъ приходилъ неторопливо, и слышно было, какъ легко, спокойно и увѣренно ступаютъ на паркетѣ его ноги. И Пусторослевъ не рѣшался еще очень быстро открыть глаза. Тотъ, ночной, уходилъ не торопясь, и Пусторослевъ наконецъ примѣтилъ, куда онъ уходитъ.

Это было мѣсто на стѣнѣ. Самое обыкновенное на невнимательный взглядъ. Немного ниже и наискось того мѣста, гдѣ, въ черной рамѣ, висѣла гравюра, Мона Лиза. Между двухъ стульевъ. Узоръ обоевъ ничѣмъ, повидимому, не отличался. Но было какое-то странное и значительное выраженіе въ этихъ зеленоватыхъ странныхъ цвѣтахъ.

И, когда Пусторослевъ долго всматривался въ узоръ, ему вдругъ начинало казаться, что это мѣсто на стѣнѣ чѣмъ-то обведено, словно за нимъ скрывается тайная дверь.

Лежалъ, закрывъ глаза. Отъ лампы на столѣ поодаль падали неподвижныя пятна свѣта на тонкое лицо. Услышалъ легкіе шаги. Маленькій посѣтитель подошелъ, всматривался, и чего-то ждалъ. И въ этомъ ожидающемъ стояніи неизвѣстнаго посѣтителя было что-то жуткое, тоскливое, вынуждающее къ чему-то.

„Что-то надо сказать, или сдѣлать",— подумалъ Пусторослевъ.

Онъ слегка пріоткрылъ глаза,—и замеръ отъ жуткаго и сладкаго ужаса. Передъ нимъ стоялъ мальчикъ, лѣтъ десяти на видъ, весь бѣлый, тонкій и сіяющій. На блѣдномъ, точно неживомъ лицѣ жутко мерцали черные, страшно глубокіе глаза. Одежда страннаго покроя, вся бѣлая, открывала тонкую, длинную шею, и открыты были выше колѣнъ стройныя, тонкія ноги. И весь онъ былъ спокойный и словно неживой, и только черные

на блѣдномъ лицѣ глаза жили и настойчиво вопрошали.

Мигъ одинъ длилось видѣніе,— и скрылось. Пусторослевъ открылъ глаза, быстро всталъ, двинулся къ мальчику, протянулъ руки,—но мальчика уже не было.

— Милый! кто же ты? гдѣ же ты? — воскликнулъ Пусторослевъ.

Стало тихо. Ожиданіемъ была растворена тишина.

И вдругъ,—тихій, сладкій и звонкій раздался смѣхъ. Пронесся въ зыбкой тишинѣ,—и замеръ.

И Пусторослевъ вдругъ почувствовалъ, что онъ остался одинъ.

Одинъ! Никогда еще съ такою значительностью не представало предъ нимъ это столь страшное, столь великое, столь непонятое людьми слово.

Одиночество, сладостное и несравненное, великій праздникъ для великой и надменной души, великое томленіе для вопрошающаго человѣка!

И въ этотъ мигъ больно почувствовалъ Пусторослевъ, что онъ только человѣкъ, вопрошающій о неизвѣстномъ. Въ странномъ порывѣ тоски подошелъ онъ къ тому мѣсту на стѣнѣ, гдѣ подъ холодною и таинственною улыбкою Джіоконды таилась дивная дверь,— и странныя слова какъ бы сами собою родились на его устахъ:

— И ты хочешь быть человѣкомъ? Зачѣмъ? Что тебѣ въ нашемъ бѣдномъ существованіи?

И тихій голосъ отвѣтилъ почти беззвучно, но странно внятно:

— Я хочу.

„Бѣдные, разстроенные нервы,— думалъ на другое утро Пусторослевъ.—Надо уѣхать изъ этого жуткаго и жестокаго города“.

Но, когда онъ одѣвался, въ невѣрномъ и слабомъ свѣтѣ сѣвернаго ранняго утра прошелъ мимо него тихими и легкими шагами бѣлый, весь бѣлый и спокойный мальчикъ, и сказалъ тихонько старыя, странно земныя и трогательныя слова:

— Голодные. Дѣти. Трупики.

— Что?—въ ужасѣ спросилъ Пусторослевъ.

И въ тишинѣ послышались еще болѣе простыя и земныя слова:

— На гривенникъ молока.

Кратко и жутко промелькнулъ, едва возникъ и уже клонился къ закату морозный день. На Невскомъ зажигались фонари. Украдкой. Никто не видѣлъ, какъ они вспыхнули. И свѣтъ ихъ былъ ясный и безпокойный.

На перекресткѣ двухъ шумныхъ улицъ, остановившись на минуту переждать толчею экипажей, Пустотослевъ увидѣлъ поэта-декадента, Приклонскаго. Медленною, развинченною походкою Приклонскій подошелъ къ Пустотослеву, и молча пожалъ ему руку.

Пустотослевъ не любилъ Приклонскаго. Считалъ его шарлатаномъ. Въ этомъ смыслѣ высказывался кое-гдѣ. До Приклонскаго, очевидно, дошли рѣзкіе отзывы Пустотослева. Какъ-то, встрѣтясь на одномъ изъ тѣхъ вечеровъ, гдѣ всѣ бываютъ и гдѣ всѣмъ бываетъ скучно, Приклонскій подошелъ къ Пустотослеву, и безъ всякаго повода началъ разсказывать, по обычаю своему, очень парадоксально, что всѣ писатели раздѣляются на два разряда: диллетанты и шарлатаны. Пустотослеву стало неловко. Съ тѣхъ поръ чувство неловкости всегда охватывало Пустотослева, когда онъ встрѣчался съ Приклонскимъ. Странные, опьяненно-веселые и невнимательные глаза Приклонскаго наводили на Пустотослева тоску.

Но теперь Пусторослевъ обрадовался этой встрѣчѣ.

— Приключеніе по вашей части,—сказалъ онъ, стараясь говорить иронично, и вдругъ чувствуя съ досадою, что это ему не удается.

И онъ разсказалъ о бѣломъ мальчикѣ. Досадно было, что разсказъ выходитъ въ сбивающемся тонѣ.

— Призраки держать себя странно,—закончилъ онъ,— вмѣсто откровеній о загробномъ мірѣ какой-то дѣтскій и совершенно земной лепетъ.

Приклонскій выслушалъ такъ спокойно, какъ разсказъ о самомъ обыкновенномъ событіи.

— Что васъ удивляетъ?—спросилъ онъ.—Земное не ниже и не хуже небеснаго. Между этимъ и тѣмъ міромъ не такое соотношеніе, что одно хуже, а другое лучше. Плоть такъ же свята, какъ и духъ.

— Но „на гривенникъ молока", — это все же слишкомъ прозаично,—возразилъ Пусторослевъ.

Приклонскій помолчалъ, спокойно посмотрѣлъ на него, и заговорилъ, какъ бы отвѣчая на какія-то другія, болѣе интересныя слова:

— Мы живемъ среди природы, которая вся насквозь проникнута стремленіемъ къ жизни. Тысячелѣтія тому назадъ волевая энергія природы была такъ велика, что возникли безчисленныя разновидности жизни на землѣ. Теперь энергія природы принимаетъ иной характеръ: природа стремится не только къ бытію,—она стремится къ тому, чтобы осознать себя. Насъ окружаетъ страстное желаніе не только быть, но быть самымъ сознательнымъ,—быть человѣкомъ, и болѣе, чѣмъ человѣкомъ. Тѣ домашнія маленькія нежити, которыхъ вы давно чувствовали вокругъ себя, настойчиво стучались въ двери вашего сознанія. Вамъ надлежитъ теперь отдаться съ довѣрчи-

востью тому приключенію, которое васъ ожидаетъ. Онѣ васъ не обманутъ. По крайней мѣрѣ, смѣло можно утверждать, что онѣ не сдѣлаютъ съ вами ничего такого, возможности чего не заложены въ васъ самихъ.

Повидимому, Приклонскій собирался говорить еще долго. Но въ легкомъ дрожаніи его губъ, которое придавало его некрасивому преждевременно увядшему лицу ироническое выраженіе, Пустораслеву почудилось желаніе мистифицировать его. Онъ началъ слушать разсѣянно, и наконецъ сказалъ:

— Просто нервы у меня не въ порядкѣ.

— Просто,—неопредѣленнымъ тономъ повторилъ Приклонскій.

Опять длился вечеръ, холодный, скучный, одинокій,— и онъ казался нескончаемымъ и ненужнымъ. Никуда не пошелъ Пустораслевъ, хотя его ждали въ одномъ мѣстѣ, и самъ онъ въ другое время охотно поѣхалъ бы туда. Въ другое время. Но теперь что-то удерживало Пустораслева, и странное ожиданіе томило его больно и жутко.

Длился, томительно длился вечеръ, — и все было обычно и скучно, и буднично, какъ всегда,—и уже казалось, что ничего нѣтъ и не будетъ, кромѣ того, что бываетъ обыкновенно. Ни чуда, ни явленій изъ иного міра, близкаго и вѣчно загадочнаго, страшнаго и желаннаго.

И опять усталость одолѣла Пустораслева. Онъ легъ, взялъ книгу, чтобы скоротать время до того часа, когда можно лечь въ постель.

Опустилъ книгу, докучную, ненужную. Закрылъ глаза...

И какъ онъ могъ не замѣтить раньше? Всегда здѣсь съ нимъ кто-то, вопрошающій, неотступный. Чего онъ хочетъ?

Пусторослевъ сказалъ тихо, не открывая глазъ:

— Скажи мнѣ, чего ты хочешь, и гдѣ ты, и кто ты. Скажи мнѣ о себѣ,—и я сдѣлаю все, чего ты хочешь, и пойду за тобою.

Легкіе шаги послышались. Таинственный гость подошелъ и сталъ у изголовья сзади. Такъ близко,—протянуть только руку, и коснешься его. Такъ близко, — и такъ далеко.

Пусторослевъ повернулся на бокъ, двинулъ руку туда, къ изголовью, — и вдругъ услышалъ тихія, тревожныя слова:

— Не гляди. Не тронь. Рано.

Пусторослевъ опять легъ спокойно, на спину, закрылъ глаза, и слушалъ.

Послышался нѣжный голосъ бѣлаго мальчика:

— Если бы я жилъ!

И въ этомъ краткомъ восклицаніи было столько призывной тоски, такая жажда жизни достойной и доблестной, такой порывъ наполнить огнемъ святой борьбы минуты жизни, что Пусторослевъ почувствовалъ, какъ душа его зажглась давно уже неиспытаннымъ восторгомъ.

Онъ всталъ. Быстро подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ чудилась ему въ стѣнѣ дивная дверь. Не думалъ о ней,—какъ-то мимовольно подошелъ именно къ ней. Остановился. Ждалъ. И весь дрожалъ.

Какъ тихое дуновеніе легкаго вѣтра, мимо него прошелъ бѣлый мальчикъ, зыбкій, едва видимый. Открылась тайная въ стѣнѣ дверь. За нею—узкій, темный проходъ. И Пусторослевъ безъ колебанія пошелъ за мальчикомъ въ неизвѣстный путь...

Были тогда безпокойные дни. Рабочіе голодали, не

шли на работы. Было много солдатъ и казаковъ. Иногда на улицахъ убивали.

Дологъ былъ путь; но какъ-то странно Пусторослевъ не замѣчалъ его. Наконецъ онъ увидѣлъ, что стоитъ на дворѣ деревяннаго стараго дома. Подъ воротами горѣлъ фонарь, и если глядѣть въ ту сторону долго, то послѣ на дворѣ казалось еще темнѣе и холоднѣе. Пусторослевъ былъ одинъ. Ждалъ. Кто-то тихій и легкій промелькнулъ мимо него, и скрылся.

— Куда же итти?—спросилъ Пустороcлевъ.

И уже послѣ того онъ увидѣлъ дворника. Молодой, длинный и тощій парень съ рыжими, жесткими волосами, которыхъ было такъ много, что они, казалось, приподнимали шапку-блинъ.

— Да вамъ кого?—спросилъ онъ простуженнымъ и лѣнивымъ голосомъ.

Пустороcлевъ сказалъ фамилію; — казалось ему, что она случайно пришла ему въ голову:

— Елизаровъ здѣсь?

— А вонъ по той лѣстницѣ, въ четвертый этажъ,— отвѣтилъ дворникъ.

Какъ во снѣ, прошли передъ Пустороcлевымъ жуткія впечатлѣнія: смрадная квартира; много угрюмыхъ, словно голодныхъ людей. Подъ образами—мертвая женщина. Мальчикъ, сынъ мертвой. Тощій, грязный, уродливый, и страшно и странно похожій на того мальчика, который приходилъ къ Пустороcлеву по вечерамъ.

Мальчикъ остался одинъ. Родныхъ не было. Пустороcлевъ взялъ его. Жадные, голодные глаза глядѣли за нимъ, когда онъ уводилъ ребенка.

И все это промелькнуло такъ быстро, и все это казалось Пустороcлеву сномъ до тѣхъ поръ, пока онъ не очутился дома.

Наташа, его чинная и строгая служанка, сердито поморщилась, когда Пусторослевъ объявилъ ей, что ребенка онъ взялъ, и что его надо устроить.

— За два часа не отмоешь,—ворчала она.

На другое утро Пусторослевъ заказалъ мальчику бѣлую одежду того покроя, который онъ видѣлъ на своемъ таинственномъ посѣтителѣ. Заплатилъ, не торгуясь, такъ щедро, что, несмотря на предпраздничную спѣшку, одежда къ вечеру была готова.

И когда вечеромъ, тщательно вымытый, выстриженный, тонкій, бѣлый, съ горящими черными глазами, въ короткой бѣлой одеждѣ, оставляющей ноги голыми, необутый мальчикъ тихо подошелъ къ Пусторослеву, стало Пусторослеву жутко,—такъ похожъ былъ этотъ мальчуганъ на того, вечерняго и таинственнаго.

— Ты откуда, Гриша?—спросилъ Пусторослевъ.

Мальчикъ неловко дернулъ плечомъ, потеребилъ тонкими пальчиками складки своего наряда, и отвѣтилъ:

— Изъ фабричныхъ.

Помолчалъ. Потомъ сказалъ по-ребячески плаксиво:

— Утромъ съ Наташей ѣздили, маму хоронили. Отецъ лѣтомъ померъ, теперь мама померла,—просто хоть ложись да помирай.

— Теперь ты мой будешь, — сказалъ Пусторослевъ.

Мальчикъ помолчалъ, потупился, шепнулъ тихонько:

— Спасибо.

Мальчикъ былъ тихій, но неробкій. Онъ дичился постороннихъ, старался уйти, когда кто-нибудь приходилъ, но ужъ если его останавливали, то онъ отвѣчалъ на вопросы прямо и просто, съ эпическимъ спокойствіемъ первобытнаго существа.

Наступали праздники. Пусторослевъ сдѣлалъ для Гриши елку. Позвалъ дѣтей. Было человѣкъ десять маленькихъ гостей, бѣдные и богатые. Было весело и шумно. Пусторослева радовалъ Гришинъ смѣхъ, но ему жутко было глядѣть въ его внимательные, слишкомъ черные, слишкомъ глубокіе глаза.

На утро онъ спросилъ:

— Гриша, скажи, понравилась тебѣ вчера елка?

Гриша, по своей привычкѣ, помолчалъ немного, теребя складки своего наряда, и потомъ сказалъ странно спокойнымъ голосомъ:

— Елка—очень хорошо. Славно. А ребятишки у васъ скверные были.

— Чѣмъ скверные?—съ удивленіемъ спросилъ Пусторослевъ.

Гриша заговорилъ поживѣе:

— А какъ же,—они себя различаютъ. Которые богатые считаются, тѣ такъ свысока, а которые бѣдные, то такіе завидущіе, и все они завидуютъ, и такъ у нихъ на все глаза и горятъ. Все бы имъ отдать, да и то бы имъ мало было. Право слово, завидущіе.

Часто разговаривали Пусторослевъ съ Гришею. Каждый вечеръ. И каждый разъ Пусторослевъ звалъ къ себѣ Гришу съ такимъ жуткимъ чувствомъ, какъ будто бы онъ и ждалъ отъ него, и боялся какихъ-то странныхъ и страшныхъ словъ.

„Знаетъ-ли Гриша того, ночного?—думалъ иногда Пусторослевъ.—Не спросить ли его? Но какъ спросить?“

И наконецъ спросилъ:

— Гриша, ты у меня былъ раньше?

Мальчикъ поблѣднѣлъ еще больше, и казалось, что онъ вдругъ испугался. Робко шепнулъ онъ:

— А ты почемъ знаешь?

Пусторослевъ закрылъ глаза. Голова его кружилась жутко и томно.

А Гриша говорилъ:

— Я-то у тебя былъ. Во снѣ. Вижу я, сидитъ такой баринъ за столомъ, и крѣпко думаетъ. А лица не видно. И такъ показываетъ, будто и вовсе лица нѣтъ. Но только это невѣрно. Теперь-то я узналъ, — все какъ у тебя, и столъ, и лампа, все, какъ есть.

— Гриша, зачѣмъ же ты ко мнѣ приходилъ?

Гриша вздохнулъ.

— Ну вотъ,—разсказывалъ онъ,—вижу, сидитъ будто баринъ, а лица не видно. А я и говорю: баринъ, а баринъ, нешто намъ весь вѣкъ голодать однимъ. Пойдемъ помирать вмѣстѣ. А баринъ ничего не говоритъ. Все думаетъ. Ну, я и уйду. А послѣ того мама захворала. Померла. А послѣ того и ты меня взялъ.

— Гриша, зачѣмъ ты меня звалъ?—съ тоскою спросилъ Пусторослевъ.

Гриша засмѣялся. Какъ тотъ, ночной. Такой же зыбкій и быстрый смѣхъ. Точно быстрый плачъ. Такой ясный смѣхъ, и такой невеселый.

— А какъ же?—страстно заговорилъ Гриша,—отчего такъ? Почему, скажи, за что намъ такое житье собачье? Развѣ для того мы на землѣ живемъ, чтобы другъ друга поѣдомъ ѣсть? За что? И если онъ насильничаетъ, такъ все и терпѣть безъ конца?

Пусторослевъ глядѣлъ на черные, пламенные Гришины глаза, на его блѣдное, худое и такое прекрасное лицо. Жутко было ему. А Гриша говорилъ:

— Пойти бы всѣмъ вмѣстѣ, дошли бы до такого мѣста, гдѣ земля новая, и небо новое, и левъ свирѣпый не кусаетъ, и змѣйка-скоропейка не жалитъ. Да нѣтъ намъ свободы, никуда не пойдешь.

— Гриша, откуда ты набрался словъ? — спросилъ Пусторослевъ.

Ему хотѣлось разрушить это темное очарованіе, которое такъ долго держало его въ своей власти.

Гриша слегка покраснѣлъ.

— Можетъ быть, я глупости говорю. Не знаю. Что отъ людей услышишь, что самъ придумаешь. Ты думаешь, что ты баринъ, такъ ты одинъ думаешь? Я тоже люблю думать. Только, что я тебѣ скажу.

Гриша пріумолкъ.

— Скажи, Гриша.

— Если бы я все это дѣло зналъ, ни за что бы я не захотѣлъ быть человѣкомъ.

Были не разъ такіе странные и не совсѣмъ дѣтскіе разговоры. На утро Пусторослеву казалось, что этого Гриша не говорилъ, что всѣ эти слова ему пригрезились въ дремотѣ поздняго вечера, въ усталой дремотѣ вопрошающаго и не находящаго отвѣта человѣка.

И самъ Гриша днемъ бывалъ совсѣмъ простымъ и обыкновеннымъ мальчикомъ, съ самыми простыми мальчишескими затѣями и интересами. Только тихій очень и скромный, и очень худенькій. И когда вспоминалъ покойныхъ родителей, то иногда поплачетъ. А когда говорили при немъ о фабричныхъ рабочихъ, онъ дѣлался печальнымъ и хмурымъ, и начиналъ дрожать, и тихо уходилъ.

Тамъ, у гроба матери, онъ казался лохматымъ, взъе-

рошеннымъ и уродливымъ. Но на самомъ дѣлѣ онъ былъ скорѣе красивъ. Только очень ужъ худъ.

И хорошо было то, что у него не много было непріятныхъ привычекъ. Или, можетъ быть, онъ былъ такой тихій и внимательный, что самъ скоро замѣчалъ, чего здѣсь не слѣдуетъ дѣлать.

Приближались великіе дни. Сладостное вѣяніе свободы носилось надъ городами и темными селеніями нашей родины. Созрѣло негодованіе, и въ его бурномъ дыханіи отогрѣлась нѣжная надежда, такъ долго таившаяся подъ равнодушнымъ и безпощаднымъ снѣгомъ.

Гриша пришелъ вечеромъ къ Пустораслеву. Видно было, что онъ хочетъ что-то сказать.

— Гриша, что ты?—спросилъ Пустораслевъ.

Гриша помолчалъ. Покраснѣлъ.

Такъ покраснѣлъ, какъ никогда еще не видѣлъ у него Пустораслевъ. Сказалъ звенящимъ и рѣшительнымъ голосомъ:

— Наши завтра пойдутъ. И я пойду.

Пустораслевъ испугался.

— Гриша, куда ты пойдешь? Что за глупости!—досадливо крикнулъ онъ.—Что тебѣ тамъ дѣлать, такому маленькому?

Гришины глаза горѣли, и щеки багряно пылали.

— Пойду,—тихо, но рѣшительно сказалъ онъ.

Пустораслевъ понялъ, что не надо спорить.

— Гриша,—сказалъ онъ успокоительно,—утро вечера мудренѣе. Мы объ этомъ лучше завтра поговоримъ съ тобою,—а теперь не пора ли намъ спатиньки?

Гриша стыдливо улыбнулся.

— Спатиньки придутъ сами,—сказалъ онъ,—а только

какіе спатиньки? Бѣлые далеко, зеленымъ рано, сѣрыхъ не хочу, черныхъ ты не пустишь,—какіе же спатиньки! развѣ только красные.

День страшный и безпощадный поднялся надъ морознымъ жуткимъ городомъ. Была безоружная толпа, и вооруженные люди убивали. И ужасъ виталъ надъ столицею.

Пусторослевъ рано вышелъ изъ дому. Забылъ о Гришѣ. Встрѣчи и заботы захватили его.

И вдругъ, въ говорѣ толпы, мимолетныя слова:

— Много мальчишекъ...

Разомъ вспомнилъ. Стало страшно. Поѣхалъ домой. Очень торопилъ извозчика. И такъ было страшно, и тоскливо, словно непоправимое совершалось несчастіе.

Дома,—разстроенное Наташино лицо, ея убѣгающій взоръ, ненужныя слова:

— Ахъ, Андрей Павловичъ, на улицахъ-то что дѣлается.

— Гриша гдѣ?—крикнулъ Пусторослевъ.

Наташа смутилась. Покраснѣла. Заплакала.

— Какъ сказали съ вечера шубку спрятать и сапожки, все спрятала въ шкапъ. Да ужъ какъ онъ ключъ нашелъ, ума не приложу. И такой былъ тихій, и такой тихій. На минутку вышла, вернулась, нѣтъ Гриши. Одѣлся, и ужъ какъ пробѣжалъ? Ума не приложу.

Пусторослевъ вышелъ опять на улицу. Остановился у подъѣзда. Куда итти?

Шли всѣ въ одну сторону. Поспѣшно, словно спасаясь. Молодой человѣкъ съ рыжею бородкою, по одеждѣ рабочій, въ очкахъ, говорилъ:

— Вотъ онъ чѣмъ насъ встрѣтилъ! штыками да пулями.

Въ толпѣ дворниковъ и лавочниковъ слышался злой говоръ:

— Студентъ. Переодѣлся.

Какой-то паренекъ въ барашковой шапкѣ быстро пробѣжалъ, крича:

— Товарищи, обходятъ!

Побѣжали.

Показались всадники. Они ѣхали медленно. На перекресткѣ собралась толпа рабочихъ. Слышались крики. Полетѣла въ солдатъ пустая бутылка. Двое всадниковъ отдѣлились отъ строя. Нелѣпо махали шашками. Толпа разбѣжалась.

Пусторослевъ свернулъ въ переулокъ. Шелъ куда-то. Шелъ поспѣшно, пробираясь наудачу къ центру города. Не вездѣ можно было пройти,—стояли цѣпи солдатъ, не пускали.

Шумъ, толпа, казаки, окрики часовыхъ, — все это скользило мимо сознанія. Пусторослевъ забылъ, что его ждали, забылъ о своемъ дѣлѣ,—только мысль о Гришѣ повторялась настойчиво и больно.

И вдругъ увидѣлъ Гришу. Мальчикъ пробѣжалъ мимо, странно-блѣдный на морозѣ. Крикнулъ Пусторослеву:

— Иди, иди за мною.

Черные на блѣдномъ лицѣ глаза мгновенною молніею блеснули передъ усталымъ взоромъ Пусторослева. И въ то же мгновеніе рѣзкій звукъ рожка пронизалъ всѣ уличные шумы.

— Гриша, вернись!—крикнулъ Пусторослевъ.

Бѣжали мимо, кричали. Было видно много искаженныхъ ужасомъ лицъ. Улица пустѣла.

И опять Гриша. Подошелъ къ Пустораслеву.

— Зачѣмъ они бѣгутъ? Чего они боятся? — спрашивалъ онъ, и голосъ его звенѣлъ и дрожалъ.

Такой блѣдный, и глаза такъ горятъ.

Пусторослевъ взялъ его за плечо, и сказалъ:

— Милый, вернемся домой. Здѣсь не надо стоять. Они убиваютъ.

Гриша засмѣялся,—совсѣмъ, какъ тотъ, ночной мальчикъ.

Пусторослевъ смотрѣлъ на Гришу съ недоумѣніемъ и тоскою. Бѣлый и сіяющій, какъ тотъ, ночной посѣтитель, мальчикъ говорилъ:

— И пусть убьютъ. Развѣ ты боишься? Умремъ вмѣстѣ. Не стоитъ жить съ этими злыми людьми. Не хочу быть съ ними.

Вдругъ гдѣ-то странно близко послышался тупой гулъ и топотъ множества коней. Всадники приближались медленно и неуклонно. Лошадиныя въ пѣнѣ морды были близки и странно добродушны и покорны, какъ всегда,—а надъ ними колыхались красныя, свирѣпыя и тупыя лица.

И надъ гуломъ и топотомъ стройнаго воинства пронесся внезапный звонкій крикъ:

— Палачи!

Гриша оттолкнулъ руку Пусторослева и, звонко крича, побѣжалъ навстрѣчу всадникамъ. Сверкнула бѣлая, безпощадная улыбка, мелькнула въ воздухѣ длинная стальная полоса,—офицеръ ударилъ Гришу.

Надъ дѣтскимъ трупомъ быстро мчались всадники.

Маленькій изуродованный трупъ схоронили. Пусторослевъ остался жить,—усталый, безрадостный, втянутый въ суету ежедневной работы для дѣла,—трудъ до подвига, но все еще безъ восторга.

Но длится время, и онъ ждетъ. Наступаютъ великіе дни. Опять придетъ сіяющій рождественскій мальчикъ.

Уже онъ приходитъ, приходитъ снова, тихій, вопрошающій, озаренный темною улыбкою,—подходитъ въ тишинѣ одинокаго вечера, и заглядываетъ въ усталое лицо Пусторослева.

И опять слышитъ Пусторослевъ его тихій и настойчивый шопотъ:

— Я хочу. Я пойду съ ними, — и ты пойдешь со мною, въ новый міръ, черезъ эту дверь, темную, но вѣрную.

И знаетъ Пусторослевъ, что теперь онъ не оставитъ Гришу одного,—пойдетъ съ нимъ, за нимъ. И шепчетъ:

— Милый? гдѣ ты? кто ты?

И слышитъ:

— Приду. Вмѣстѣ пойдемъ.

И повторяетъ:

— Вмѣстѣ умремъ.

СОДЕРЖАНІЕ



Ц. 1 р. 25 к.

1196 4

72.

BINDING SECT. MAY 1970

PG
3470
T4
1909
t.4

Teternikov, Fedor Kuz'mich
Sobranie sochineniĭ

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY